

ЖОРЖ СЕГИ

БОРЬБА

Жорж Сегі

БОРЬБА

GEORGES
SEGUY Lutter

Editions Stock,
Paris, 1975

ЖОРЖ
СЕГИ

БОРЬБА

Беседы с *Филиппом Домиником*

Общая редакция
и вступительная статья
Э. П. Петрова

МОСКВА · ПРОГРЕСС · 1978

Перевод с французского
М. Г. Анисенко
Редактор *Г. К. Болгарева*

*Редакция литературы
по международным отношениям*

© 1975, Editions Stock
© Перевод на русский язык и вступительная статья — издательство
«Прогресс», Москва, 1978

С $\frac{10302-916}{006(01)-78}$ 15-78

Вступительная статья

Книга генерального секретаря Всеобщей конфедерации труда Франции Жоржа Сеги «Борьба» написана для самого широкого круга читателей, в том числе для тех, кто имеет весьма смутное, а иногда искаженное (благодаря усилиям буржуазной пропаганды) представление о ВКТ, ее деятельности, ее активистах, о людях, которые руководят конфедерацией. Книга имеет подзаголовок: «Беседы с Филиппом Домиником». Избранная манера изложения (диалог) дает возможность автору свободнее излагать материал, когда он рассказывает о самом себе, и не связывать себя «жесткими», до конца отточенными формулировками, когда он дает оценки фактам, событиям, явлениям относительно близкого к дате написания (конец 1974 г.) или отдаленного прошлого.

Книга «Борьба» носит автобиографический характер. В предисловии к русскому изданию Жорж Сеги пишет, что ему нелегко было самому рассказывать о своей жизни. И если он решился на это, то только потому, что в силу своей работы в течение 35 лет «находился в гуще событий, которыми жил рабочий класс Франции» (стр. 25). Неслучайно эпиграфом к книге взяты слова Жоржа Сеги, сказанные им в интервью радиостанции «Европа № 1»: «Нет ВКТ, которая принадлежит Сеги, есть ВКТ, которой принадлежу я...» Эпиграф определяет основное значение книги. Рассказывая о себе, автор прежде всего говорит о французском

рабочем движении, о Всеобщей конфедерации труда как самом массовом и боевом его отряде, о ее истории, задачах и проблемах.

Всеобщая конфедерация труда Франции была образована 23 сентября 1895 года на стыке двух веков, когда капитализм вступал в свою высшую и последнюю стадию — империалистическую. Изначально в ВКТ входило 28 промышленных и корпоративных федераций, 126 изолированных профсоюзов, 420 тысяч членов профсоюзов. Но уже тогда в первом Уставе только что родившегося объединения французского рабочего класса было провозглашено: «ВКТ объединяет трудящихся, решивших бороться за ликвидацию патроната и системы наемного труда»*. Так во французском рабочем движении появилось профсоюзное объединение, которое подняло знамя классовой борьбы.

Видный деятель французского и международного рабочего движения Бенуа Фрашон в свое время подчеркивал: «Потребовались многие годы, многочисленные испытания, множество дискуссий, чтобы ВКТ стала инструментом эффективной борьбы, как того хотели ее основатели. Однако с самого момента своего рождения, и это главное, ВКТ встала на позиции классовой борьбы и определила своей первостепенной задачей обеспечение единства трудящихся как важнейшего условия ее эффективности и успеха»**.

В самом деле, недостаточно было провозгласить принципы последовательного классового подхода, единства профсоюзного движения и всех трудящихся. Нужно было еще уметь защищать, отстаивать эти принципы.

Революционному ядру последовательных сторонников классовых принципов, которое образовалось в ВКТ, пришлось с самого начала вести напряженную, трудную борьбу на два фронта.

С одной стороны, и профсоюзные объединения, и широкие массы трудящихся Франции были заражены анархо-синдикализмом. Бенуа Фрашон вспоминал, насколько сложно проходила борьба против анархо-синдикалистских идей не только в ВКТ, но даже в нем самом.

* "GGT. 70 années de luttes ouvrières", p. 4.

** Там же.

«Я был уже членом компартии, — рассказывал он, — но на три четверти во мне сидел еще анархо-синдикалист» *. Процесс преодоления ошибок и заблуждений, очищения от анархистской шелухи протекал в ВКТ долго, подчас болезненно. Анархо-синдикалистские взгляды и настроения оказались очень живучими в рабочем движении Франции, их проявления наблюдались и во время майских событий 1968 года, о чем пишет Жорж Сеги (стр. 131). Они не преодолены полностью и по сей день. Если анархо-синдикалистские концепции не характерны для ВКТ, то для других профсоюзных объединений их влияние весьма ощутимо.

С другой стороны, в рабочем движении Франции постоянно присутствовал, то крадучись, то с открытым забралом, реформизм. Приверженцы «классового мира» систематически пытались увести ВКТ с дороги классовой борьбы на путь соглашательства с капиталом. Они не брезговали и прямыми провокациями, наносившими огромный ущерб как ВКТ, так и всему рабочему движению страны.

Именно они, изгнав под провокационным предлогом сторонников левых сил со съезда в Лилле в 1921 году, привели к первому расколу в ВКТ, длившемуся 15 лет. Только в марте 1936 года на волне мощного рабочего движения, в преддверии Народного фронта ВКТ вновь обрела единство. Короткий период существования единства убедительно показал, каких впечатляющих результатов способны добиться трудящиеся, если обеспечена сплоченность профсоюзных рядов, единство всех левых сил и партий.

Накануне второй мировой войны реформисты нанесли новый удар французскому профсоюзному движению. Им вновь удалось изгнать из ВКТ всех, кто последовательно придерживался позиций классовой борьбы, защиты интересов трудящихся.

Период нацистской оккупации — один из самых тяжелых периодов в истории Франции. В преданной крупным капиталом стране гитлеровцы и их французские прислужники обрушили репрессии прежде всего против коммунистов и профсоюзных активистов. Все профсоюзы были распущены. Но профсоюзное движение не

* «Труд», 13.05.1973 г.

умерло — вместе с коммунистами первыми на активную борьбу за освобождение родины поднялись те, кто составлял боевое ядро ВКТ. Многие из них в этой борьбе отдали свои жизни.

Наращение движения Сопротивления, активизация выступлений рабочих привели к тому, что в мае 1943 года в Перрё, под Парижем, было достигнуто соглашение о воссоздании единой ВКТ.

После освобождения Франции возрожденная и вновь воссоединенная ВКТ представляла собой мощную силу: в ее рядах насчитывалось пять с половиной миллионов членов. И вновь реформисты, апологеты классового сотрудничества сыграли свою роль, на этот раз при прямой финансовой поддержке американского империализма, в частности ЦРУ. Рассчитывая развалить классовое профсоюзное движение во Франции, в 1947 году от ВКТ откололась группировка «Форс увриер» и образовала сепаратное профобъединение.

Еще раз профсоюзному движению страны был нанесен тяжелый удар. Однако инициаторы очередного раскола и все те, кто стоял за их спиной, не достигли своих целей. ВКТ с честью пережила и это испытание. Она восстановила свои силы. На протяжении послевоенных лет ее роль в социальной истории страны непрестанно росла.

То главное, что на всех этапах существования ВКТ помогало ей выстоять, идти вперед, мужать, приобретая опыт, крепить боевитость, состояло в том, что она всегда выражала насущные классовые интересы широких трудящихся масс Франции, всегда сохраняла последовательную классовую ориентацию и сплоченность. В ВКТ постоянно существовало боевое ядро, которое твердо стояло на принципиальных классовых позициях. Через все бури и испытания, напряженные схватки с классовым врагом и его явными или тайными союзниками оно неизменно выходило победителем. К нему постоянно тянулись, его поддерживали, вокруг него сплачивались все передовые силы рабочего класса и других трудовых слоев Франции.

В своей книге Жорж Сеги постоянно подчеркивает классовый характер позиций ВКТ. И в то же время он говорит о «независимости» конфедерации от партий, в том числе левых. В. И. Ленин, разрабатывая теорети-

ческие основы деятельности профсоюзов, называя их в условиях социалистического общества школой коммунизма, говорил о профсоюзах как о «передаточном механизме» от партии к массам *. Собеседник Жоржа Сеги, журналист Филипп Доминик, напоминая об этом, заявляет, что «во Франции синдикализм всегда отказывался быть «приводным ремнем» вопреки принципам, провозглашенным Лениным» (стр. 219). Сеги отвергает подобную постановку вопроса и подчеркивает, что не следует забывать, когда и почему Ленин употребил этот термин. «Ленин никогда не говорил о подчинении профсоюзов партии», — замечает Сеги. В свое время Ленин решительно воевал против так называемой теории «нейтральности» профсоюзов, с помощью которой реформисты пытались наглухо разъединить профсоюзы и пролетарские партии. Но он никогда не отождествлял эти две формы организации рабочего класса, не выступал за их «слияние» или «подчинение» одного другому ни в капиталистических условиях, ни в условиях социализма. По вопросу о взаимоотношениях между профсоюзами и партиями рабочего класса в развитых капиталистических странах, где имеются определенные политические свободы, Ленин писал в работе «Что делать?»: «В странах с политической свободой различие профессиональной и политической организации совершенно ясно, как ясно и различие тред-юнионов и социал-демократии. Отношения последней к первым неизбежно видоизменяются, конечно, в разных странах смотря по историческим, юридическим и другим условиям,—они могут быть более или менее тесными, сложными и проч. (они должны быть, с нашей точки зрения, возможно более тесными и возможно менее сложными), но о совпадении организации профессиональных союзов с организацией социал-демократической партии в свободных странах нет и речи» **.

Во Франции тоже существуют особенности взаимоотношений между профсоюзами и партиями, действительно выражающими интересы рабочего класса, трудящихся или претендующими на это. Жорж Сеги подчеркивает независимость ВКТ от политических партий.

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 349.

** В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 112—113.

объясняя это историей развития, традициями, своеобразием французского профсоюзного движения. При этом он отмечает, что независимость от партий ни в коем случае не равнозначна аполитизму. ВКТ неизменно занимает самые активные позиции по важнейшим политическим вопросам страны. Как следует из пояснений Сеги, независимость ВКТ не означает также, что она глухой стеной отгораживает себя от левых политических партий. В ВКТ насчитывается 250—300 тысяч коммунистов. Сеги говорит о них: «Трудящиеся-коммунисты считают своим долгом быть членами национального профцентра, который выступает с классовых позиций и является самой крупной профсоюзной организацией Франции. Будучи членами этого профобъединения, они работают в нем в соответствии с рекомендациями своей партии» (стр. 223).

Члены социалистической партии также входят в ВКТ. В течение многих десятилетий ВКТ настойчиво выступает не только за профсоюзное единство, но и за единство левых политических партий, всех левых сил. Особенно энергично она действует в последние годы, оказывая всемерную поддержку совместной программе левых сил, подписанной в 1972 году. Все эти факты важно иметь в виду для понимания вопроса о независимой позиции ВКТ по отношению к различным партиям. Во всяком случае, Жорж Сеги заверяет: «У революционной партии, каковой является Французская коммунистическая партия, нет никаких оснований беспокоиться, в каком направлении идет основной французский профцентр, поскольку его деятельность основывается на классовых принципах» (стр. 228).

Сила ВКТ состоит также в том, что она постоянно стремилась воспитывать трудящихся в духе верности принципам пролетарской солидарности как необходимого и важнейшего условия успешного развития национального и международного рабочего и профсоюзного движения. ВКТ неизменно была в первых рядах тех, кто выступал в поддержку национально-освободительной борьбы угнетенных народов, против колониальных авантюр французского империализма, против агрессивных вылазок и войн американского империализма, за прочный мир, разоружение, мирное сотрудничество между всеми странами и народами.

ВКТ принимала непосредственное участие в создании в 1945 году Всемирной федерации профсоюзов. Все последующие годы она играла в ВФП важную, активную роль.

Особое место в истории ВКТ занимает ее солидарность и дружба с трудящимися и профсоюзами Советского Союза. Французский рабочий класс был в числе первых, кто поднялся на защиту молодой Республики Советов. Он активно боролся против попыток задуть первую страну социализма в тисках империалистической блокады. Французских и советских трудящихся связывают узы совместной борьбы против общего врага — германского фашизма.

В начале 1946 года, когда повсюду на Западе империалистические круги вновь начали раздувать яростные антисоветские кампании, Бенуа Фрашон говорил от имени ВКТ, от имени рабочего класса Франции: «Мы испытываем чувства дружбы и преданности к СССР, как все преданные свободе люди, не ослепленные предвзятой ненавистью. Мы любим Советский Союз за героизм его солдат и его народа, за огромные жертвы, которые он понес, защищая дело всего человечества» *.

Передовые силы трудящихся Франции всегда высоко ценили ту роль, которую играет первая страна победившего социализма в развитии международного рабочего движения, прогресса всего человечества. Поэтому неизменно терпели неудачи непрерывные клеветнические кампании буржуазной пропаганды в отношении Советского Союза, нескончаемые попытки посеять недоверие, вбить клин между французскими и советскими трудящимися. Выражая позицию ВКТ, секретарь конфедерации Апри Кразюки пишет в книге «Профсоюзы и социализм»: «Мы считаем для себя честью быть членами французской профсоюзной организации, которая поддержала социалистическую революцию с самых первых ее шагов. Мы гордимся нашим старшим поколением, которое сделало это, и мы продолжаем идти его дорогой» **.

* «Труд», 13.05.1973 г.

** Henri Krasucki, Syndicats et socialisme. Editions Sociales, Paris, 1972, p. 77.

Жорж Сеги в своей книге неоднократно говорит о Советском Союзе. Впечатлениям от поездок в нашу страну посвящен целый раздел 11-й главы. Сеги отмечает огромные достижения Советского Союза в области экономики, развития науки, техники, культуры. «Только социалистическая система, — подчеркивает он, — способна обеспечить развитие страны от нуля до самого высокого мирового уровня» (стр. 194).

Вместе с тем по некоторым вопросам он высказывает и свои субъективные впечатления и суждения, которые, видимо, и следует расценивать как таковые. Давая свои объяснения, он остается верным манере свободной беседы, что ведет подчас к некоторой незавершенности мысли или даже, на наш взгляд, к определенной неточности. Это касается и тех мест, где Сеги говорит о советской демократии. Например, он высказывает уверенность в том, что «будущее обязательно покажет, что в области расширения норм демократической жизни Советский Союз докажет свое превосходство».

Безусловно, советская демократия — это живой, постоянно развивающийся организм. Процесс ее развития и совершенствования будет продолжаться и впредь. Однако речь идет не о том, чтобы доказывать превосходство советской социалистической демократии. Оно уже давно доказано всему миру. Величайшим завоеванием Великой Октябрьской социалистической революции стало утверждение принципов социального равенства и справедливости. Ни одно общество, когда-либо существовавшее на земле, не сделало и не могло сделать для народных масс, для трудящихся столько, сколько сделал социализм! Каждый советский человек обладает всей полнотой прав и свобод, позволяющих ему принимать активное участие в политической жизни. Каждый советский человек имеет возможность выбрать жизненный путь соответственно своему призванию и способностям, быть полезным Отчизне, своему народу. Конституция Советского Союза, говорил в своем докладе «Великий Октябрь и прогресс человечества» Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, «вновь убедительно показала, что понятия свободы, прав человека, демократии и социальной справедливости напол-

няются действительным содержанием только в условиях социализма» *.

Во Франции, как известно, в последнее время ведутся особенно широкие дискуссии о путях достижения социализма и его построения как в левых политических, так и в профсоюзных кругах. Буржуазные и различные реформистские идеологи активно пытаются вклиниться в эту дискуссию, разумеется, с единственной целью — все запутать, увести в сторону, выхолостить само содержание и смысл понятия «социализм». Со стороны буржуазной пропаганды предпринимаются и прямые идеологические диверсии. Жорж Сеги говорит об этой проблеме в 15-й главе своей книги. И он подчеркивает: «Для меня социализм — это радикальное преобразование капиталистического общества, его коренная перестройка. Социализм означает конец частной собственности на основные средства производства и обмена, передачу власти трудящимся и народу» (стр. 263).

Сила ВКТ состоит еще и в том, что она открыла входящим в нее рабочим и служащим независимо от их убеждений социалистическую перспективу. Как записано в Уставе, ВКТ ставит своей целью «ликвидацию капиталистической эксплуатации путем обобществления средств производства и обмена».

Безусловно, дискуссии по вопросам о конкретных путях перехода Франции к социализму будут продолжаться, в том числе и в ВКТ, которая представляет собой непартийную организацию, объединяющую трудящихся различных убеждений и взглядов. Однако следует еще раз отметить, что своими программными документами и своей повседневной деятельностью ВКТ постоянно нацеливала и нацеливает трудящихся на необходимость коренного изменения французского общества.

ВКТ по достоинству занимает ныне ведущее место во французском профсоюзном движении, являясь самым массовым, самым сплоченным, самым боевым профобъединением страны. В настоящее время конфедерация объединяет около двух с половиной миллионов трудящихся.

* «Правда», 3.11.1977 г.

По своей численности ВКТ значительно превосходит другие профобъединения страны. Следующая за ней Французская демократическая конфедерация труда (ФДКТ) насчитывает в своих рядах свыше одного миллиона членов. ФДКТ возникла в 1964 году в результате раскола Французской конфедерации христианских трудящихся, входила во Всемирную конфедерацию труда. В январе 1978 года руководство ФДКТ заявило о выходе из этого объединения.

Отколовшаяся в 1964 году от ФДКТ группа сохранила прежнее название — Французская конфедерация христианских трудящихся (ФКХТ), сейчас за ней идет около 150 тысяч рабочих и служащих.

Точный численный состав «Форс увриер» определить трудно. По некоторым оценкам, в нее входит 200—300 тысяч членов. Руководители самой «Форс увриер» называют цифру, близкую к миллиону, утверждая, что их профцентр опережает ФДКТ и стоит на втором, вслед за ВКТ, месте по числу членов. «Форс увриер» входит в Международную конфедерацию свободных профсоюзов, придерживающуюся реформистской ориентации.

Всесообщая конфедерация кадров, как она буквально называется по-французски, ВКК, объединяет определенную часть (главным образом верхние слои) инженерно-технических и административно-управленческих работников и насчитывает в своих рядах около 250 тысяч человек.

Возникшее после раскола 1947 года профобъединение работников просвещения — Федерация народного образования (ФНО) — насчитывает свыше 500 тысяч членов, охватывая основную массу учителей и часть профессорско-преподавательского состава.

Существует еще несколько так называемых автономных профсоюзов, действующих по узкопрофессиональному, корпоративному принципу. Общее число их членов едва превышает 100 тысяч.

Приведенные данные подтверждают две характерные особенности французского профсоюзного движения.

Во-первых, Франция продолжает оставаться страной с относительно низким числом трудящихся, организованных в профсоюзы. В настоящее время членами профсоюзов являются немногим более 20 процентов рабочих

и служащих. Вполне естественно, что «профсоюзная концентрация» очень неравномерна. Как правило, охват профсоюзами выше и профсоюзы сильнее там, где выше и промышленная концентрация: в крупных промышленных центрах, на средних и крупных предприятиях. В то же время остаются еще многие тысячи предприятий, где не существует вообще никаких профсоюзов и хозяева всеми средствами, включая и те, что не дозволены даже по буржуазному законодательству, препятствуют их созданию. Однако и на некоторых крупных заводах, особенно в автомобильной промышленности («Симка-Крайслер», «Ситроен», «Пежо»), хозяева всячески пытаются не допустить существования профсоюзов. В этих целях на средства предпринимателей была создана «профессиональная организация», присвоившая себе название Французская конфедерация труда (ФКТ). Ее нельзя назвать даже «желтым» профсоюзом, поскольку с профсоюзным движением она ничего общего не имеет и представляет собой организацию ставленников, которым хозяева платят за обеспечение «спокойствия и порядка» в цехах и покорности рабочих. Члены этой организации шпионят и наушничают, подкупают и запугивают, организуют травлю профсоюзных активистов и сочувствующих им, а то и прибегают к прямым физическим расправам.

Другая особенность современного профдвижения Франции состоит в том, что половина всех организованных в профсоюзы рабочих и служащих страны входит в одно профобъединение — Всеобщую конфедерацию труда, что предопределяет ее особое место. Влияние и роль ВКТ среди трудящихся тем не менее значительно превышают ее численный вес. Прежде всего это проявляется во время проведения различных профессиональных выборов. Так, на выборах делегатов персонала, которые полномочны вести переговоры с администрацией от имени всего избравшего их коллектива, или на выборах в комитеты предприятий, в чьем ведении находятся социально-культурные фонды данного предприятия, обычно за кандидатов ВКТ голосуют до 60—80 процентов трудящихся. А в общенациональном масштабе поддержку ВКТ на профессиональных выборах оказывают свыше 50 процентов рабочих и служащих.

ВКТ пользуется большим влиянием и авторитетом среди самых широких трудящихся масс. В последние годы, действуя зачастую совместно с ФДКТ, ВКТ неоднократно доказывала свою способность поднимать на общенациональные выступления миллионы рабочих и служащих.

Когда Жорж Сеги заканчивал в 1974 году работу над книгой «Борьба», Франция наряду с другими развитыми капиталистическими странами вступила в полосу нового кризиса, явившегося результатом дальнейшего развития и обострения общего кризиса капитализма и затронувшего все без исключения стороны жизни капиталистического общества.

Во Франции кризис привел сначала к резкому падению производства, затем его медленному подъему и, наконец, застою на уровне показателей 1974 года. Застой в экономике обусловил хроническую недогрузку основных производственных мощностей (к началу 1978 года они были загружены лишь на 80 процентов) *, низкий уровень капиталовложений, массовые банкротства не только мелких, но средних и даже крупных предприятий (13 800 банкротств за один 1977 год, что на 12 процентов больше, чем в предыдущем году). Этому содействовала неустойчивость франка, дефицит торгового баланса достиг в 1977 году 26,4 млрд. франков **.

Еще до начала кризиса, а затем и в ходе его правительство опубликовало несколько сменявших друг друга планов «решительной борьбы с инфляцией». «Самым решительным» считался план на 1977 год, когда правительство пыталось приостановить инфляцию прежде всего за счет замораживания заработной платы трудящихся. Однако в итоге цены за 1977 год, по официальным данным, вновь выросли на 9 процентов, а по данным ВКТ — на 11,1 процента. Причем на продукты питания, даже по официальным данным, цены подскочили на 11,9 процента, что особенно больно бьет по трудящимся ***. Увеличение зарплаты не успевает за ростом цен. Происходит снижение жизненного уровня,

* "L'Humanité", 20.I.1978.

** "L'Humanité", 6.II.1978.

*** "L'Humanité", 27.I.78.

разное для различных категорий трудящихся, но чрезвычайно болезненное прежде всего для тех, кто живет на грани возможности удовлетворить свои самые насущные нужды. А таких официальная статистика насчитывает в стране свыше 16 миллионов человек *.

За годы кризиса Франция вслед за другими развитыми капиталистическими странами превратилась в страну устойчивой массовой безработицы. Число безработных перевалило за полтора миллиона. Согласно подсчетам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), на конец 1978 года во Франции она составит цифру в 1 миллион 800 тысяч **. При этом около 50 процентов французских безработных по тем или иным причинам, обусловленным главным образом существующим социальным законодательством, не получают никаких пособий.

Для французской действительности характерна дальнейшая социальная поляризация, когда на одном полюсе продолжает концентрироваться богатство, а на другом — бедность. Данные одного из недавних обследований показали, что 10 процентов наиболее бедных семей обладают лишь 0,5 процента всего частного достояния страны, в то время как 10 процентов наиболее богатых семей концентрируют в своих руках половину этого достояния ***. Из этого очевидно, что вопреки утверждениям некоторых буржуазных и реформистских теоретиков никакого «выравнивания» жизненного уровня и социального положения во Франции никоим образом не происходит.

Хорошо известно, что государственно-монополистический капитал всегда пытался использовать кризисные явления в экономике для реорганизации производства, убыстрения процесса концентрации и централизации производства и капитала. Крупные монополистические объединения, используя кризисную ситуацию, стремятся разделаться с одними своими конкурентами или поставить под свое господство других, укрепляя тем самым собственное положение. Одновременно в тесном

* "L'Humanité", 6.II.1978.

** "L'Humanité", 27.I.1978.

*** "L'Humanité", 13.II.1978.

союзе с государственным аппаратом они развертывают широкое наступление на жизненный уровень трудящихся, их завоевания, на профсоюзные права и свободы с тем, чтобы, с одной стороны, получить дополнительные источники доходов, а с другой, — сломить волю трудящихся к сопротивлению. Отсюда замораживание заработной платы, поддержание на высоком уровне безработицы, как средства давления на занятых, ущемление профсоюзных прав и свобод, вплоть до прямого посягательства на них.

Однако государственно-монополистическая система подтвердила свою неспособность «управлять» кризисом. Он не поддается ее контролю. В области экономики продолжают углубляться опасные диспропорции. В социальной области среди трудящихся нарастает недовольство и открытое возмущение.

Лишь на первом этапе своего развития кризис внес определенную растерянность среди французских трудящихся и некоторых профсоюзов. Отчаяние многих выброшенных на улицу, страх тех, кто оказался перед угрозой в любой момент потерять свое рабочее место и заработок, в известной мере сказались на размахе выступлений трудящихся в защиту своих интересов. ВКТ в создавшихся условиях с самого начала заняла решительную боевую позицию, развернула широкую разъяснительную работу, мобилизуя рабочих и служащих на активную борьбу против наступления крупного капитала.

Выступления трудящихся, все более ясно осознающих, что только в борьбе они способны защитить свои интересы, принимают самые различные формы и проходят под тремя основными лозунгами: за полную занятость, против увольнений, за повышение заработной платы, в защиту профсоюзных прав и свобод. Под этими лозунгами забастовки и выступления проходят как на отдельных предприятиях, так и по целым отраслям, по районам, вовлекая подчас в движение многие тысячи трудящихся.

Одной из специфических форм борьбы, рожденных условиями кризиса, стало занятие рабочими предприятий, подлежащих закрытию. Стачки на них, как правило, носят исключительно затяжной, упорный характер. Например, 652 дня держались судостроители верфи

«СИККНА» в городе Сен-Мало, и они спасли свое предприятие от закрытия*. 21 месяц занимали цеха рабочие машиностроительного завода «Бордо-сюд», чтобы добиться победы: завод возобновил работу**.

Победа приходит далеко не всегда. Но борьба никогда не проходит бесследно, превращаясь в школу сурового классового воспитания. Она неизменно порождает широкое движение солидарности, которое часто охватывает и рабочих целой отрасли, и самые различные слои трудового населения района, где расположен завод или фабрика. Отстаивая предприятия, обреченные на закрытие, рабочие защищают не только свое личное право на труд и не только объективно выступают в защиту национальной экономики в целом. Они все отчетливее начинают осознавать, что борются за национальные интересы Франции. В рабочем классе крепнет чувство ответственности за судьбу всей страны.

Помимо стачек различной продолжительности на отдельных предприятиях, помимо забастовок, которые охватывали целые отрасли или районы, в 1977 году было несколько мощных общенациональных выступлений. Знаменательным событием стала общенациональная забастовка 24 мая 1977 года. В ней приняли участие все основные профсоюзные объединения страны — ВКТ, ФДКТ, ФНО и даже «Форс увриер», хотя ее лидеры всегда выступали с реформистских позиций «социального согласия». Французские трудящиеся вновь убедились в значении и силе единых действий профсоюзов. В ходе всеобщей национальной стачки 1 декабря прекратили работу и приняли участие в демонстрациях свыше 5 миллионов рабочих и служащих Франции. Экономическая жизнь страны была в значительной мере парализована. Ведущие профсоюзы, прежде всего ВКТ и ФДКТ, показали способность к мобилизации трудящихся масс на защиту своих насущных интересов, а миллионы трудящихся — свою боевитость.

Развитие и углубление социально-экономического кризиса в стране все очевиднее подводит трудящихся к выводу о том, что их положение не может существенным образом измениться в рамках нынешней системы.

* «Труд», 30.04.1977 г.

** «Правда», 3.03.1978 г.

Необходима политическая альтернатива для вывода страны из кризиса, и не только экономического. Такую альтернативу могут открыть лишь левые партии, все левые силы, способные объединиться вокруг общей политической программы.

Вопрос о политической альтернативе существующей власти совершенно конкретно встал во время майских событий 1968 года. ВКТ, в частности, настойчиво доказывала необходимость объединения левых сил и профсоюзов, разработки ими общей политической программы и соглашения. Предыдущая книга Жоржа Сеги, посвященная разбору событий мая 1968 года, охватывает комплекс этих вопросов*. В «Борьбе» он вновь возвращается к этой важнейшей проблеме и пишет следующее: «Неоднократно в ходе борьбы мы предлагали обоим левым политическим партиям, коммунистической партии и социалистической партии (в то время Федерации демократических и социалистических левых сил), а также другим профсоюзным организациям встретиться и определить условия такого соглашения. Только коммунистическая партия выразила согласие. А остальные некоммунистические левые силы думали иначе. Кое-кто верил в возможность прийти к власти без коммунистической партии, не считаясь с ВКТ. Эти последние дошли до того, что заявили нам (ведь они уже видели себя на самых подступах к власти), будто мы выдвигали чрезмерные требования в вопросах зарплаты и сокращения рабочего дня. Они неверно оценивали создавшееся положение. Они недооценивали способность крупной буржуазии к противоборству. Они, судя по всему, не понимали, что без четкого, конкретного соглашения и союза всех левых и всех профсоюзных сил, создать который мы предлагали, не могло быть ни для них, ни для нас никакой политической альтернативы. И вновь антикоммунизм и страх перед рабочим классом нанесли удар демократии» (стр. 125—126).

Безусловно, уроки 1968 года не прошли бесследно для Франции. Все эти годы они тщательно изучались.

Важное значение имело подписание в 1972 году Совместной правительственной программы левых сил, на-

* Жорж Сеги. Май 1968 года и ВКТ, М., Профиздат, 1975.

метившей для Франции перспективу глубоких демократических изменений. ВКТ горячо приветствовала эту программу и заявила о ее полной поддержке. Состоявшийся в июне 1975 года (когда автор уже закончил работу над книгой «Борьба») 39-й съезд ВКТ на основе анализа обстановки, сложившейся во Франции в результате продолжавшегося углубления экономического кризиса, эрозии позиций правящих партий, роста влияния и укрепления единства левых сил, единодушно подтвердил поддержку Совместной программы, разработанной и подписанной левыми партиями.

Съезд подтвердил верность ВКТ принципам международной солидарности трудящихся, подчеркнул общность их коренных интересов, необходимость укрепления их сплоченности.

В принятом съездом Ориентационном документе ВКТ предупреждала, что борьба за победу левых сил и их программы будет нелегкой. В Документе подчеркивалось, что ВКТ будет активно противостоять «всем попыткам и маневрам, которые предпринимает и будет приумножать буржуазия, чтобы попытаться разбить союз левых сил и особенно выхолостить его антимонополистическое содержание» *.

Подписание Совместной программы левых сил, самоотверженная работа компартии, активная деятельность ВКТ как в области защиты непосредственных интересов трудящихся, так и по вопросам единства левых сил, постепенный переход второго по величине и влиянию профцентра страны — ФДКТ — на позиции более активной поддержки союза левых сил — все это способствовало существенному росту влияния и авторитета левых сил среди широких масс трудящихся Франции.

Однако процесс изменения соотношения политических сил во Франции развивается отнюдь не прямолинейно. Идет острая, напряженная борьба. Потеря определенных позиций правящими партиями вовсе не означает, что многоопытная французская буржуазия исчерпала все свои резервы, потеряла способность к политическому маневрированию. Это особенно наглядно показал период, непосредственно предшествовавший парламентским выборам марта 1978 года.

* "Le peuple", № 969—970, 1—31.VII.1975, p. 72.

Чем меньше оставалось времени до выборов, тем сложнее и напряженнее становилась обстановка. Прибегая к тактике мелких экономических и социальных подачек трудящимся, правящие круги и их пропагандистская машина стремились внести раскол в левые силы, посеять неуверенность и растерянность среди тех, кто поддерживает эти силы. В ход были пущены все средства: старые, лобовые методы антикоммунистической пропаганды, нападки и прямая клевета на компартию и другие отряды левых сил, заигрывание с определенными кругами в профсоюзах и социалистической партии.

Среди партий левой оппозиции выявились разногласия главным образом относительно сроков и объемов проведения в жизнь, при условии победы на выборах, целого ряда важных социально-экономических мероприятий, предусмотренных Совместной программой левых сил. В частности, это касалось проблемы национализации крупнейших финансовых и промышленных монополий. Некоторые руководители социалистической партии начали выступать с реформистскими высказываниями, демонстрировать «сдержанность» по вопросам реализации многих положений, зафиксированных в Совместной программе.

Прошедшие в марте 1978 года выборы в Национальное собрание дали следующие результаты. Партии правящей коалиции и примыкающим к ним политическим группировкам удалось сохранить большинство мест в нижней палате парламента. Они получили 291 депутатский мандат. Левые партии продвинулись вперед по сравнению с парламентскими выборами 1973 года. Коммунистическая и социалистическая партии, а также движение левых радикалов вместе получили 199 мест (против 174). Одно место занял представитель других левых группировок. Коммунистическая партия увеличила свое представительство на 14 человек. Ее парламентская группа стала насчитывать 86 депутатов. 103 места получили социалисты, 10 мест — у левых радикалов.

Подводя итоги выборам, Политбюро Французской компартии в своем заявлении отметило, что, хотя правые силы и сохранили большинство в Национальном собрании, левые силы расширили свое представительство

во в этой палате французского парламента. Правящая коалиция сохранила свое численное преимущество «лишь благодаря особенно несправедливому избирательному закону... Как в первом, так и во втором туре, — отмечалось далее, — правые и левые получили примерно одипаковое число голосов. Иначе говоря, соотношение политических сил в стране является более или менее равным».

Провалилась развязапная буржуазией кампания, направленная против ФКП. За кандидатов компартии в первом туре проголосовало па 700 000 избирателей больше, чем на парламентских выборах 1973 года.

Политбюро ФКП подчеркнуло, что результаты, достигнутые левыми силами на выборах, не отвечали надеждам миллионов французов и француженок, рассматривающих демократические преобразования как единственное средство для вывода страны из кризиса, вступления ее на путь социального прогресса и демократии.

Мартовские выборы 1978 года подтвердили продолжающуюся поляризацию политических и социальных сил во Франции. Правящим буржуазным партиям удалось остаться у власти. Но вместе с тем остались и все проблемы, стоящие перед страной, все трудности, которые тяжелым грузом давят на трудящихся. В создавшихся условиях перед рабочим и профсоюзным движением, перед левыми силами с еще большей очевидностью встала задача укрепления единства. Оценивая результаты выборов, ВКТ отмечала, что после выборов огромная ответственность в борьбе за интересы трудящихся Франции легла на профсоюзные организации, при этом обеспечение единства действий трудящихся будет и впредь главной целью ВКТ. Единства не поверхностного, не формального, а надежного и принципиального. Именно о таком единстве говорит в своей книге Жорж Сеги: «Основой единства левых сил, объединения всех народных сил явится прежде всего единство рабочего класса, который, по моему мнению, останется исторически самым революционным, самым решительным и самым сознательным классом» (стр. 262).

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев, выступая на XVI съезде профессио-

нальных союзов СССР, высоко оценил роль рабочего движения в современном общественном развитии. Он подчеркнул, что «рабочее движение становится все более важным фактором общественного прогресса» *.

И в настоящее время во Франции рабочее движение является передовым отрядом в борьбе за общественный прогресс, его двигателем. Точно так же все больше возрастает его ответственность перед народом, страной, историей. Книга Жоржа Сеги «Борьба» рассказывает советскому читателю о многих сторонах развития французского рабочего и профсоюзного движения, его особенностях, стоящих перед ним проблемах и трудностях.

Э. Петров

* Л. И. Брежнев. Советские профсоюзы — влиятельная сила нашего общества. Политиздат, 1977, с. 17.

От автора

Содержание этой книги отражено уже в самом заглавии — «Борьба». Книга никогда не была бы написана, если бы мои друзья и соратники по рабочему движению во Франции не проявили упорства и настойчивости и не убедили меня, что моя жизнь профсоюзного активиста заслуживает того, чтобы о ней рассказать. В течение последних тридцати пяти лет я находился в гуще событий, которыми жил рабочий класс Франции. Мне не хотелось писать о своей жизни в форме автобиографии, потому что мне претит говорить о себе от первого лица. А в то же время как это сделать иначе?

Я попытался показать жизнь рабочего активиста, революционера, юношей включившегося в борьбу и подошедшего сегодня к пятидесятилетнему рубежу.

Читатель найдет в книге пять сгруппированных по тематике основных частей:

1. Детство. События, предшествовавшие второй мировой войне, и их восприятие ребенком из рабочей семьи. Война в Испании, разгул фашизма в Германии и Италии, Народный фронт во Франции, который не выдержал испытания войной.

2. Война, оккупация страны фашистскими ордами, движение Сопротивления, мой арест гестапо и депортация в лагерь смерти Маутхаузен.

3. Освобождение Франции, борьба трудящихся с силами империализма в годы «холодной войны», колониальных войн во Вьетнаме, Алжире. Забастовки. Репрессии.

4. Борьба за мир, за мирное сосуществование. Первые признаки разрядки международной напряженности. Анализ этих событий главным образом через призму международного профсоюзного движения.

5. Классовая борьба во Франции — развитом капиталистическом государстве — в эпоху, когда крупный капитал безраздельно господствовал над всей жизнью страны и в период всеобщего, длительного кризиса, охватившего капиталистический мир, кризиса, который все более настоятельно ставит перед народными массами вопрос о необходимости преобразования общества на основе справедливости и социального прогресса, демократии и мира.

Через всю работу проходит и еще одна важная тема. Она не выделена мною отдельно, но присутствует, по существу, во всех частях книги. Это — проблема Единства.

В самом деле, вопрос о единстве стоял на всех этапах борьбы французского рабочего класса. Единство было главным вопросом антифашистской борьбы 1934 года, Народного фронта, движения Сопротивления в годы гитлеровской оккупации.

Единство было главной целью трудящихся Франции и в годы «холодной войны». Единство остается центральной проблемой и в настоящее время, когда стремление народа Франции к изменению политики и преобразованию общества может стать решающей силой в ближайшем будущем. Единство всех трудящихся мира и их профсоюзов точно так же находится в центре внимания международного профсоюзного движения.

Если все то, что я сделал, увидел, узнал более чем за четверть века и о чем рассказал в книге, может принести пользу всем вступающим сегодня в борьбу за социальный прогресс, свободу и мир, я буду счастлив. Я буду счастлив также потому, что смог оправдать надежды друзей, побудивших меня написать эту книгу, которую, по зрелому размышлению, можно считать коллективным трудом всех моих товарищей, бок о бок с которыми я боролся всю жизнь.

*Жорж Сеги,
генеральный секретарь ВКТ
13 декабря 1977 г.*

Нет ВКТ, которая принадлежит Сеги, есть ВКТ, которой принадлежу я... Я не люблю, когда слишком много говорят о моей личности.

*Интервью радиостанции
«Европа № 1»
16 октября 1972 г.*

До сих пор Жорж Сеги систематически отказывался говорить от первого лица. Из принципа, а также в силу своего характера он всегда на первый план ставил работу.

Изредка в прессе появлялись его семейные фотографии и личные высказывания. И всегда их смысл искажался, а его доверием злоупотребляли. Он человек застенчивый, и — пусть меня извинит — даже несколько робкий.

Когда мы ему предложили записать нашу беседу, он не давал ответа два месяца. Априори это было «нет». Друзья сумели его переубедить. Свое «да» он сказал твердо, но с некоторым беспокойством.

Мы работали вместе с полным доверием, и оба получили — я, без всякого сомнения, — большое удовольствие от этих бесед.

С глазу на глаз легче говорить, даже о себе. Когда результаты бесед были перенесены на бумагу, Жоржа Сеги вновь охватило беспокойство. «Меня не оставляет неприятное чувство, что действительно нескромно рассказывать о своей жизни в книге», — написал он мне.

Я понимаю его, но думаю, что он неправ. В наше время, когда средства массовой информации систематически и не всегда с большим тактом стремятся из всего сделать сенсацию — сколько журналистов и фоторепортеров пытались проникнуть в «тайны» его личной жизни

ни, — я понимаю его желание отказаться. Цельная натура, он не приемлет никаких компромиссов.

Сегодня общественный деятель может рассчитывать сохранить для самого себя только, пожалуй, семейную жизнь. Жорж Сеги решился, тем не менее, взяться за перо, хотя это было для него очень трудно. Написать эту книгу в известной мере побудило желание рассказать об отце — одном из ветеранов коммунистической партии, о Сопротивлении, в котором он сам с пятнадцати лет принимал участие, а в семнадцать — был депортирован в Маутхаузен, где среди узников-французов он был самым юным. Я не утверждаю, что одно из этих обстоятельств объясняет другое, но вместе они помогают многое понять. В восемнадцати разделах книги можно проследить определенную преемственность и в его жизни и в мировоззрении.

Добавлю еще, что как генеральный секретарь ВКТ или как член Политбюро коммунистической партии Жорж Сеги всегда говорит от первого лица множественного числа. Он всегда высказывает коллективную мысль. На этот раз он говорит «я», и не только, когда рассказывает о своей жизни. Он употребляет первое лицо единственного числа, говоря о важнейших проблемах профсоюзного движения и построения социализма во Франции. А когда говорят «я», иногда можно сказать больше, чем когда говорят «мы».

С этой точки зрения также интересно, что Жорж Сеги согласился на нашу беседу.

Филипп Доминик

ВВЕДЕНИЕ

Автопортрет

«Круглое румяное лицо, удивленный взгляд», «жизнерадостный и замкнутый», «добродушный и непринужденный», «почти всегда в хорошем настроении, Жорж Сеги кажется милейшим человеком, уравновешенным, обладающим в бóльшей степени талантом общения с людьми и способностью к действиям, чем к абстрактному мышлению и игре воображения...».

Южанин — Сеги родился в Тулузе, — он воспитал в себе сдержанность, которая не была ему свойственна от природы, «у него железные нервы...», «но он способен также на вспышки...», «он не лезет за словом в карман» *.

— Узнаете ли Вы себя в этих высказываниях прессы?

— Трудно судить о себе, к тому же я не занимаюсь самоанализом. Мне приходилось читать множество высказываний о моей общественной деятельности, и я привык к подобным поверхностным суждениям об общественных деятелях.

Думаю, что я давно уже вышел из того возраста, когда реагируют на лесть и выпады. По правде говоря,

* Выдержки из «Нувель обсерватёр», «Пуэн», «Пари-жур», «Реалите», «Теле-7-жур», «Экспресс», «Мейёр» и «Комба».

сформировала меня моя работа и все, что с ней связано. В конечном счете, это определило мой характер.

Я всегда умел слушать других и думаю, что это очень интересно. Я всегда считал, что одно из первейших качеств человека — терпимость, особенно если на него возложена определенная ответственность. Терпимость подразумевает терпение, понимание и исключает какие-либо проявления неуравновешенности. Может быть, поэтому обо мне и сложилась репутация человека спокойного, выслушивающего любые мнения; их я всегда уважаю априори, даже если и не разделяю.

Один из журналистов считает, что у меня отсутствуют такие качества, как «абстрактное мышление и игра воображения». Безусловно, нет людей, которые обладали бы всеми талантами: это было бы противоестественно. Однако, принимая во внимание мои обязанности, у меня должны быть некоторые мыслительные и аналитические способности. Невозможно представить, чтобы у генерального секретаря ВКТ имелись столь явные недостатки. Моя работа как раз заключается в постоянной борьбе — невозможно вести дискуссию по фундаментальным проблемам, не имея четких суждений.

Совершенно необходимо иметь твердые убеждения, уметь их защищать, уметь мыслить. Я упорно стремился приобретать знания и использовал свой опыт для развития аналитического мышления.

— Вы считаете себя терпеливым. Это качество Вам дано от природы или же Вам пришлось преодолеть себя, чтобы его выработать?

— Раньше я был менее сдержанным, чем сейчас. Но чтобы правильно понять суть проблемы, необходимо проявлять терпение. Несдержанность — плохой советчик. Уже давно я освободился от этого недостатка, свойственного мне в молодости.

— Я встречал в газетах и другие суждения о Вас. Одна из газет писала: «Без всякого сомнения, он является одной из самых популярных личностей Франции. Судя по откликам на выступления у голубого экрана, он второй по популярности общественный деятель Фран-

ции». Или еще: «Он, безусловно, профсоюзный руководитель, обладающий большим чувством юмора»*.

— Это явное преувеличение. Конечно, трудно себе представить, чтобы генеральный секретарь самого крупного национального профцентра, олицетворяющего собой все самое лучшее, что есть в рабочем классе, не пользовался популярностью и симпатией трудящихся. Мне это представляется несовместимым с его функциями. Однако отвечать на подобные вопросы как-то неудобно. Я стараюсь делать все, чтобы заслужить уважение и доверие трудящихся. Когда по отношению ко мне проявляются дружеские чувства, сознаюсь, я к ним чувствителен, потому что для меня они являются как бы компенсацией за клевету и оскорбления, которые выливаются на генерального секретаря ВКТ.

— А чувство юмора?

— Может быть, это мне не всегда хорошо удастся, но я с удовольствием использую в полемике юмор и даже иронию — кое-кто говорит, что она едкая. Я всегда ценил людей, обладающих чувством юмора.

— Вам приписывают безграничную власть. Вы можете, если решитесь на это, писал несколько лет назад один еженедельник, полностью блокировать Францию, остановить поезда, отключить электричество, газ, воду, телефон, перекрыть автострады, изолировать префектов, свести на нет власть господина Помпиду, отрезав его в Елисейском дворце от страны**.

— Это самая настоящая карикатура. По всей вероятности, автор этого высказывания нисколько не разбирается в профсоюзном движении, в том, как организованы трудящиеся и как работают профсоюзы в такой стране, как наша. Здесь описывается не профсоюзный руководитель, а какой-то диктатор, который все реша-

* «Темуаньяж кретъен» и «Пуэн».

** «Нувель обсерватёр».

ет один и которому не подвластны разве что стихийные силы природы. Это полный абсурд.

— *Вас боятся Ваши противники. Как пишет «Фигаро», многие Вас считают врагом общества, Вас боятся, Вас всегда уважают.*

— В этом есть доля истины. Но я полагаю, что кто бы ни стоял во главе нашей профсоюзной организации, его будут так же бояться. Моего предшественника Бенуа Фрашона тоже боялись и уважали враги трудящихся. Сейчас я его сменил, и меня тоже боятся и уважают. Это объясняется тем, что наша профсоюзная организация представляет огромную силу и руководствуется только интересами трудящихся.

Я считаю, что уважение, которое внушает ВКТ (а не личность ее генерального секретаря), объясняется ее силой и ее независимостью.

— *Однажды я увидел на стенах в метро надписи: «Жорж Сеги получает восемь миллионов в месяц». Всем известно, что это неправда, но я хотел бы знать, как Вы реагируете на эту клевету.*

— Я привык к подобной подлости. Она на меня не действует, тем более всем известно, как вы сказали, что это неправда. Вы знаете, денежные вопросы, материальные условия жизни для нас второстепенны. Конечно, не они могут как-то повлиять на рабочих активистов, каковыми мы являемся. У меня был четвертый разряд, когда я ушел с железной дороги и перешел на постоянную профсоюзную работу. Сейчас, двадцать шесть лет спустя, у меня все тот же четвертый разряд. Наверное, я самый старый французский железнодорожник с самым низким разрядом. Если бы в свое время я не выбрал другого пути, я смог бы многого добиться на железной дороге. И условия жизни у меня были бы несравненно лучше, чем сейчас. Такое же положение у большинства активистов.

Я считаю правильной линию, которой мы всегда придерживались в рабочем движении (по крайней мере в организациях, действительно его представляющих).

Наша зарплата равняется примерно зарплате квалифицированных рабочих парижского района; в настоящее время я получаю 2500 франков в месяц *. К этому следует добавить некоторые льготы, связанные с моей работой (автомашина). Как участнику Сопротивления, депортированному в Германию, мне выплачивается государственная пенсия, которая несколько выше минимальной межпрофессиональной гарантированной заработной платы. Я всегда мог выполнять обязанности главы многодетной семьи.

— *То есть Вы хотите сказать, что Вы, генеральный секретарь ВКТ, получаете такую же зарплату, как и другие освобожденные работники организации?*

— Как и все члены Конфедерального бюро. В ВКТ нет общей шкалы окладов; каждая входящая в него организация самостоятельна в этих вопросах; каждая из них сама устанавливает размер зарплаты для своих освобожденных работников с учетом имеющихся возможностей и средств. Бывает, что секретари федераций получают столько же, сколько я; бывает, что секретари департаментских союзов получают меньшую зарплату. Думаю, что нужно упорядочить систему окладов.

— *Трудно понять, почему нет большей дифференциации окладов в ВКТ, в то время как этот принцип Вы защищаете на предприятиях.*

— Я не говорю, что в ВКТ нет дифференциации окладов, но она очень незначительна. Отсутствие твердой регламентации, должен признать, вызывает споры, возражения. В отделах ВКТ работают не только освобожденные работники, но также и служащие, которые получают заработную плату в зависимости от квалификации. В отношении освобожденных профработников применяется правило, заключающееся в том, чтобы их условия жизни приблизить к среднему уровню жизни рабочих. В конце концов, мне кажется, не так уж плохо,

* Декабрь 1974 г.

если профсоюзные активисты, представляющие трудящихся, не только будут «информированы» о положении трудящихся, но и будут жить в таких же условиях, с тем чтобы лучше ее прочувствовать, хорошо ее понять. Кроме того, в ВКТ уже давно существует правило (среди таких правил некоторые надо пересмотреть, но есть и справедливые), по которому устанавливается не очень высокая зарплата, позволяющая жить лишь более или менее нормально. Вводя его, наши предшественники стремились оградить профработников от попыток коррупции. К сожалению, в прошлом их было немало. Профработники могут, конечно, получать из различных источников дополнительное вознаграждение, превышающее зарплату по нашей шкале. В этом случае разницу они сдают организации. У меня также бывают «непредвиденные» доходы, например за написанную книгу. Все гонорары, которые я получаю от внепрофсоюзной деятельности, идут непосредственно в кассу нашей организации на «счет солидарности»: ни одному ответственному сотруднику ВКТ не придет в голову использовать свое положение для извлечения материальной выгоды.

— Верно ли, что активист, не являющийся пока освобожденным профработником, получающий по своей специальности больше квалифицированного рабочего, должен пойти на сокращение своих доходов, если предполагается поручить ему определенные функции в конфедерации?

— При решении подобных вопросов нет единого правила. Иногда активист идет на это, потому что назначение не влечет за собой особых материальных трудностей ни для него, ни для его семьи. Когда же это может серьезно отразиться на материальном положении активиста, организация ищет пути преодоления трудностей. Решение всегда находится. А правило заключается в следующем: никогда не допускать, чтобы профсоюзная организация лишилась хорошего работника из-за зарплаты; не допускать, чтобы работа непосредственно в профсоюзе вела к серьезным материальным затруднениям для семей наших товарищей.

— *Вы не любите, Жорж Сеги, чтобы о Вас говорили. И до нашей встречи, в связи с подготовкой этой книги, Вы отказывались отвечать на вопросы личного характера.*

— Меня всегда очень смущало, что на порученном мне посту моя личность приобрела общественное звучание. Я категорически против, когда выпячивают личность, делают из нее знаменитость, звезду. Я считаю даже, что это в какой-то степени искажает действительность и, откровенно говоря, просто вредно.

— *Вы здесь ничего не можете поделать.*

— Да, я ничего не могу поделать, но это меня угнетает.

Не думаю, что мне так было предначертано судьбой, я не верю в предопределение жизни. Хорошо знаю, что призвание, способности, знания, ум человека — все это существует, но, к сожалению, зачастую он не может найти им применение в условиях социального неравенства. И многие из тех, кто мог бы стать видным деятелем культуры, выдающимся ученым, останутся простыми рабочими.

Я часто задаю себе вопрос: если бы я не был арестован гестапо в годы Сопротивления, если бы мои старшие товарищи по рабочему движению не проявили смелость — а она была нужна, чтобы выдвинуть меня на ответственную работу, когда я еще был очень молод, — кем бы я стал? Не забывая при этом, что логически у меня было девяносто шансов из ста закончить свою жизнь в концентрационном лагере Маутхаузен, как многие мои товарищи по борьбе.

Мне кажется, что на общественную работу я был выдвинут в силу определенного стечения обстоятельств. Неприятная сторона моей жизни активиста — ее гласность. Это ограничивает мою личную свободу, вторгается в мою личную, семейную жизнь. Я, например, люблю гулять по улицам, затерявшись в толпе. Сейчас же я не могу позволить себе эту роскошь: меня обязательно кто-нибудь узнает, кто-нибудь пристально посмотрит на меня, горячо пожмет руку или же попытается выяснить

мое мнение по волнующей его проблеме. Только за границей мне удастся быть, как все... да и то...

Мне бы очень хотелось всегда служить трудящимся в полную меру своих сил, но без того, чтобы слишком много говорилось обо мне лично, хотя я прекрасно понимаю, что это нереально. Я плохо переношу ограничения, которые общественное положение накладывает на мою жизнь человека, отца, мужа.

— *Вам все же удалось сохранить для себя «личный сад», выходные дни?*

— Выходные дни, когда я не занят (к сожалению, их немного), я оберегаю очень тщательно, и до сих пор пока это удавалось. Я намереваюсь поступать так же и в будущем, потому что только в семейном кругу я нахожу полное спокойствие и разрядку. Моя семья — мой оазис, и она должна остаться оазисом.

— *Ваша жена — дочь железнодорожника. Это случайность?*

— Чистая случайность. Ее отец умер, когда ей был год, и вместе с сестрой их взяла к себе бабушка. Мы же встретились девятнадцать лет спустя.

— *Как вы познакомились?*

— Это было в Тулузе в 1947 году во время крупных забастовок. Молодежь встречалась в одних и тех же местах — на тапцах, в кино. Там мы и познакомились.

Я не люблю говорить о личной жизни. Люблю поэзию, но я не поэт. Не хочу рассказывать о своих переживаниях, чувствах. Я уже с головой ушел в профсоюзную работу, когда встретил Сесиль. Она в ней не участвовала. Сесиль родилась в скромной семье. Дед ее был активистом социалистической партии, очень милым человеком, безупречно честным, твердым в своих политических убеждениях. Взгляды той среды, в которой выросла Сесиль, соответствовали моим взглядам. 1947 год,

год острой забастовочной борьбы, сыграл решающую роль в наших отношениях. Именно в это время Сесиль поняла, какая жизнь ожидает ее с таким человеком, как я. Это был для нас своего рода тест, испытание. Да и я поверил в нее и тоже понял, что для совместной жизни нет препятствий. Жизнь показала, что мы не ошиблись.

— *Ваша жена осталась в стороне от Вашей общественной деятельности?*

— Она и не включалась в нее. Когда мы познакомились, ей было девятнадцать лет. Она стала активисткой коммунистической ячейки квартала, в Союзе женщин Франции, в организации Народной помощи*. Но из-за моего образа жизни ей трудно было вести более значительную общественную работу. Сейчас наши дети — их трое — большие и во мне нуждаются меньше. Прежде я часто уходил, когда они еще спали, и возвращался поздно вечером, когда они ложились спать. Поэтому обязанности матери при таком отце, как я, не позволили бы ей, даже если бы она и захотела, иметь более насыщенную общественную жизнь.

— *Она оставила работу, чтобы воспитывать детей?*

— Да, когда у нас появился первый ребенок. Время от времени она работала... Но из-за троих детей и моей загруженности ее трудовая жизнь так по-настоящему и не сложилась.

— *Ну а теперь Ваши дети взрослые.*

— Дочь Даниэль, 25 лет, замужем, работает в бухгалтерии отдела по делам молодежи в муниципалитете Шампиньи. Сын Мишель, 22 года, служит в армии. Он хотел стать инженером. У него есть способности, но из-за перерыва в учебе в связи со службой в армии его

* Народная помощь — благотворительная организация, оказывающая моральную, юридическую и материальную помощь жертвам произвола, социальной несправедливости, стихийных бедствий и т. д. Существует на пожертвования частных лиц и различных организаций. — *Прим. перев.*

планы могут не осуществиться. И Клод, 18 лет. В день, когда Национальное собрание проголосовало за юридическое совершеннолетие в восемнадцать лет (июль 1974 г. — *Ред.*), он вывесил флаги в своей комнате. Энергия в нем бьет через край. Кажется, он не собирается получать высшее образование, он предпочитает получить профессиональную подготовку. Вот почему он учится на печатника в техническом колледже.

— *Ваши дети пошли по Вашему пути?*

— Если говорить откровенно, мы с женой решили для себя не навязывать им своих взглядов. Мы всегда считали, что они сами должны принять решение. Конечно же, они не могли не испытывать влияния семьи. Воздерживаясь от всякого давления, политического или идеологического, я все же стараюсь, поскольку считаю это своим долгом, передать им приобретенные мною в жизни знания, чтобы они смогли поразмыслить и извлечь из этого пользу. У меня не было никаких трудностей с детьми, за исключением, может быть, некоторых моментов, непосредственно связанных с моей жизнью активиста. Во время горячих схваток в мае 1968 года, в лицее, например, они были не просто ученики, но и сыновья Жоржа Сеги. Нередко, особенно через Мишеля, пытались «беседовать» с Жоржем Сеги, что было нежелательно. Другой пример: в настоящее время Мишель призван в армию, поскольку до этого пользовался отсрочкой, когда учился на факультете естественных наук в Сорбонне. Он просил направить его в школу офицеров запаса, в чем ему было отказано без всяких объяснений. Правда, однажды один из высших офицеров дал ему понять, что это распоряжение исходило «сверху». Этот факт говорит о мелочности высшей администрации французской армии. Вот наши единственные трудности с детьми. Не скрою, мы с радостью увидели, как дети начали разделять наши убеждения и включаться в общественную работу.

Мне не доставляет хлопот поведение моих детей, я счастливый отец.

— *Вы счастливы в семейной жизни? Как Вы и ваши близкие любите проводить свой досуг?*

— Я страстно люблю природу. Только на природе я могу расслабиться. Я любил наблюдать за всем живым, когда был молодым, впрочем, делаю это и сейчас. Я интересуюсь жизнью насекомых, животных. В детстве я некоторое время провел в деревне, где познакомился с жизнью крестьян. Там же я полюбил работу в саду, рыбную ловлю, охоту. Этим я занимаюсь в часы досуга. И никогда не скучаю, какой бы ни была погода: дождь ли, снег, ветер.

— *Вы играете в були* и шахматы?*

— Я играю в були, как и все в Тулузе. Это приятное времяпрепровождение. Интересна не столько игра, сколько разговоры во время игры. Представьте себе эти разговоры, записанные на магнитофон: нет ничего более забавного, чем прослушать потом запись. Я научился играть в шахматы, как и все, кто побывал в тюрьме. К сожалению, у меня не хватает времени, чтобы серьезно заняться ими. Я играю с детьми во время отпуска. Немного боюсь шахмат, они слишком занимают мозг. Голова слишком перегружена, чтобы я мог всецело сосредоточиться на игре.

— *Есть ли у Вас время и желание читать, ходить в кино, театр?*

— У меня никогда нет достаточно времени для чтения. Хотя я и составляю список книг, которые должен прочесть, но выполняю намеченное лишь частично.

Часто авторы присылают мне свои книги. Хотя бы из вежливости я должен бы их прочесть. Мне это редко удается. Кроме того, я должен читать многое по работе. Для развлекательной литературы и для углубления знаний в области классической и современной литературы времени не остается совсем. Бываю в кино и театрах, хотя также не столь часто, как хотелось бы. Ведь, чтобы спокойно пойти в кино или театр, нужно всякий раз думать о внешности. Не хочется слишком обращать на себя внимание, а маскарад мне претит! К счастью, есть

* Популярная во Франции игра в шары. — *Прим. ред.*

киноклубы, которые позволяют мне быть в курсе всех новинок.

— *Я видел снимок, где Вы сфотографированы у плиты.*

— Да, я иногда готовлю... Обожаю священнодействовать у плиты. От родителей, а также от жены я приобрел некоторые навыки в кулинарии. Для меня это развлечение. Правда, жена считает, что оно стоит слишком дорого. Она всегда мне говорит: «Для приготовления одного из твоих необыкновенных блюд ты тратишь половину недельного бюджета». Приходится следить за собой!

— *Ваша жизнь — это пример того, чем могла бы быть жизнь любого трудящегося.*

— Сложных материальных затруднений у меня нет. Я живу скромно, как любой трудящийся.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Юность в Тулузе

— *Отличается ли жизнь ваших детей от Вашего детства?*

— Жизнь моих детей довольно схожа с моей в детстве.

— *Но сегодня жизнь все-таки легче.*

— Она одновременно легче и тяжелее. Жизнь стала более беспокойной. Замечу, что раньше среди рабочих не были столь часты профессиональные заболевания, особенно связанные с нарушением нервной системы (мы требуем, чтобы заболевания нервной системы были признаны профессиональными болезнями). Это означает, что, если материально жить как будто стало легче, в целом жизненные условия не так уж улучшились. Я думаю, наоборот, они даже ухудшились во многих отношениях.

— *Что же является, по-вашему, причиной?*

— В современном индустриальном обществе не учитываются возможности человеческого организма. В расчет берется лишь рентабельность вложенного в производство капитала. Думают лишь об ускорении темпов труда. Вот почему требования, связанные с улучшением условий труда, условий жизни, качества жизни, приобретают сегодня столь большое значение.

— *Ваш отец был профсоюзным активистом и членом коммунистической партии с момента ее основания.*

— Мой отец родился в Гюдасе в 1892 году в семье сельскохозяйственных рабочих с очень скромным достатком. Детство его прошло среди виноградарей на юге страны, в самом центре департамента Арьеж. После окончания войны 1914—1918 годов (отец провел ее в окопах) он уехал из деревни и поступил на Южную железную дорогу.

— *Стало ли ему жить легче?*

— Конечно. Между положением сельскохозяйственного рабочего и железнодорожника не могло быть никакого сравнения. Став в 1919 году железнодорожником, отец вскоре принял участие в знаменитой забастовке железнодорожников Тулузы в 1920 году, вписавшей важную страницу в историю рабочего движения Франции, особенно самих железнодорожников. Как и многие представители его поколения, мой отец вернулся с фронта глубоко возмущенным виновниками войны.

В 1919 году он вступил в социалистическую партию, а сразу же после раскола на съезде в Туре — в коммунистическую партию. Сегодня он — один из ветеранов партии, кстати, член Национального бюро Ассоциации ветеранов коммунистической партии. Он всегда был активным членом партии и очень сердечным человеком. Вся его жизнь — это пример безграничной преданности своей партии. Очень много отец сделал для семьи.

Добрый, сердечный человек, он счастлив, когда может чем-то помочь людям. В моей жизни он сыграл большую роль, всегда был для меня примером.

Благодаря ему я с ранних лет оказался в гуще политических и социальных событий. Я пристально наблюдал за его жизнью — человека, семьянина, профсоюзного активиста. Впрочем, он об этом не догадывался. Он много рассказывал дома обо всем. Я слушал. По-настоящему я начал слушать его лет с десяти, слушать и наблюдать. То было время Народного фронта. Я начал размышлять, начал понимать смысл происходящих событий.

— *Чем была для Вас забастовка 1920 года?*

— Она была для меня уже историей — ведь я родился семь лет спустя. У отца было много друзей, которых уволили с железной дороги в 1920 году и восстановили только в годы Народного фронта. Этих людей окружала своего рода легенда; мы, дети, считали их жертвами жестокой несправедливости. Уже в то время я глубоко чувствовал эту чудовищную несправедливость. Для некоторых из них последствия были драматическими. На этих людей я смотрел глазами отца и удивлялся, как можно было подвергать репрессиям таких хороших, добрых людей.

— *А Ваша мать?*

— Моя мать родилась также в простой рабочей семье, где было пятеро детей. Она получила строгое религиозное воспитание, была очень набожной, когда вышла замуж за моего отца. Вначале это приводило к довольно крупным, чтобы не сказать бурным, объяснениям, главным образом по вопросам нашего воспитания. Так, например, меня крестили без ведома отца. Не знаю, как он воспринял мое крещение, когда узнал о нем, но в любом случае это должно было вызвать разногласия. Зато я хорошо помню один смешной случай. Когда мне исполнилось десять лет, встал вопрос о первом причастии. Отец, конечно, был решительно «против», мать — «за». Бабушка по отцовской линии была также «за». Отец сказал мне: «Если ты не пойдешь к причастию, покупаю тебе велосипед». Мать же сказала: «Если пойдешь к причастию, покупаю тебе часы». Таким образом, я должен был выбирать между часами и велосипедом. Я выбрал велосипед, тем более что мне совсем не улыбалась перспектива ходить на уроки катехизиса. Мать рассказала эту историю кюре нашего прихода, тщетно пытавшемуся через нее заставить меня ходить на уроки катехизиса. Тот заметил, что на небо не попадают на велосипеде. Только по таким вопросам и происходили споры в нашей семье. Очень скоро в семье возобладало влияние отца. Хотя мать и оставалась всю свою жизнь верующей, но со временем все реже стала ходить в церковь и в конце концов перестала совсем.

— *И все-таки она не вступила в коммунистическую партию?*

— Она никогда не мешала моему отцу в его партийной работе. Хотя она и расходилась с ним во взглядах на религию, она считала, что он правильно поступает, делая то, что он делал, борясь за интересы простых людей, трудящихся. Это требовало усилий, жертв. В годы Сопротивления она не оставалась в стороне. Наступило время, когда в семье она единственная не была членом коммунистической партии. Можете представить себе, сколько мы, ее дети, прилагали усилий, чтобы убедить ее. Безуспешно. Лишь гораздо позже, в 1950 году, когда мы все уже жили в Париже, в том числе и отец (он работал в то время в Федерации железнодорожников и только раз или два в месяц бывал в Тулузе), мы получили от матери письмо. Она писала, что после долгих размышлений в день пятой годовщины моего возвращения из депортации решила вступить в коммунистическую партию. Решение она приняла самостоятельно. Свой партийный билет она получила в Тулузе. Известие нас глубоко взволновало. Отец плакал.

— *Ну а на дочерей своих Вашей матери не удалось повлиять?*

— Мои сестры также включились в активную общественную жизнь, особенно Дениз. Она заместитель мэра города Шампиньи и ведет большую работу.

— *Вы сказали, что начали понимать смысл происходящих событий с 1936 года. А в 1934 году Вы были слишком малы, чтобы осознать значение событий 6 февраля? **

— Мне было семь лет. В то время произошло нечто другое, что произвело на меня сильное впечатление, но не имело никакого отношения к этим событиям. Я родился на улице Труа-Банкет, в одном из старых районов Тулузы. Там я родился, там был арестован, там познако-

* 6 февраля 1934 г. десятки тысяч парижан приняли участие в массовой антифашистской демонстрации. — *Прим. ред.*

мился с женой. Родители мои жили в старом, развалившемся доме. Хозяин и раздражительные соседи не переносили маленьких детей и причиняли моим родителям массу неприятностей. Однажды родители решили, что нужно переехать. Купили участок под постройку в районе Кот-Павэ, в Тулузе, ставшем потом жилым кварталом. Когда же мы туда переехали, там были только выпасы для скота. Построить дом мои родители смогли благодаря закону Лушёра*. Так многие годы мы оставались на дальней окраине Тулузы, среди полей, где лишь спустя десять лет появились другие дома. Ближайшая школа находилась в трех километрах. Четыре раза в день я ходил туда и обратно пешком**. Зимой было довольно тяжело. Однако это не оставило у меня неприятных воспоминаний. Я говорю Вам об этом, чтобы подчеркнуть, что с детских лет полюбил природу. У нас был огромный сад, кое-как огороженный. Мы могли гулять, где вздумается, и никто ничего нам не говорил, разве что пастухи. Большую часть дня я был свободен. Меня интересовал труд крестьян, работавших на соседних фермах. Очень скоро я понял, что это труд вовсе не отупляющий, как его пытаются представить те, кто не работал в сельском хозяйстве. Наоборот, это труд, заставляющий думать. Я любил птиц. Мне было хорошо с животными. У меня даже появилась «специальность». В четверг*** городские дамы привозили к нам прогуливать своих отпрысков. Они приезжали на трамвае номер двадцать два и шли около километра. Весной любимым развлечением ребятишек была ловля кузнечиков. Они приезжали со специальными клетками для кузнечиков, красивыми, ярко раскрашенными. Городские дети не умели ловить кузнечиков. Я их учил, как «заманивать» маленьких певцов, чем завоевал определенное уважение, и даже у их матерей. Иногда я получал и монету, кото-

* Луи Лушёр (1872—1932 гг.) — промышленник и политический деятель Франции. Закон, получивший его имя, был принят 13 июля 1928 года. Закон, в частности, предусматривал предоставление государственного кредита для строительства частных жилых домов. — *Прим. ред.*

** В школах Франции большой перерыв на обед, так что многие дети ходят обедать домой. — *Прим. ред.*

*** У французских школьников, помимо воскресенья, свободна от занятий среда (до 1975 г. таким днем был четверг). — *Прим. ред.*

рая пополняла мои сбережения. Мой отец, у которого оставалось время для работы в саду, часто привлекал и меня. И до сих пор такая работа приносит мне большое удовлетворение.

— *Таким образом, на зарплату железнодорожника можно было благодаря закону Лушера купить участок и построить дом?*

— Только-только. Вот почему в 1936 году родители сделали к дому пристройку, в которой мать держала до войны продовольственную лавку. Этот приработок был необходим для внесения взносов за дом. После Народного фронта инфляция сократила размер выплат. Помню, последний взнос, сделанный отцом после войны, составил 417 франков. Ничтожная сумма в сравнении с зарплатой начальника поезда в 25 тысяч франков. В тот день он пришел домой с бутылкой, нет, не шампанского, а шипучего вина, и сказал: «Выпьем по стаканчику, наконец-то мы стали владельцами нашего дома».

— *За всем этим мы как-то забыли, что Вы были маленьким мальчиком и что, как и все дети, ходили в школу.*

— Учителя, по крайней мере двое из них, оказали на меня большое влияние. Один, господин Рубискуль, был социалистом. Знающий педагог, он не только умел владеть вниманием учащихся, но и завоевывать их любовь. Он был для меня примером для подражания. Я знал, что он социалист, потому что в нашем квартале мой отец, коммунист, поддерживал с ним отношения как с активистом социалистической партии.

Второй был коммунистом. Его звали Жоржем Фурниалем. Позже я снова встретился с ним — сначала в Национальном профсоюзе учителей, затем на партийной работе (в настоящее время он сотрудник Центрального Комитета коммунистической партии). В 1934 году я был его учеником. Он был арестован во время демонстрации уже после событий 6 февраля. Ассоциация родителей учащихся приняла решение не пускать нас в школу до тех пор, пока Жорж Фурниаль не будет освобожден. Мы бастовали четыре дня.

— *Это первая забастовка, в которой Вы участвовали?*

— Да, это была первая забастовка, в которой я принял участие, но по решению родителей. Она нам очень запомнилась. Наш учитель был арестован во время демонстрации, в которой приняли участие некоторые родители, а остальные поддерживали (это же был рабочий район). Он стал для нас настоящим героем. Когда его освободили и он вернулся в класс, мы пережили волнующий момент. Хотя папаша Фурниаль и старался держаться как закаленный революционер, но, будучи человеком сентиментальным, он здорово расчувствовался.

Наши отношения с ним стали совсем иными. После занятий мы подолгу беседовали. Он рассказывал нам о том, чего мы не могли найти в учебниках, — о Парижской коммуне, о Французской революции. Одним словом, он вел дополнительные занятия по своему выбору, не всегда в соответствии с программой. Но никогда он не пытался навязывать нам какую бы то ни было идеологию. И теперь, когда я с ним встречаюсь, я называю его не иначе, как Учитель.

— *Вернемся к событиям 1936 года, к Народному фронту. Вы сказали, что примерно к этому времени начали понимать, что происходило вокруг Вас. Эти события не должны были пройти мимо Вас.*

— Тем более что объединительный съезд профсоюзов состоялся в Тулузе в марте 1936 года.

О нем много говорили дома. Съезд был крупным событием. Несмотря на молодость, я чувствовал, что все это меня тоже касалось. Я слышал имена Бенуа Фрашона, Жуо и Пьера Семара — друга моего отца.

Помню, меня очень поразило, что после стольких трудных лет трудящиеся наконец договорились. Затем были выборы в Национальное собрание, Народный фронт, левое правительство. Потом — волна стачек, сопровождавшихся занятением заводов.

В нашем районе это происходило впервые. Я представлял себе занятие заводов как какую-то военную операцию. А оказалось, что это было нечто вроде народного гулянья: повсюду буфеты, люди пели, танцевали.

Профсоюзное единство, Народный фронт, забастовки с занятием заводов, Матиньонское соглашение *, первые оплачиваемые отпуска—об этих событиях у меня сохранились довольно четкие воспоминания. В то время я начал понимать, что такое профсоюзное движение. Но народный праздник закончился в 1938 году!

— *Затем Мюнхен и объявление войны...*

— Мюнхен тоже запомнился мне. Отец и его товарищи обсуждали это очень взволнованно. Несмотря на недавно достигнутое единство, в рядах ВКТ возникли разногласия. Отец и его товарищи осудили Мюнхенское соглашение, другие его поддерживали. Главарь последних, Белен, не признававший соглашения о профсоюзном единстве, перевозил мюнхенский сговор. Впоследствии он входил в состав правительства Петена, участвовал в разработке Хартии труда и скатился на путь позорного коллаборационизма.

Профсоюзное единство пошатнулось. Еще более тяжелый удар нанесло ему в следующем году подписание германо-советского пакта **. Все активисты тяжело переживали случившееся. Некоторые товарищи отца, коммунисты, не понимали смысла этого соглашения и не одобряли его. Отец говорил: «Даже если сегодня мы не располагаем всеми данными для того, чтобы понять мотивы Советского Союза и Сталина (в то время Советский Союз и Сталин были для нас синонимами), нужно

* Матиньонское соглашение было заключено 7 июня 1936 г. между ВКТ и Национальным советом французских предпринимателей. Оно касалось признания профсоюзных прав, заключения коллективных договоров и выборов делегатов персонала предприятий. В дополнение к этому соглашению правительство Народного фронта приняло ряд декретов: об оплачиваемых отпусках, 40-часовой рабочей неделе и др. — *Прим. ред.*

** В обстановке, сложившейся летом 1939 года, когда западные державы не только не были намерены всерьез что-либо предпринять для того, чтобы помешать гитлеровской Германии развязать войну, но, наоборот, делали все от них зависящее, чтобы методами тайных сговоров и сделок, методами всевозможных провокаций натравить гитлеровскую Германию на Советский Союз, СССР оказался перед необходимостью: либо принять в целях самообороны сделанное Германией предложение о заключении договора о ненападении и тем самым обеспечить Советскому Союзу продление мира на известный срок,

верить. История докажет, что для дела революции выбор был правильным». Даже если отец чего-то не понимал, он всегда верил. Он был таким коммунистом. Сегодня коммунисты несколько шире смотрят на те или иные события и проблемы, а в то время, чтобы выстоять, нужны были именно такие люди, как он.

— *Ваш отец был исключен из ВКТ, как и все члены коммунистической партии. Как это отразилось на нем?*

— В то время отец занимал в профсоюзе железнодорожников Тулузы ответственный пост. Крыло, к которому он принадлежал, составляло подавляющее большинство среди тулузских железнодорожников. Отец не был исключен из ВКТ потому, что правительство распустило весь профсоюз железнодорожников. В скором времени профсоюз возобновил работу нелегально.

— *Следовательно, еще до перемирия...*

— До создания правительства Виши. Многие активисты были интернированы. Необходимо было продолжать борьбу за удовлетворение требований трудящихся.

Мой отец не был арестован, и тогда ему это не угрожало. Поэтому он мог жить легально, занимаясь одновременно подпольной деятельностью для ВКТ.

— *То есть для Вашего отца сопротивление правительству Виши означало продолжение уже начатой борьбы.*

— Да, он с головой окунулся в эту работу.

который мог быть использован Советским государством в целях лучшей подготовки своих сил для отпора возможному нападению агрессора; либо отклонить предложение Германии насчет пакта о ненападении и тем самым позволить провокаторам войны из лагеря западных держав немедленно втравить Советский Союз в вооруженный конфликт с Германией в совершенно невыгодной для Советского Союза обстановке, при условии полной его изоляции.

В этой обстановке Советское правительство оказалось вынужденным сделать свой выбор и заключить с Германией пакт о ненападении. — *Прим. ред.*

— В то время Вам было тринадцать лет и Вы оставили учебу.

— После окончания начальной школы в 1939 году я еще три года проучился в дополнительных классах *. Я был средним учеником; учеба мне давалась легко, но я совершенно не стремился завоевать положение, которым пользовались первые ученики. Когда я начал учиться в последующем классе, мне рекомендовали постараться, так как в этом классе были собраны лучшие ученики из нескольких начальных школ. Так я и сделал. Я стал вторым учеником в классе. Потом решил, что это излишне, учитывая свои личные планы на будущее. В следующем триместре я уже был двенадцатым из двадцати четырех.

— Вас не интересовало, чему Вас учили?

— Дело не в том. В 1941 году в школе ввели уроки гражданского воспитания, на которых прославлялся маршал Петен, и обязательное изучение немецкого языка. Я не мог этого перенести — несомненно, под влиянием семьи. Я считал преподавателя немецкого языка (может быть, и неплохого человека) подлым коллаборационистом и решил не ходить на уроки гражданского воспитания и немецкого языка. Так продолжалось месяц. В оправдание пропусков пошли в ход крестины, свадьбы, похороны. Я подговорил нескольких своих одноклассников, и мы вместе стали прогуливать эти уроки. Вам, конечно, ясно, что директор немедленно вызвал моих родителей. Их реакция меня несколько страшила. Узнав о мотивах пропусков, они не слишком меня ругали и предоставили мне право выбора: обещать быть дисциплинированным и продолжать учебу в школе или учиться ремеслу. Я выбрал второе. Так я оставил школу.

* Имеется в виду, что в 1939 году Ж. Сеги окончил 5-летнюю начальную школу. Следующая ступень — среднее образование — включает 7 лет учебы в коллежах или лицеях (1-й цикл — 4 года и 2-й — 3 года). Параллельно с этим существуют еще так называемые дополнительные курсы (или классы), рассчитанные на 4 года и дающие неполное среднее образование. На них в течение 3-х лет и учился Ж. Сеги. — *Прим. ред.*

Сопротивление, депортация, Маутхаузен

— *В семнадцать лет Вам нужно было выбрать профессию, и Вы выбрали типографское дело. Почему?*

— Совершенно случайно. Первый муж моей сестры работал линотипистом в типографии. Работа хорошо оплачивалась, она мне нравилась. Несколько раз я бывал в этой типографии. И я заключил контракт на обучение с владельцем типографии Анри Лионом.

— *Вы не хотели стать железнодорожником, как Ваш отец?*

— Нет. Профессия печатника казалась мне интересной. Впрочем, я готов был делать все, что угодно, лишь бы скорее начать самостоятельную жизнь. Мне хотелось быть как можно ближе к отцу и его товарищам. Каждый день мы узнавали об арестах товарищей, часто активистов, которых я хорошо знал. В марте 1942 года, как раз перед тем как я собирался покинуть школу, погиб Пьер Семар. Его смерть потрясла меня. Я вам говорил, что Пьер Семар был другом отца; он был генеральным секретарем Федерации железнодорожников, членом Политбюро Французской коммунистической партии. Я был очень привязан к нему. Это был необыкновенный человек. Всегда, когда он приходил к нам — мне было тогда лет десять, — он находил время погово-

рить со мной, рассказать мне что-нибудь. Меня покорили его простота и душевность. Я питал к нему восхищение и любовь. Я всегда буду помнить тот мартовский день 1942 года, когда отец пришел домой подавленным. «Они убили Пьера Семаара», — сказал он. Это был страшный удар и для меня. Я решил отомстить за его смерть. Почти каждый день мы узнавали о расстрелах коммунистов. Я считал, что в борьбе должен участвовать не только отец, — все должны включиться в нее.

Навсегда оставляя школу, я был счастлив, что смогу принимать участие в борьбе. Обстоятельства сложились так, что я включился в нее гораздо раньше, чем думал. Я вам говорил, что в моей жизни большую роль играли обстоятельства. Это было первое стечение обстоятельств.

Анри Лион владел небольшой типографией. Он был вольнодумцем и немного анархистом. Вскоре он сообщил мне, что печатает кое-что для Сопротивления, и попросил сказать об этом отцу. Поначалу отец забеспокоился, усмотрев лишь опасность, которой я подвергаюсь, работая в типографии. Но я был рад, что учусь специальности и одновременно работаю на Сопротивление. И отец согласился, чтобы я остался в типографии.

Понемногу наша типография стала выполнять все более ответственные заказы организаций Сопротивления. Я был связным между организациями компартии, в том числе и организацией Движение коммунистической молодежи. Я вступил в эту организацию на основании устного заявления, поскольку она находилась тогда на нелегальном положении. Вступление в тот период в Движение коммунистической молодежи сейчас расценивается как вступление в компартию; следовательно, я стал членом коммунистической партии в 1942 году. Подпольные организации партии использовали мою работу в типографии для издания своих материалов. Но в отличие от представителей других организаций Сопротивления работники компартии никогда не появлялись у моего хозяина по вполне очевидным соображениям безопасности. К тому же он был несколько словоохотлив. С гордостью рассказывал, что он делал для Сопротивления.

— Что это было — непонимание, хвастовство?

— Скажем, неуместная гордость. Я договорился с хозяином, что буду приносить в типографию материалы для передачи компартии. Об этом знали только мы двое. К счастью для меня. Нас не трогали, пока нашей деятельностью занималась французская полиция. У нас дважды был обыск, оба раза мы были предупреждены другом из полиции и приняли меры предосторожности, спрятав все, что полиции не следовало находить. Во второй раз мы даже не очень-то остерегались: французская полиция не слишком старалась найти то, что было не на виду. Но когда после оккупации южной зоны Франции в 1942 году гестапо взяло дело в свои руки, все изменилось. 4 февраля 1944 года гестаповцы нагрянули в типографию. Они даже не стали утруждать себя обыском. Весь персонал типографии был арестован.

— *Что Вы лично делали в 1942—1944 годах?*

— В основном осуществлял связь между типографией и организациями Сопротивления и учился ремеслу. Кроме того, я принимал участие в ряде операций фронтирёров и партизан*, в том числе в диверсиях на железной дороге. Часто работал бесплатно ночами и по воскресеньям, чтобы себестоимость печатных изданий обходилась дешевле.

У нас было столько заказов, что мы не могли выполнить все. Я всегда вызывался работать сверхурочно. В этом я получал истинное удовольствие — ведь я участвовал в борьбе с врагом.

Я также развозил материал. Я был молод, у меня был велосипед, и я знал все улицы Тулузы.

— *Вы ездили за заказом, Вы выполняли заказ, Вы его доставляли.*

— Это не так уж мало. Это составляло значительную часть цепочки. Однажды, когда я проезжал на велосипеде мимо отделения гестапо, с багажника свалился толстенный сверток с листовками. Сверток развернулся. К счастью, листовки были уложены в пакеты и ни один

* Так называлась организация французских партизан в период Сопротивления. — *Прим. ред.*

из них не разорвался. Моим первым побуждением было скорее уехать, но я подумал: «Если уеду, это покажется подозрительным, и немцы могут погнаться за мной». Тогда я спокойно остановился, поставил свой велосипед у края тротуара, с помощью прохожих собрал пакеты, кое-как уложил их на багажник и спокойно уехал. Никто мне ничего не сказал. Если бы я попытался сбежать, худшее могло бы произойти намного раньше.

— *Вы были связаны только с компартией или же и с другими организациями, находившимися в подполье?*

— Типография Лиона работала для всех организаций Сопротивления Юго-Запада. Я поддерживал контакты с членами других организаций, которые приходили в типографию и с которыми я не раз беседовал. Впоследствии своими свидетельствами они помогли мне доказать, что я действительно участвовал в Сопротивлении. Это ставилось под сомнение, когда я вернулся из депортации *.

Как я Вам уже говорил, наша деятельность ни для кого не была секретом. Нас арестовали по доносу. Человек, который донес на нас, оказался двойным агентом, выдававшим себя за представителя движения Сопротивления. Он был арестован вместе с нами. Меня приковали наручниками к этому типу и старому типографу, папаше Фажу. По прибытии в тюрьму Сен-Мишель в Тулузе этот тип обратился по-немецки к эсэсовскому офицеру. Через пять минут он был освобожден, и мы больше ничего не слышали о нем.

После Освобождения я увидел в газете «Патриот де Тулуз» небольшой снимок со следующей надписью: «В Марселе арестован некто Жорж Картон, подозреваемый в сотрудничестве с врагом». Я сразу же узнал этого человека. Я предпринял ряд демаршей, поддержанных прессой, чтобы его привезли и судили в Тулузе, что и было сделано. Я остался одним из немногих свидетелей обвинения по делу типографии Лиона, так как многие товарищи погибли. Несколько оставшихся в живых жен-

* Имеется в виду заключение в концлагере Маутхаузен. — *Прим. ред.*

щин находились в таком состоянии, что не могли давать показания. От имени погибших товарищей я потребовал самого сурового наказания предателя. Председатель суда заметил, что на суде я должен только давать показания, а не выносить приговор. Картон был приговорен к смертной казни и расстрелян.

— *Сколько вас было во время ареста?*

— Нас было человек двадцать. Неподалеку находилась другая типография, принадлежавшая брату Лиона, которая занималась примерно тем же, что и наша. Весь персонал этой типографии также был арестован. Всего было арестовано около шестидесяти человек. Среди них человек десять невиновных. Это были мужчины и женщины, проходившие в момент нашего ареста по улице, или кленты, заказывавшие визитные карточки. Аресты взбудоражили весь город.

В тюрьме Сеп-Мишель первым допрашивали моего хозяина. Его пытали до полусмерти. Волею случая он оказался после допроса в моей камере и сумел шепнуть, что ничего не сказал обо мне. Так еще до допроса я знал, что гестапо ничего не известно о моей подлинной работе в типографии.

На допросах я решил придерживаться такой системы защиты: «Я знал, что делал (меня арестовали, когда я печатал «Авангард», газету коммунистической молодежи). Но я ученик, учусь ремеслу. Конечно, мне давали печатать нелегальные материалы, но я делал то, что велел хозяин. Я никого не знаю, я ничего не знаю». Меня били, пытались запугать. Они думали, что легко запугать 17-летнего подростка, если он увидит револьвер у виска или услышит треск автоматных очередей во дворе. Мне угрожали: «Через час наступит твоя очередь, если не заговоришь». Я упорно придерживался своей системы защиты, зная из рассказов, что самое страшное — заговорить. И несмотря на побои и запугивания, я стоял на своем.

Больше всего меня волновало, что произошло дома после моего ареста. Эта мысль не оставляла меня ни на минуту. Дома могли остаться компрометирующие документы (часто вечерами мы все вместе изготавливали фальшивые удостоверения личности). Дом наш был также

явкой. Это было очень удобно, поскольку в лавочку моей матери все время ходил народ. В наш дом приходили и некоторые ответственные товарищи. С одним из них я встретился позже, и мы часто вспоминаем об этом славном прошлом. Он жил неподалеку от нас. Уже в то время он был крупным деятелем коммунистической партии, сейчас — секретарь Центрального Комитета партии. Зовут его Гастон Плиссонье. Я много работал с ним в годы Сопротивления. Лишь после возвращения из депортации я узнал, что, когда меня арестовали, все, кто посещал наш дом, разлетелись, как стая воробьев. Первое, что они подумали после моего ареста: «Если малыш заговорит, всем нам крышка». Сегодня я их иногда поддраживаю — не очень-то они верили в молодежь.

Гастон Плиссонье был последним из моих знакомых, кого я видел перед угоном в Германию. Меня взяли в кузове немецкого военного грузовика, на руках — наручники, в спину упирался автомат. Грузовик остановился у светофора, и кого же я увидел на тротуаре? Товарища Плиссонье. Первым желанием было подать ему знак, но я тут же подумал, что при малейшем моем жесте его схватят. И тогда я пристально посмотрел на него. Меня было трудно узнать — я был острижен наголо. Он тоже посмотрел на меня. До самого возвращения из депортации я не мог сказать, узнал он меня или нет. Только после Освобождения выяснилось, что тогда он меня узнал. До возвращения из депортации я ничего не знал, что произошло у меня дома.

— *Вас допрашивали, но не пытали.*

— Допрашивали, били, запугивали, но не пытали. Если бы меня по-настоящему пытали, не знаю, что было бы. В конце концов, для меня все кончилось не так уж плохо. К счастью. Многие из тех, кого пытали, не смогли перенести трудностей концлагеря и погибли.

Меня часто били не только на допросах; били за то, что я не обнажал головы перед эсэсовцами. Так, однажды, когда мы гуляли по двору тюрьмы Сен-Мишель, навстречу нам шел эсэсовец. Все, кроме меня, уступили ему дорогу, я же продолжал идти на него. Эсэсовец ударил меня кулаком в лицо так, что я потерял сознание. Но я

был доволен. Нам было запрещено открывать окна в камере. Я открыл. Тут же сквозь решетку влетела пуля. После этого я несколько обзавелся. Думаю, что я вел себя так по молодости. Сейчас я не сделал бы этого. В тулузской тюрьме мы находились три недели, затем нас эшелонами отправили в Компьен. Позже я узнал, что партизаны, действовавшие в районе Корре, разработали план нашего освобождения около Суйака. К сожалению, эсэсовцы пропихали об этом и изменили час отправления нашего состава. Снова стечение обстоятельств! Иначе я, может быть, закончил бы войну с партизанами департамента Ло. Что можно сказать о Компьене? Немного. Это был транзитный лагерь. Нас держали там около двух недель перед отправкой в Германию. 15 марта 1944 года нас построили с вещами в колонну.

— *Вы оставались все вместе?*

— Мы были все вместе до Маутхаузена. Там нас развели. Из Компьена нас повезли в неизвестном направлении. В середине дня нас в алфавитном порядке погрузили в товарные вагоны. В каждом вагоне — по шестьдесят человек. Вечером те, кому удалось сохранить после обыска пилки и отвертки, начали проделывать дыру в боковой стенке вагона. К ночи она стала достаточно широкой, чтобы пролезть. Нужно было решать, кто воспользуется этой возможностью для побега. Я был за побег. Впрочем, таких оказалось немного, около десяти. Остальные не хотели рисковать.

— *Или, вернее, они не знали, что рискованнее, и предпочли депортацию.*

— Никто не знал, куда нас везли, — куда-то во Францию или в Германию. Кроме того, среди нас были не только участники Сопротивления. Некоторые случайно попали в облаву. Они не чувствовали за собой вины и были уверены, что рано или поздно их невиновность будет доказана. Многие были против побега, так как он мог повлечь за собой репрессии.

— *Странное поведение. Ведь уже было известно о существовании концентрационных лагерей.*

— Многие абсолютно ничего не знали об этом. Мы не стали считаться с их возражениями. Стемнело, прыгнул один, второй. Раздался треск автоматной очереди. Прыгнул третий — снова автоматная очередь. Затем эшелон остановился. Немцы подобрали тела, кричали на нас. Приказали нам раздеться — в вагоне ледяной холод — и запихнули в вагон сто двадцать человек вместо шестидесяти, всех вместе — мертвых, раненых, живых. Страшное зрелище! Представьте себе людей всех возрастов, скученных, как скот. Три дня и три ночи мы оставались без еды и воды, фактически в темноте. Поезд подолгу стоял на маленьких станциях. Вначале наиболее сознательные попытались установить в вагоне какой-то порядок. Но их попытки ни к чему не привели. Многие не хотели расплачиваться за «виновных». Вспыхивали ссоры. В какой-то момент всеми овладело что-то вроде буйного помешательства, началось нечто невообразимое. Рядом со мной стоял Сен-Мартори, друг из Тулузы. Я пытался сдерживать его, сколько мог, но, разъяренный, он тоже кинулся в свалку. В вагоне оказались самые разные люди: кроме нас, были случайно арестованные, уголовники. Они панически боялись, что мы снова попытаемся бежать и что это вызовет репрессии, как угрожали эсэсовцы, — обстрел вагона из пулемета в течение пятнадцати минут.

Духота, отсутствие воды, тревога, страх привели к тому, что даже сильных духом товарищей охватило безумие: люди дрались, душили друг друга, кусались. Их пытались разнимать. Но у нас ничего не выходило. Я до конца сохранил ясность рассудка. Меня прижали к стенке вагона. С одной стороны от меня — заключенный из Марсея, в прошлом полицейский. В полуобморочном состоянии, он все время плакал. С другой стороны — кюре, который все время молился, несмотря на издевки и оскорбления. Грудь у меня была мокрой от пота, а спина — ледяной от соприкосновения с металлической стенкой вагона. Всю дорогу я слизывал оседавшие на стенку капельки воды. Это спасло меня от обезвоживания, как раз и вызывавшего приступ помешательства, как мне потом объяснили.

На третий день, едва занялась заря, поезд остановился, и двери открылись. Эсэсовцы кричали, приказывали выходить, но никто не репался. Безумства как не

бывало. Все притихли. Эсэсовцы стали выталкивать нас из вагона раздетых в снег. Это был Маутхаузен в Австрии. Страшное зрелище: почти голые люди, на четвереньках, жадно глотают снег, катаются по снегу — столь велика была жажда. Эсэсовцы выбрасывали из вагона наши вещи. Каждый хватал, что мог, — кто пиджак, кто брюки. Мне досталась пара ботинок. Так как у моего друга был только один, я ему отдал второй. Сам шел до концлагеря по снегу в одном ботинке, который, к счастью, оказался велик, и я мог переодевать его с одной ноги на другую, чтобы не обморозиться.

— *Многие ли умерли?*

— В нашем вагоне умерло пять или шесть человек. Некоторых тут же отправили в газовую камеру, так как они были очень истощены. В лагере я встретил хозяина типографии — он ехал в другом вагоне. Он сошел с ума. Ничего нельзя было сделать, чтобы спасти его. Вскоре он умер.

Путь до концлагеря оставил у меня горькое воспоминание. Встречавшиеся по дороге дети бросали в нас камни, кричали, плевались. Им, конечно, рассказали, что мы — французские коммунисты-террористы, которые убивали их пап, защищавших в рядах вермахта свободный мир. Для меня это было ужасно. Прибыв в Маутхаузен, мы почувствовали запах горелого мяса. Мы думали, что он шел с кухни. Но это были печи крематория. Полдня мы оставались в строю в ожидании дезинфекции. Затем нам выдали рубашки, кальсоны, куртки, брюки и деревянные башмаки.

Меня поместили в пятнадцатый блок, «карантинный», из-за боязни эпидемических заболеваний. Через двадцать дней, так как немцам понадобилась рабочая сила, нас перевели из пятнадцатого блока в «свободный лагерь». Там вскоре с помощью советского офицера я связался с французской подпольной организацией лагеря. Она строилась по принципу национального фронта, объединяла коммунистов, голлистов, христиан, беспартийных и входила в Интернациональный комитет Маутхаузена, состоявший из представителей всех национальностей. Организация играла большую роль в нашей

жизни, в частности оберегала нас от гомосексуалистов, немецких уголовников, находившихся в тюрьмах и лагерях по пятнадцать—двадцать лет. Как только они узнали, что мы находимся под защитой организации, они оставили нас в покое. Старшим в моем блоке был немецкий уголовник, всячески издевавшийся над заключенными. Однажды он меня избил плеткой из бычьих жил. На все «посты» в лагере были назначены немецкие и польские уголовники. Эсэсовцы же находились вне лагеря и появлялись лишь для проверок или карательных операций.

В нашем блоке находился испанский анархист, который затаил глубокую обиду на Францию. Он сражался против франкизма, бежал из Испании, надеясь найти убежище во Франции, но был отправлен в концентрационный лагерь. Он винил в этом всех французов и старался выместить на нас свою обиду. Правда, длилось это недолго. Благодаря вмешательству испанской организации лагеря его удалось переубедить.

Маутхаузен был построен почти исключительно испанцами, вывезенными из французских концлагерей. Многие здесь погибли. Раскол, существовавший между анархистами и коммунистами, осложнял их и без того тяжелое положение. В конце концов испанским коммунистам удалось объединить всех испанских заключенных для борьбы против фашистов. У испанцев, когда нас привезли в лагерь, существовала уже крепкая организация, помогавшая представителям других национальностей включиться в лагерную жизнь. Лично я должен сказать, что обязан им жизнью. Однажды они спасли меня.

— *Вы были одним из самых юных в лагере?*

— Я был самым молодым французом Маутхаузена. Для всех я был мальчишкой, и каждый считал меня своего рода талисманом. Нас направили на работу в карьер, как только перевели из карантинного блока в «свободный лагерь». Целыми днями мы ворочали огромные гранитные глыбы, а вечером каждый должен был принести на спине камень для лагерной стены. Сто восемьдесят шесть ступенек вверх в любую погоду. Горе тому, кто поскользнется на льду, так как попасть в

«ревир» (лагерный госпиталь) означало смерть. Оттуда был только один путь — в газовую камеру. Каждый вечер мы решали, какой выбрать камень: не очень большой, но и не слишком маленький, чтобы эсэсовец не заменил его на огромный, который невозможно нести. Конечно же, из чувства солидарности мы помогали самым слабым, самым изможденным, самым больным.

Позже подпольной организации удалось пристроить меня токарем на завод. Мы изготавливали детали для «мессершмиттов», немецких истребителей. Как мы, участники Сопротивления, могли работать на немецкую военную промышленность? Мы посоветовались и разработали план саботажа. Так, я должен был просверливать тридцать одно отверстие и ставить тридцать одну заклепку. Отверстия я сверлил диаметром пять миллиметров, а заклепки ставил четыре миллиметра. Это был явный брак.

— *Разве не было технического контроля?*

— Контроль осуществлялся тем советским офицером, который мне рассказал о подпольной организации. Кроме того, брак трудно было обнаружить. Так я и делал бракованные детали несколько месяцев, пока не заболел плевритом.

О госпитале не могло быть и речи, поскольку оттуда был один путь — в печь крематория. У меня была очень высокая температура. Товарищи воровали аспирин в медпункте, температура понижалась, но болезнь не проходила. Я терял силы, требовались срочные меры. Тогда подпольная организация решила нелегально отправить меня в госпиталь под наблюдение связанных с ней врачей.

— *Что значит нелегально отправить в госпиталь?*

— Я не мог туда попасть в качестве больного. Я уже говорил Вам, что единственный путь оттуда — газовая камера. Следовательно, я должен был попасть туда как лагерный рабочий. Я занял место заключенного, работавшего в больнице. Там с помощью французских и итальянских врачей я смог отдохнуть, отогреться, подлечиться. Это недолгое пребывание в госпитале оставило у меня одно из страшных воспоминаний от всей депор-

тации. Сколько человеческих страданий! Нужно было видеть этих людей, умирающих, больных дизентерией, тифом, туберкулезом, фурункулезом. Они лежали в горячке, голодные, по два, по три на досках, часто в испражнениях. Их мучил жар, они метались в бреду, умирали. Это были уже не люди, а животные. Что могли сделать для этих изможденных врачи, лишённые всяких средств, кроме как облегчить последние дни их жизни? Именно там я присутствовал при сцене, о которой я редко кому говорил, но воспоминание о ней меня еще долго преследовало. Я видел сцену людоедства: обезумевшие люди разорвали на части труп и съели печень. Эсэсовцы тут же впрыснули им керосин.

Какой ад! Каждое утро перед госпитальными бараками складывали трупы — десять, пятнадцать, двадцать на барак. Летом, в жару, стоял невыносимый запах. Подъезжала повозка, трупы подбирали и увозили к печам крематория.

Вернуться в лагерь незамеченным я мог только вместе со специальной командой, подбиравшей трупы. Так на мою долю выпала эта жуткая работа: тащить повозку взявшись вшестером за оглоблю. Четверо других грузили трупы: раз, два, три — бросай! По дороге трупы из-за тряски падали, их снова забрасывали наверх. Затем повозку разгружали во дворе крематория. Как ни странно, эта работа не произвела на меня никакого впечатления. И я думаю, так ее воспринимали и другие. Мы переживали смерть товарища, но эти безвестные мертвецы нам были безразличны. Это была обычная лагерная жизнь, работа как работа. Позднее я вновь пережил эти сцены в кошмарных снах, почувствовал весь их ужас. Даже пас, сохранивших ясность ума, эсэсовцы низвели до состояния, которое едва ли можно назвать человеческим.

— *Вы говорили, что подпольная организация испанцев оказала Вам большую помощь.*

— Благодаря ей я не попал в лагерную команду, где режим был еще более строгим и не было такой действенной подпольной организации. Когда я, ослабевший, вернулся из госпиталя, один испанский товарищ украл для меня на эсэсовской кухне шестьдесят кусочков сахара.

Когда я его ел, то чувствовал, как тепло разливалось по телу, точно после укола кальция. Товарищу было поручено каждое утро выдавать мне по кусочку, чтобы я не съел все сразу. Сам он голодал. Представляю, как ему хотелось этого сахара, но он к нему не притрагивался. Когда мы теперь с ним встречаемся, мы вспоминаем об этом эпизоде. Он мне признался, что несколько раз ему с трудом удавалось устоять перед соблазном.

Как я уже говорил, в лагере существовала подпольная организация. В основе ее была система, которая у нас в Сопротивлении называлась системой «троек»: в самом основании — группа из трех человек, один из которых имел контакт со следующей тройкой, и так была связана вся организация. Я стал старшим второй тройки. Через некоторое время я уже руководил шестью тройками, состоявшими главным образом из молодежи. Я осуществлял связь и поставлял им информацию.

— *Из скольких ступеней состояла пирамида?*

— Вплоть до Интернационального комитета их было около десяти. Я поддерживал связь с товарищем, которого отделяло от руководства лагеря три ступени. Мы получали информацию благодаря детекторному приемнику и распространяли ее с помощью троек. Так, 6 июня мы узнали о высадке союзников во Франции. Для нас это был счастливый день. Когда мы шли на работу, эсэсовцы орали на нас, на отстающих спускали собак. Но мы знали, почему они так вели себя, и были счастливы, видя в глазах эсэсовцев столько злобы. В тот день мы поверили в будущее. Наша вера еще более укрепилась, когда мы узнали новости с русского фронта. У нас появилась надежда остаться в живых.

Мы также догадывались о продвижении союзников — к нам начали прибывать заключенные из других лагерей. Так, однажды я увидел арестованных вместе со мной пятерых женщин. Их привезли из Равенсбрюка.

Я тогда смог сделать для них кое-что — передал большую буханку хлеба. Это произвело на них огромное впечатление. С тех пор всякий раз при встречах и в письмах они вспоминают об этой буханке.

Однажды мы заметили, что эсэсовцы особенно возбуждены. Мы узнали, что советские войска вступили в

Вену. В нашем лагере тогда было много заключенных из других лагерей. Газовые камеры работали круглосуточно. Печи не успевали сжигать трупы — вся территория лагеря была ими завалена.

Именно тогда была получена телеграмма Гиммлера, в которой он приказывал комендантам концлагерей уничтожить всех. Нам стало известно от одного эсэсовца, боявшегося расплаты, который рассчитывал заработать прощение, что нас хотят заживо замуровать в подземном заводе в Гузене, расположенном в двадцати километрах от лагеря. Мы провели совещание. Интернациональный комитет предложил всем, когда мы выйдем колонной из лагеря в Гузен, броситься по сигналу на сопровождавших нас эсэсовцев, даже если половина или три четверти из нас погибнут. Все поддержали это предложение. Но эсэсовцы не успели осуществить свой замысел — то ли побоялись возмездия, то ли им стало известно о нашем решении. Мы остались в лагере. Однажды утром мы с удивлением увидели на смотровых вышках не эсэсовцев, как обычно, а старых солдат вермахта. Когда лагерь восстал, они не оказали никакого сопротивления. Мы освободили лагерь в тот момент, когда с одной стороны появились советские танки, с другой — американская армия. Нам, французам, были немедленно предоставлены грузовики Международного Красного Креста, на которых мы вернулись во Францию.

Эсэсовцев, скрывавшихся на соседних фермах, нашли, судили и расстреляли. Такое же наказание понесли и их приспешники, уголовники, от чьих рук погибло немало узников.

Из чувства мести кое-кто предлагал подвергнуть этих людей таким же страшным пыткам, которые перенесли мы. Но мы отказались: ведь мы же люди, и нельзя, даже мстя за себя, превращаться в животных.

— Таким образом, в лагере Вы, как и до ареста, снова стали активным борцом.

— Я выполнял определенную работу в лагере. Это была не такая уж большая работа, скорее, это была борьба за жизнь. Я считаю, как и многие другие товарищи: мне повезло — я выжил. Теперь моя жизнь мне больше не принадлежит — она принадлежит делу, за

которое мы боролись и за которое отдали жизнь столько наших товарищей. Вот почему я решил посвятить свою жизнь борьбе против фашизма, за демократию, независимость и социальную справедливость. Поэтому не столь уж велика моя заслуга в том, что я и в лагере продолжал активно бороться. Это было нормальным, логичным и совершенно естественным продолжением пачала моей жизни.

— *Была ли у вас возможность обмениваться мнениями, обсуждать политические вопросы?*

— Практически нет. Эсэсовцы категорически запрещали нам собираться вместе в лагере или на рабочем месте, кроме утренней и вечерней поверок, часто очень мучительных из-за непогоды. Нас пересчитывали по пять, шесть, десять раз в день...

— *То есть звание коммуниста, свою партийную принадлежность Вы подтверждали делами, но Вы не могли говорить об этом со своими товарищами?*

— В концлагере некоторые заключенные вступили в компартию. Лично я принял в партию двух ребят. Они не были участниками Сопротивления, но в лагере решили бороться против фашизма, против эсэсовцев.

— *Было ли у Вас время на размышления, и вообще, хотелось ли Вам размышлять?*

— У меня была все-таки некоторая возможность беседовать со старшими товарищами. Они разбирались в политэкономии, философии. Они изучали марксизм во французских тюрьмах, где провели по два-три года, прежде чем попасть в Маутхаузен. Таким образом я углубил свои знания в этих науках. Я даже смог, общаясь с испанскими товарищами, углубить свои знания испанского языка.

— *Вернемся к Вашему освобождению.*

— Мы сели в грузовики Международного Красного Креста, которые должны были отвезти нас на родину.

Но даже в тот момент мы не были уверены, действительно ли нас везли во Францию. Мы вырвались из такого ада, что подозревали всех в худших намерениях. Только после пересечения границы Австрии и Швейцарии у нас появилась уверенность, что мы действительно свободны. В Швейцарии произошло еще одно драматическое событие. Не посоветовавшись с врачами, сотрудники Красного Креста из добрых побуждений так накормили нас, что многие заболели, а некоторые даже умерли. Ужасно было видеть людей, возвращавшихся из депортации, два года голодавших и теперь умиравших от несварения желудка. Нас обследовали врачи, и тогда стало ясно, какими мы были «репатриантами».

Я прибыл в Тулузу пятого мая 1945 года. Я так торопился увидеть своих, что соскочил с поезда еще на ходу. Я не знал, что на вокзале была подготовлена торжественная встреча бывшим депортированным. Пришлось вернуться на вокзал. Меня, разумеется, очень ждали, поскольку знали, что я участвовал в Сопротивлении и привлекался по делу типографии Лиона. Я возвратился одним из первых. Только тогда я узнал, что произошло с моей семьей.

Вскоре после моего ареста отец перешел на нелегальное положение, чтобы избежать такой же участи. Он выполнял ответственную работу в организации Сопротивления тулузского и лиможского районов. Остальные члены семьи были также вынуждены скрываться, чтобы бороться с врагом. Одна мать оставалась дома в Тулузе, где ее, впрочем, не тронули.

Я с трудом возвращался к жизни. Весил я тогда тридцать восемь килограммов. Трудно было привыкать к обстановке в стране, сложившейся после Освобождения. Я глубоко переживал гибель товарищей и считал, что все должны носить траур по жертвам Сопротивления. Меня шокировали торжества, народные гулянья, организуемые по случаю окончания войны. Я избегал шумных мест, не хотел никого видеть. Я хандрил. Мать, не понимавшая, что со мной происходило, очень переживала. Первые дни я не мог спать в постели — она была слишком мягкой, слишком удобной. Я засыпал только на коврик перед кроватью. Можете себе представить, как беспокоились мои родители.

Конечно же, жизнь победила. Но я не могу забыть физические страдания, зверства, унижения, которым подвергались узники в лагере. Ужасно быть униженным и не иметь возможности ответить на это. Вот почему теперь я физически не могу выносить, когда вижу, как унижают других, даже когда родители, не знакомые с педагогикой, обижают своих детей. Я не могу выносить унижений, которым подвергаются трудящиеся, особенно иммигранты. Я вижу, что эти унижения невыносимы для них. Ужасно, когда тебя не считают человеком. Как я их понимаю! Поскольку мне повезло, что я остался живым, вскоре после возвращения я весь отдался общественной работе.

Жизнь борца. 1945-1949 годы: раскол в ВКТ

— *Два года были как бы вычеркнуты из Вашей жизни. Думаю, что Вам очень хотелось наверстать упущенное?*

— Поправив немного здоровье, я очень быстро оказался в гуще общественной жизни. Вместе с видными политическими и культурными деятелями тулузского района я начал принимать участие в демонстрациях, митингах и конференциях организаций Сопротивления и Национальной федерации перемещенных лиц. У меня брали интервью журналисты, хотя я и не имел особых заслуг и не очень-то хорошо умел выражать свои мысли. Не забывайте, у меня было очень скромное образование. Но я был — это нужно сказать — одним из самых молодых депортированных Франции. Чтобы не ударить лицом в грязь, я должен был учиться.

Из-за плеврита доктор запретил мне по крайней мере два года работать в типографии. Я не мог также позволить себе столь длительное время жить за счет родителей. Поскольку доктор рекомендовал мне работу на свежем воздухе, я поступил подсобным рабочим в тулузское железнодорожное депо.

— *К большому удовольствию отца?*

— Думаю, что он был доволен. Я решил приобрести специальность электрика. Это потребовало несколько месяцев учебы. Экзамен я сдал хорошо. В девятнадцать

лет, год спустя после депортации, я стал электриком на железной дороге.

Как участника Сопротивления меня быстро выдвинули на ответственную работу в профсоюзе, причем я даже особенно не проявил себя. В Тулузе меня хорошо знали. Происходил я из рабочей семьи. Мой отец работал в Федерации профсоюзов железнодорожников. Я отвечал всем требованиям как моего профсоюза — профсоюза железнодорожников Тулузы, — так и департаментского руководства профсоюзов. И вот в 1947 году, в двадцать лет, я был избран членом департаментского союза Верхней Гаронны. К тому же на первой конференции федерации, состоявшейся после моего возвращения из депортации, я был избран в департаментский комитет коммунистической партии.

— От пятнадцати до восемнадцати лет у Вас практически не было личной жизни?

— До ареста из-за участия в движении Сопротивления оставалось мало свободного времени, чтобы жить, как другие мои сверстники. После возвращения из депортации общественная работа не мешала мне жить, как другие молодые люди, тем более что несколько лет я занимался в профсоюзном движении главным образом вопросами молодежи. Мне даже хватало времени заниматься спортом.

— Самому заниматься или быть организатором?

— Я всегда увлекался футболом и играл в различных командах Тулузы, в том числе в команде юниоров футбольного клуба Тулузы. Последним спортивным обществом, членом которого я состоял, было общество железнодорожников Тулузы. Я был капитаном команды. В это время меня направили на работу в ВКТ в Париж, и занятия спортом кончились.

— Вы сожалеете об этом?

— Да, сожалею. Но я не отказался совсем от спорта. Я не участвовал больше в соревнованиях, но играл еще в регби, плавал, занимался греблей и теннисом.

— *Жизнь на нелегальном положении, затем депортация в пятнадцать лет помешали Вам продолжить образование?*

— Я осознал свое невежество и недостаточную общую культуру сразу же после возвращения из депортации. Общение с товарищами, с политическими и культурными деятелями показало мне, как сильно я отстал. Вот почему я с исступлением набросился на книги. У меня было для этого достаточно свободного времени. Я очень увлекаюсь Джеком Лондоном, его творчество оказывает на меня сильное влияние. Я восхищаюсь его любовью к жизни, к природе. Я много читал также Горького, Бальзака, Дидро, Вольтера. Меня очень интересовал Рабле, которого я часто перечитываю. Я также хорошо знаю произведения Анатоля Франса, Барбюса, русских писателей, таких, как Толстой и Достоевский.

— *Кроме Джека Лондона, Горького и Барбюса, в этом списке я не вижу больше социалистов.*

— Как все молодые активисты, участвующие в политической и профсоюзной жизни, я должен был пополнить свои политические знания чтением трудов Маркса, Энгельса и Ленина. А также Сталина — до XX съезда Коммунистической партии Советского Союза. Впрочем, я об этом не сожалею. Конечно, с его именем связаны драматические события. Но в его работах многие аспекты сохраняют навсегда большую философскую, экономическую и политическую ценность.

— *Нельзя отрицать значение Сталина, роль, которую он сыграл в строительстве Советского государства, а также во время второй мировой войны.*

— Я не принадлежу к числу тех, кто стремится перечеркнуть роль Сталина в истории, даже если впоследствии были осуждены злоупотребления, связанные с культом личности. Раз уж мы заговорили о нем, должен вам сказать, что я часто представлял себе, подобно многим юным борцам Сопротивления, как встретил бы последние секунды своей жизни перед расстрелом. Думаю,

я бы воскликнул тогда: «Да здравствует Франция, да здравствует Сталин!»

— *Вы были молодым коммунистом, я не был им, но как для Вас, так и для меня, принимавших участие в войне, в движении Сопротивления, Сталин был великим человеком.*

— Сталин был символом борьбы Советской Армии и советского народа против гитлеризма и фашизма. Вот почему я не могу привыкнуть говорить Волгоград. Я говорю Сталинград, потому что под таким именем я узнал этот великий город, под таким именем он остался в наших сердцах. Я прочел также много исторических работ. Я люблю изучать великие события прошлого, стараюсь понять их подлинное значение. Так, в воспоминаниях маршала Жукова о последней мировой войне, одним из выдающихся участников которой он был, я нашел объяснение роли Советской Армии и Сталина в разгроме фашизма.

— *Не растерялись ли вы немного от стольких обязанностей в Ваши девятнадцать-двадцать лет?*

— Да, тем более что я жил один с матерью. Мои сестры были в Париже, отец — тоже. Я не мог делиться с ним своими заботами, как делал это раньше. Я был предоставлен самому себе. И в это время мне повезло — я встретил Марселя Берже, товарища моего отца. Он был на тридцать лет старше меня, работал в профессиональном союзе железнодорожников города Тулузы. Это он помог мне поступить на железную дорогу. Потом мы работали с ним вместе.

Близкий к Пьеру Семару, Марсель Берже занимал ответственные посты в Федерации железнодорожников перед войной, в 1939 году он отказался перейти на нелегальное положение, как это сделали его товарищи по федерации. Трое малолетних детей, сам инвалид, без ноги — все это, конечно, отразилось на его решении. Его колебания впоследствии сказались на его продвижении в профсоюзе. Я сохранил полное доверие к нему. Свои первые годы в профсоюзе, с поступления на железную дорогу в начале 1946 года и до перехода в Федерацию

железнодорожников в 1949 году, году его смерти, я провел рядом с ним. Мы часто вместе проводили профсоюзные собрания в окрестностях Тулузы, а иногда и предвыборные собрания в поддержку кандидатов компартии. Марсель Берже был добрым человеком, превосходным оратором. В тот период он оказал на меня очень большое влияние.

Как бы то ни было, в то время все было ново, все возможно. Я вам расскажу один случай. Он произошел во время принятия конституции в 1946 году. Мне было восемнадцать с половиной лет. Я рассудил так: если я был достаточно взрослым, чтобы бороться с фашизмом и быть депортированным, то меня должны считать достаточно взрослым и для того, чтобы дать мне право участвовать в голосовании, хотя я и не достиг юридического совершеннолетия. Так же считали и мои товарищи, которым я об этом сказал. Я явился на избирательный участок и потребовал от председателя предоставить мне возможность проголосовать. Замешательство среди членов комиссии. Она состояла главным образом из социалистов и коммунистов. Посоветовавшись, они удовлетворили мою просьбу, и я проголосовал. Потом это дело «уладили», используя фамилию одного из тех, кто не явился на голосование. Явный подлог, но о нем можно говорить сегодня, поскольку срок давности истек!

— Период, когда начиналась Ваша профессиональная и общественная жизнь, характеризуется событиями, вселявшими большие надежды: национализация промышленности, создание комитетов предприятий. Все это позволяло предполагать, что страна вступала на путь структурных реформ.

— В вопросах осуществления реформ мы руководствовались программой Национального совета Сопротивления. Но это не было таким легким делом, как могло показаться. Условия, возникшие в стране после Освобождения, позволили восстановить все социальные завоевания Народного фронта и добиться новых профсоюзных свобод, как, например, создания комитетов предприятий и выборов делегатов персонала. Однако правительство и частный сектор оказали упорное сопротивление национализации промышленности. Предложения

Национального совета Сопротивления распространялись на черную металлургию, химическую, алюминиевую и угольную промышленность, производство электроэнергии, банки, страховые компании. Если не считать некоторых мер, принятых в отношении страховых компаний, и частичных мер в отношении банков, не затронувших власти капитала, национализирована была лишь угольная промышленность, а также производство электроэнергии. Мы не добились того, чего хотели, и это явилось одной из причин обострения социальных конфликтов. В то время ВКТ вела борьбу за реорганизацию экономики страны.

— *Фактически это был период сотрудничества властей и профсоюзных организаций.*

— Мне не нравится слово «сотрудничество» в области социальных отношений. Скажем, это был период активного участия профсоюзов в достижении некоторых целей экономической и социальной политики правительства. Может быть, следовало бы даже сказать, что ВКТ шла значительно дальше в борьбе за реорганизацию экономики и в области социальных реформ. Мы стремились к большему, иногда резко критиковали правительство за проволочки. Это приводило к малоприятным дискуссиям между ВКТ и генералом де Голлем относительно целей, стоявших перед рабочим движением и французским народом в деле быстрейшего восстановления экономики. ВКТ прекрасно отдавала себе отчет в необходимости мобилизовать все силы нации и, следовательно, все силы рабочего класса на борьбу против врага (в 1944 году еще шла война). ВКТ проводила работу под главным лозунгом «Все для победы над врагом!». А для победы требовалась мобилизация всех социальных и экономических сил. Но после окончания войны сражение нужно было продолжать уже за экономическое восстановление страны. В этом вопросе мы сталкивались с инерцией, особенно в административном аппарате, который далеко не был очищен от кишмя кишевших там вишнстов. Основные разногласия, существовавшие в то время между некоторыми членами правительства, предпринимателями и нами, касались проблемы национализации. Вопрос о том, кому должны принадлежать ключе-

вые отрасли экономики, всегда был предметом ожесточенных споров и глубоких разногласий.

— *Считаете ли Вы, что весь рабочий класс откликнулся на призыв принять участие в восстановлении страны?*

— В своем большинстве трудящиеся прекрасно поняли смысл участия профсоюзов в работе по восстановлению, возрождению экономики, серьезно пострадавшей от войны. Они откликнулись на этот призыв не только из чувства патриотизма (они его проявили и во время войны. Как об этом сказал Мориак: «Только рабочий класс остался верен поруганной Франции»). Они откликнулись на этот призыв еще и потому, что понимали: без развитой экономики они не смогут улучшить свое социальное положение. Не стану утверждать, что все трудящиеся были полностью с этим согласны и что ВКТ не сталкивалась с непониманием. Непонимание это вдохновлялось, по крайней мере поддерживалось, некоторыми группами в профсоюзах, которые никогда не были сторонниками борьбы за национальное обновление и за экономическое восстановление страны. Это те, кто открыто заявлял о своей симпатии к предателям из банды Белена и Дюмулена *, кто всегда выступал против единства, достигнутого в 1936 году, и кто в конечном счете скатился до коллаборационизма. Их продолжатели повели упорную борьбу против позиции ВКТ, высмеивая «лозунги»: «Засучим рукава!», «Все за работу!»

— *Уже в 1946 году, когда ВКТ продолжала свою политику участия, когда министры-коммунисты еще оставались в правительстве, начались забастовки. В январе 1946 года — забастовка печатников, в июле 1946 года — забастовка почтовых служащих, и профцентр не поддержал их.*

* В 1937 г. в руководстве ВКТ возникла раскольническая профашистская группировка во главе с Рене Беленом, Жоржем Дюмуленом и др. В годы фашистской оккупации Белен становится министром труда и одним из авторов коллаборационистской Хартии труда, призывавшей работать на фашистских оккупантов. — *Прим. перев.*

— В начале 1946 года благодаря усилиям ВКТ, коммунистической партии, других партий национальное производство составило восемьдесят один процент от уровня 1938 года. Этих значительных результатов нельзя было бы достичь без активного участия трудящихся. Никакого чуда здесь нет. ВКТ поэтому считала, что она вправе требовать наряду с расширением производства некоторого улучшения социального положения трудящихся, большего учета их непосредственных требований. При этом ВКТ не выступала за проведение забастовок. Пока еще была абсолютно необходима мобилизация всех сил для того, чтобы выиграть битву за производство. Однако ее задача усложнялась тем, что определенные категории трудящихся выражали законное недовольство в связи с проволочками, чинимыми правительством. Отдельным элементам, прежде всего среди почтовых служащих, удалось воспользоваться этим недовольством и спровоцировать забастовку как раз в момент переговоров с правительством, когда должны были быть удовлетворены некоторые их требования. ВКТ считала, что это выступление не имело ничего общего с защитой законных требований трудящихся. Наоборот, оно могло помешать восстановлению экономики страны. Забастовка печатников также не получила поддержку ВКТ.

— *Эти забастовки, против которых профцентр не выступил, но и не поддержал их, уже привели к частичному расколу ВКТ: созданию Национальной конфедерации труда — после забастовки печатников — и Профсоюзной федерации почтовых служащих — после забастовки почтовых служащих.*

— Уже во второй половине 1946 и в начале 1947 года мы были свидетелями попыток подорвать профсоюзное единство, скрепленное соглашениями в Перрё во время борьбы с гитлеровскими захватчиками.

— *Следует заметить, что соглашения в Перрё обеспечивали определенное равновесие в рядах ВКТ. Это было в интересах крыла Жуо*, а в 1946 году такое равновесие было нарушено.*

* Леон Жуо — один из руководителей реформистской группировки в руководстве ВКТ в 30-е годы. В мае 1943 г.

— Это соглашение было заключено в 1943 году между двумя основными течениями в рабочем движении — между бывшими конфедератистами и бывшими унитаристами. Этот компромисс позволил восстановить руководящие органы ВКТ в том виде, в каком они были созданы на Тулузском съезде. Меньшинство сознательно пошло на подобный шаг, руководствуясь стремлением содействовать подпольной деятельности профсоюзных активистов, боровшихся в рядах Сопротивления. Как следствие этого соглашения пять представителей ВКТ были назначены в Консультативную ассамблею в Алжире. Бенуа Фрашон и Луи Сайян стали членами Национального совета Сопротивления. Подпольная профсоюзная работа приобрела более организованный характер. Но вместе с тем договорились, что окончательное решение по всем основным вопросам примет первый съезд, который состоится сразу же после Освобождения.

Безусловно, после Тулузского съезда 1936 года обстановка изменилась, чем и объясняется эволюция течений, эволюция, с которой кое-кто не хотел считаться. И тогда были предприняты попытки подорвать понемногу основу единства: то тут, то там создавались небольшие группы, например такие, о которых Вы говорили. Подобные попытки предпринимались в Федерации железнодорожников. В конце 1946—начале 1947 года все это привело к созданию групп под названием «Форс увриер». Очень скоро мы поняли, что они преследовали единственную цель: развал ВКТ. И особенно нас беспокоило то, что их поддерживали силы, совершенно чуждые профсоюзному движению и во Франции, и за ее пределами. Впоследствии было доказано, что меньшинство в Федерации почтовых служащих первым получило финансовую поддержку от американских профсоюзов через Ирвинга Брауна — агента, работавшего на государственный департамент, и даже на ЦРУ. Он до сих пор активно действует в некоторых странах Латинской Америки и Африки. И использует он те же самые методы: приезжает с долларами, пытаясь подкупить рабо-

между сторонниками Жюо и представителями ВКТ было заключено соглашение о воссоздании единой ВКТ. Однако после окончания войны раскольническая группировка во главе с Жюо создала свою профсоюзную организацию «Форс увриер». — *Прим. перев.*

чих-активистов и столкнуть их на путь такого синдикализма, какой воплощают собой реакционные руководители американских профсоюзов.

— Но в то время Вы могли об этом лишь догадываться. А подтверждение Вы получили гораздо позже, через двадцать лет?

— Не через двадцать лет. Газета «Монд» сообщила об этом лишь в 1967 году, но еще 2 апреля 1952 года «Нью-Йорк таймс» писала: «Первой французской профсоюзной группой, которая воспользовалась этим своего рода «профсоюзным планом Маршалла», была Федерация почтовых служащих, примыкавшая к «Форс увриер». Через Международную организацию почтовых служащих подобным французским группам были переданы средства для проведения кампании перед выборами делегатов в паритетные комиссии — органы, представляющие рабочих на переговорах с региональными почтовыми властями».

Уже в то время мы предали гласности эту информацию. Такое вмешательство в деятельность французских профсоюзов являлось составной частью гегемонистских целей американского правительства, которое под прикрытием экономической помощи странам Европы, сталкивавшимся с послевоенными трудностями, стремилось установить свое господство и добиться от правительств подчинения политике Соединенных Штатов Америки.

— Таким образом, «план Маршалла», о котором Вы говорите, начался еще до настоящего «плана Маршалла», поскольку последний был принят в июне 1947 года.

— Для обеспечения успеха готовившегося тогда «плана Маршалла» было необходимо, и это очевидно, любой ценой расколоть единство рабочего класса. Единая ВКТ, какой она была тогда, представляла собой непреодолимое препятствие для американских руководителей и их французских сообщников. Вот почему прежде всего нужно было подорвать единство ВКТ, расколоть профсоюзное движение. С конца 1946 года предпринимаются первые попытки расшатать ВКТ.

В этих условиях в апреле 1946 года состоялся XXVI съезд ВКТ. Недовольство трудящихся росло; развитие экономики позволяло ВКТ занимать более твердую позицию. Съезд решил полностью сохранить преамбулу устава о единстве в том виде, как она была принята в 1936 году в Тулузе. Он поддержал предложение Бенуа Фрашона о введении порядка голосования на основе мандатов, в то время как до этого каждое департаментское объединение независимо от численности входивших в него членов профсоюзов располагало одинаковым числом голосов (Жуо выступил против этого предложения). Съезд запретил совмещать профсоюзный и парламентский мандаты, но разрешил членам конфедерального бюро сохранять принадлежность к руководящим органам партий. Было избрано два генеральных секретаря — Леон Жуо и Бенуа Фрашон. Все предложения после длительного и свободного обсуждения были приняты примерно восьмьюдесятью процептами делегатов. Леон Жуо так охарактеризовал итоги съезда: «Съезд явился отражением того, что мы называем демократией. Дискуссии позволили нашему съезду достичь таких высот, которые никто не может оспаривать».

— *Но следствием предложения Фрашона о порядке голосования явилось изменение соотношения тенденций (об этом я говорил), что серьезно скажется затем в момент раскола.*

— С формальной точки зрения едва ли это можно назвать изменением соотношения тенденций. Правда, в плане истории это выражение лучше всего подходит для характеристики того, что произошло в то время. Я считаю, что следует, скорее, говорить об эволюции французского профсоюзного движения, закалившегося в годы Народного фронта и Сопротивления, которое все более отходило от реформистской концепции синдикализма и в своем большинстве все более ориентировалось на классовую борьбу. Посетителями этой тенденции в профсоюзном движении были не только коммунисты, но также и социалисты, и беспартийные.

— *Именно в этой обострившейся социальной обстановке двадцать пятого апреля 1947 года на заводах Рено*

возникло движение, которое вначале было ограничено всего двумя цехами. Очень скоро оно привело к серьезным последствиям.

— Необходимо сразу же отметить, что в это движение проникли подрывные элементы, стремившиеся отвлечь движение от его целей. Но в то же время нужно подчеркнуть, что оно явилось выражением реально существовавшего недовольства. ВКТ не призывала к его расширению. Она лишь воспользовалась им, чтобы показать законность требований трудящихся, которые могли бы привести к более широким выступлениям на заводе. Это было своего рода предупреждение правительству и предпринимателям, с тем чтобы быстрее начались переговоры о зарплате и гарантированной покупательной способности.

— *Для ВКТ все-таки существовала небольшая проблема: министра труда звали Амбруаз Круаза.*

— Именно в тот переходный период, когда нужно было продолжать работу по восстановлению экономики, решать проблемы удовлетворения насущных социальных требований, министры-коммунисты, и в частности Амбруаз Круаза, считали возможным удовлетворить требования трудящихся.

— *Они стояли перед выбором: или подчиниться правительству и остаться в нем, или же поддержать трудящихся и уйти.*

— Вопрос стоял не совсем так. Можно было — и мы в этом убеждены — сломить сопротивление правительства и предпринимателей. Министры-коммунисты поддерживали требования трудящихся, всех трудящихся, а не только рабочих заводов Рено. Они поддерживали массовые выступления, организуемые и направляемые ВКТ.

— *Но не крылась ли подлинная причина занятия правительством более жесткой позиции в том, что начал действовать «план Маршалла»?*

— Социальная напряженность в конце 1946 — начале 1947 года явилась следствием политики правительственного большинства, которое, принимая «план Маршалла», шло на некоторые политические уступки, способные серьезно подорвать нашу национальную независимость и даже поставить под вопрос будущее нашей экономики. Новая экономическая ориентация противоречила идеям, которые отстаивала ВКТ, в частности национализации ключевых секторов.

— *ВКТ считала, что для продолжения восстановления экономики страны необходимо, в частности, продолжать политику национализации.*

— Необходимо было продолжать проведение в жизнь программы Национального совета Сопротивления. Противники «плана Маршалла» были самыми верными сторонниками этой программы, разработанной с целью гарантировать экономическую независимость страны и создать условия для реального и постоянного социального прогресса. Американские требования ставили все это под угрозу.

— *И вот в такой обстановке железнодорожник Сеги, профсоюзный руководитель, принял участие в своей первой забастовке?*

— Это произошло в июне 1947 года в Тулузе. Выступление началось еще до того, как министры-коммунисты были изгнаны из правительства. В любом случае взрыв был неминуем.

К этой исключительной по размаху забастовке железнодорожников впервые в истории присоединились почти все рабочие и служащие железных дорог. В течение всей стачки — пяти дней — мы осуществляли руководство железной дорогой. Мы сами решали, какое движение поездов необходимо для нужд населения. В конце концов мы добились удовлетворения основных наших требований. Впервые в истории борьбы железнодорожников из их зарплаты ничего не было удержано, несмотря на противодействие министра путей сообщения Жюля Мока.

— В жизни профсоюзного активиста первая забастовка, притом закончившаяся победой, — крупное событие.

— Оно не было таким уж крупным, поскольку мы добились удовлетворения требований без особых трудностей. На примере этой забастовки я прежде всего сделал вывод, какую силу представляет собой единство трудящихся. Через несколько месяцев, в ноябре и декабре 1947 года, забастовки приобретут совершенно иное значение.

А до этого состоялось заседание Национального конфедерального комитета ВКТ, на котором был разработан план борьбы против роста цен, за повышение зарплаты и покупательной способности. Примечательно, что те, кто год назад подстрекал к забастовкам и использовал недовольство трудящихся для нападков на наш профцентр, когда ВКТ мобилизовывала все свои силы для того, чтобы выиграть битву за развитие производства, эти люди вдруг оказались противниками действий профсоюзов. Они решительно выступили против предложения Бенуа Фрашона — провести опрос всех трудящихся, членов и нечленов профсоюзов, относительно основных требований ВКТ и перспектив предстоящих действий в случае отказа правительства и Национального совета французских предпринимателей пойти на переговоры.

— Это была прелюдия к расколу профсоюзного единства.

— Да. Дискуссия была бурной. В конце концов предложение Фрашона было принято 832 голосами против 101. Но подлинные разногласия выявились в связи с другим документом. Дело в том, что за несколько дней до заседания Национального конфедерального комитета группы «Форс увриер» провели фракционное заседание и подготовили текст в поддержку «плана Маршалла», который они представили на заседании комитета. Один из руководителей департаментского объединения профсоюзов Парижского района внес резолюцию, осуждающую этот план. После столь же бурной дискуссии и тем же большинством, что и предложение Фрашона, эта ре-

золюция была принята. Вслед за тем семнадцатого и восемнадцатого ноября группы «Форс увриер» вновь собрались, чтобы подтвердить раскол. Они публично призвали своих сторонников выйти из ВКТ.

А в то время в связи с непредвиденным событием — увеличением стоимости проезда на городском транспорте — в Марселе начались забастовки. Это стало началом грандиозной забастовки ноября—декабря 1947 года. За пять-шесть дней она охватила самые различные категории рабочих и служащих. В итоге два миллиона трудящихся прекратили работу.

— И двадцать отраслевых федераций ВКТ образовали центральный забастовочный комитет под председательством Бенуа Фрашона. Это почти исключительный случай.

— Практически так. Объясняется это обстановкой того времени. Иначе говоря, если бы не было раскола, не было бы необходимости создавать центральный забастовочный комитет. Вообще создание подобных комитетов противоречит нашим принципам. Однако не следует забывать, что в тот период сплоченность профсоюзной организации была поставлена под угрозу раскольническими элементами. И вот работа городского транспорта и на железных дорогах остановилась. Я был тогда железнодорожником в Тулузе, руководителем местной и региональной профсоюзной организации, членом департаментского союза профсоюзов и членом Федерального комитета коммунистической партии. Семнадцатого ноября в забастовке участвовали все, или почти все, железнодорожники.

Начальство попыталось нас запугать, особенно молодежь. Нас вызывали поодиночке и внушали, что, если мы будем бастовать, то многим рискуем, что против нас будут применены самые суровые санкции, что речь идет не о профессиональной, а о политической забастовке, организованной коммунистической партией. Когда вызвали меня, все товарищи столпились за дверью. Я сразу же сам перешел в наступление: «Если вам неизвестно, сообщаю, что я уже знаком с методами убеждения, к которым прибегали гестапо и СС. Они ничего от меня не добились. Поэтому я не советую вам пытаться запугать

меня». Тот, кто со мной разговаривал, опустил глаза. Я со своими товарищами ушел.

Мы понимали, что, в отличие от забастовки, прошедшей в начале лета, нынешняя будет проходить значительно труднее. В Национальном собрании над членами коммунистической партии учинили настоящее судилище: все кричали о забастовке.

В Тулузе с самого начала забастовки все железнодорожные объекты были заняты полицией. Ежедневные профсоюзные собрания проводились за пределами вокзала и депо. Мы получили рекомендации, чтобы не ска- зать директивы, где нам советовали принять меры предосторожности, напомнившие времена нелегального положения: листовки разбрасывать только ночью; не носить с собой компрометирующих документов, как, например, списки адресов товарищей или же записную книжку со временем и местом встреч; спрятать партий- ный билет где-нибудь дома и в случае ареста ничего не говорить о своей политической принадлежности. Одним словом, масса всяких чрезмерных рекомендаций, кото- рые не были вызваны необходимостью. Они могли, на- оборот, дать повод для клеветы со стороны наших про- тивников, которые настойчиво утверждали, что забастов- ка носила политический характер и не имела ничего общего с профсоюзными и профессиональными требо- ваниями.

Впрочем, такая тактика впоследствии была осужде- на. Я никогда не мог найти ей объяснение. Думаю, она исходила от тех, кто еще не осмыслил новых условий легальной борьбы и жил под впечатлением Сопротивле- ния, еще достаточно сильного в 1947 году.

— Конечно, подобная практика разжигала страсти?

— Не думаю, чтобы она поднимала дух бастовавших, главной заботой которых была судьба их требований, ис- ход стачки.

Регулярно мы подводили итог дня и направляли наших товарищей туда, где ощущались колебания. Наши демонстрации в Тулузе всякий раз приводили к стычкам с полицией и отрядами республиканской безопасности: однажды разыгралось настоящее сражение между ста- чечниками и отрядами республиканской безопасности

на железнодорожной станции Тулузы. В конце общего собрания забастовщиков, наэлектризованных чрезмерно оптимистическими речами, среди присутствующих прошел слух, что металлисты авиазавода движутся колонной к станции Матабио, чтобы присоединиться к железнодорожникам, и что на мосту через канал им преградил путь отряд республиканской безопасности. Забастовщики, особенно молодые, решили пойти на помощь металлистам. Это решение возникло так быстро, что остальные даже не успели среагировать на него. И вот мы побежали...

Расправившись с немногими полицейскими, дежурившими за воротами депо (они не оказали никакого сопротивления), мы бегом пересекли железнодорожные пути и оказались на пустом вокзале. Вначале нас было около тысячи, а на вокзал прибежали около сотни молодых ребят. Одни, наверное, не могли за нами успеть, другие из осторожности решили не пересекать «нейтральную зону» между нами и полицейским заслоном. Наш авангард (позже я понял, насколько эта затея была безрассудной) составляли молодые, экспансивные, но слишком неугомонные участники забастовки. Мы ринулись к запертым воротам, сорвали замки и оказались на станционном дворе, где увидели солдат республиканской безопасности. Никаких металлистов не было. Что делать? Мы построились в колонну и под пение «Марсельезы» пошли на солдат. Их командир отдал команду: «В ружье!» Передние опустились на колено, прицелились. Мы продолжали двигаться, хотя «Марсельезу» стали петь тише. Когда нас разделяло пять-шесть метров, командир снова скомандовал. Солдаты из задних рядов кинулись на нас с дубинками и начали избивать. Тем временем полицейские, находившиеся в вокзале, закрыли двери, и мы оказались в ловушке. Началась невообразимая свалка. На нас сыпались удары, мы отвечали как могли. Под напором двери не выдержали. Нас буквально выбросило в зал ожидания, а за нами по пятам гнались солдаты. Убегая, мы снова бросились через железнодорожные пути, где знали каждый закоулок. Ведь мы там работали. А солдатам трудно было ориентироваться. Мы дали настоящий бой, используя для этого все, что попадало под руку, и продолжали отступать. Мы увлекли за собой солдат в железнодорожное депо.

Наступила ночь. Солдаты, отягощенные карабинами, касками, затянутые в ремни, быстро становились небоеспособными, запутались в электрических кабелях, плохо ориентировались среди станционных путей, стрелок, залитых мазутом смотровых канав. Мы взяли реванш. Но финал всей этой истории был еще впереди. Вернувшись в помещение профсоюза, где заседал забастовочный комитет, с «военными трофеями», мы ждали, что товарищи из Центрального Комитета встретят нас всеобщим восхищением. А нас ждало суровое осуждение. Нам приказали немедленно выбросить в канал все наши трофеи, что мы и сделали беспрекословно.

— *Ошибки молодости?*

— Не всегда это можно назвать ошибками. Вот почему, учитывая этот опыт и опыт, полученный в движении Сопротивления и в депортации, я тщательно все обдумываю, прежде чем высказываю категорическое и окончательное суждение о том, как молодежь ведет себя в борьбе. Я никогда не считаю априори, что речь идет о левацких уклонах, помня себя молодым.

— *И Ваших собственных левацких уклонах...*

— Не могу назвать это левацким уклоном, потому что этот термин приобрел уничижительный смысл в рабочем движении. Но я высоко ценю боевитость молодежи. Сознание она приобретет позже, освободившись от инфантильности.

— *В других местах положение было более серьезным, происходили акты саботажа, говорили даже о подготовке восстания. Историки считают, что в четырех городах — Марселе, Монпелье, Безье и Ницце — вспыхнуло восстание.*

— Безусловно, в выступлениях подобного масштаба были провокации, цель которых — скомпрометировать забастовку. На железных дорогах также совершались акты саботажа. Однако необходимо отметить, что во всех случаях руководители забастовки, то есть ВКТ, решительно осудили подобные действия. Они не были

результатом директив нашей профсоюзной организации. Наоборот, они могли серьезно повредить ходу борьбы, извратить ее цели, давая основание утверждать, что речь шла о забастовке-восстании, в то время как мы вели профсоюзную борьбу, направленную на удовлетворение вполне определенных требований.

— Я Вам цитирую Жоржа Леффрана*: *«По всей стране множатся сцены насилия: забастовщики пытаются, в частности, захватить крупные железнодорожные узлы, телефонные станции, электростанции, мэрии».*

— В эпизоде, о котором я вам рассказывал, речь шла о захвате вокзала в Тулузе. Утверждать, что мы ставили себе целью захватить важные стратегические центры, чтобы завладеть властью, и приписывать забастовке другие цели, помимо тех, которые действительно перед ней стояли, — я это отрицаю. Конечно, в некоторых случаях трудящиеся, принимая во внимание характер забастовки, ее размах и акты насилия со стороны полиции, отвечали на них средствами, которые имелись в их распоряжении. И это вело, без всякого сомнения, к различным толкованиям. Но я категорически утверждаю, что никогда не было и мысли превратить забастовку в восстание с целью захвата власти.

— *Председатель Совета министров Поль Рамадье утверждал, что Вы подчинялись приказам некоего тайного руководителя.*

— Тайный руководитель! Это утверждение Рамадье было высмеяно во многих язвительных карикатурах еще во время забастовки.

— *Следовательно, можно говорить о насильственных актах, но не о стремлении к восстанию?*

— Никогда.

— *Полагаю, что приверженцы «Форс увриер», которые начали откалываться еще накануне забастовки, в ходе ее пошли значительно дальше.*

* Жорж Леффран — бывший синдикалист, историк, занимающийся современной Францией. — *Прим. перев.*

— Большинство из них и активисты, следовавшие их указаниям, вели себя во время забастовки как союзники врагов трудящихся, а в некоторых случаях сыграли отрицательную роль, недостойную синдикалистов.

— *В это время, то есть в конце 1947 года, происходит раскол профсоюзного движения. Не явился ли он просто отражением тех глубоких разногласий, которые возникли между СФИО и компартией?*

— В истории французского рабочего движения осложнения, возникавшие в отношениях между двумя партиями, которые объявляют себя партиями рабочего класса, всегда и неизбежно отражались на профсоюзном движении. Совершенно ясно, что позиция, занятая социалистической партией в тот период в отношении «плана Маршалла» и той политики, которую крупная французская буржуазия пыталась противопоставить программе Национального совета Сопротивления, сказалась на поведении активистов в **ВКТ**, которые были сторонниками раскола и придерживались социалистической ориентации. Без всякого сомнения, в этом нужно видеть причинно-следственную связь.

Политические трудности часто имеют отзвук в профсоюзном движении. Достойно сожаления, что этого трудно избежать. В 1947 году последствия были драматическими. И здесь возникает принципиальный вопрос: чем должен быть профсоюз? В решении этого вопроса достигнут значительный прогресс.

Во Франции профсоюзное движение достигло достаточной зрелости. Если рассматривать профсоюз как объединение всех трудящихся независимо от их политических, философских или религиозных убеждений и только на основе общности их интересов, то он становится способным преодолевать препятствия и даже бури, которые могут бушевать в политической жизни, не испытывая на себе их тяжелых последствий.

История профсоюзного движения диктует нам необходимость твердо придерживаться той идеи, что профсоюзное движение должно быть независимо от отношений, существующих между партиями.

— *Фактически раскол 1947 года напоминает в какой-то степени раскол 1939 года.*

— И даже раскол 1920 года. Но сравнение более точно 1939-го с 1947 годом. Столкнулись те же самые течения. Однако соотношение сил изменилось, и благодаря зрелости французского профсоюзного движения раскол не привел к тем последствиям, на которые рассчитывали его вдохновители. Эти последние мечтали восстановить под своим руководством «старую ВКТ», удалить из нее коммунистов. А произошло как раз обратное.

«Форс увриер» не смогла привлечь в свои ряды такое число трудящихся, которое было бы пропорционально численности поддерживавшего ее крыла внутри ВКТ (пятнадцать-восемнадцать процентов голосов в Национальном конфедеральном комитете). Но в то же время из ВКТ ушли многие трудящиеся, которые вступили в нее после Освобождения, привлеченные идеями единства, как это было и в 1936 году. За пять лет ВКТ потеряла более половины своих членов — из пяти миллионов четырехсот тысяч человек осталось два с половиной миллиона. Предприниматели воспользовались этим, поведя наступление на некоторые права и социальные завоевания, в частности профсоюзные свободы. Для нас начался трудный период борьбы.

— *Вот почему, хотя социальная обстановка в стране и осталась прежней, следующий год прошел без крупных забастовок.*

— Конечно, раскол, который практически произошел в ходе забастовки в ноябре—декабре 1947 года, значительно отразился на сплоченности рабочего класса, хотя официальная отставка раскольнических руководителей была объявлена лишь девятнадцатого декабря.

Потребовалось время для восстановления сил. Нужно было возродить организации, обезглавленные в результате репрессий, которые предприниматели обрушили на профсоюзных активистов. Несмотря ни на что, в 1948 году было потеряно тринадцать миллионов рабочих дней в связи с забастовками, главным образом кратковременными, за исключением стачки горняков в конце 1948 года.

— *Опираясь на опыт предыдущего года, правительство сразу же приняло решительные меры: оно призвало резервистов.*

— Призыв резервистов свидетельствовал о намерении правительства в зародыше задушить эту забастовку. А длилась она два месяца.

Железнодорожники немедленно вступили в борьбу на стороне горняков, но они не могли долго выдержать. Поэтому мы решили иначе проявить нашу солидарность: отказались формировать и отправлять составы с углем, приходившие из-за границы. За это наши представители были выведены из административного совета. Такое положение оставалось до майских событий 1968 года.

Правительство обрушило жестокие репрессии на бастующих горняков, используя против них танки, полицейских собак. Три шахтера были убиты, сотни ранены, две тысячи арестованы. Такого разгула репрессий рабочее движение не знало давно... Министром внутренних дел тогда был Жюль Мок.

Власти утверждали, что после этого ВКТ никогда уже не оправится. Однако пять месяцев спустя на профессиональных выборах семьдесят пять процентов мест получила ВКТ.

— *В ходе забастовки горняки выдвигали профессиональные требования: безопасность труда, увеличение заработной платы, сохранение покупательной способности и т. д. Но был и политический лозунг — защита национализированных секторов. Это был период, когда ВКТ организовывала выступления политического характера: против «плана Маршалла», против Атлантического пакта, против Европейского объединения угля и стали и против приезда в Париж генерала Риджуэя.*

— В то время ВКТ сочетала борьбу за удовлетворение традиционных требований трудящихся с широкими выступлениями против «плана Маршалла», против колониальной войны в Индокитае. Мы решительно выступали против правительства, которое солидаризовалось с агрессией в Корее, формируя для посылки туда французский экспедиционный корпус из уголовников. В духе традиций французского рабочего движения ВКТ встала

на этот путь борьбы, которая, безусловно, несла политический характер, потому что ее нельзя было отделить от тех социальных целей, за которые всегда сражалась ВКТ. Помню, что в то время мы выступали с лозунгом «Борьба за хлеб неотделима от борьбы за мир».

— Это необходимо подчеркнуть, потому что, как мне кажется, только в тот период политические лозунги стояли столь остро, столь масштабно и значительно.

— В политике правительства наметился резкий крен: «план Маршалла», война в Индокитае, Атлантический пакт, Европейское объединение угля и стали, Европейское оборонительное сообщество, ремилитаризация Западной Германии и так далее. Мы должны были развернуть борьбу против этой политики, которая серьезно подрывала национальную независимость и влекла за собой значительное увеличение военного бюджета в интересах американцев. Это привело к ограничительным мерам в социальном плане. Да, мы, безусловно, включились в политическую борьбу в эпоху «холодной войны», ибо от этого зависело будущее трудящихся.

Однако она не мешала нам организовывать и чисто профсоюзные выступления. Я был назначен секретарем Федерации железнодорожников в сентябре 1949 года и вскоре, двадцать пятого ноября, получил боевое крещение в забастовке, которая охватила также и другие категории трудящихся национализированного сектора.

Однако наши профсоюзные действия в то время действительно велись в двух направлениях: защита непосредственных интересов трудящихся и борьба против правительственной политики национальной измены, против колониальной войны в Индокитае. По этим причинам Федерация железнодорожников направила меня вместе с Робером Эррио, впоследствии генеральным секретарем Федерации железнодорожников, в Марсель для организации двадцатичетырехчасовой забастовки с целью помешать отплытию парохода «Пастер» с французскими солдатами в Индокитай. Солдат отправляли живыми, а привозили в гробах. Весь Марсель был возбужден. Мы организовали массовую демонстрацию в момент, когда «Пастер» готовился к отплытию. Действия железнодорожников, моряков и докеров были под-

державы не только в Марселе, но и во всех крупных железнодорожных центрах Юга Франции. В 1949 году все активисты ВКТ были мобилизованы также для проведения сбора подписей под знаменитым Стокгольмским воззванием о запрещении атомного оружия. Под этим воззванием подписались около четырнадцати миллионов французов.

— Именно в то время Вы женились, как раз перед Вашим назначением секретарем Федерации железнодорожников.

— Я женился тридцатого апреля 1949 года в Тулузе. Накануне я познакомился с Морисом Торезом, который приехал в Тулузу на митинг в день своего сорокадевятилетия. Моих близких, готовившихся к свадебной церемонии, очень удивило, что я пошел на политическое собрание, организованное компартией, накануне такого знаменательного события в моей жизни. Но для меня большим событием было также знакомство с генеральным секретарем Французской коммунистической партии. Впоследствии я много раз с ним встречался.

В эти дни я уже знал, что на ближайшем съезде моя кандидатура будет выдвинута в секретариат федерации. Но когда мне сделали такое предложение, я растерялся. Я считал, что не справлюсь с такими обязанностями. Я сказал об этом Раймону Турнемену и Роберу Эрню, руководителям Федерации железнодорожников, которым я многим обязан.

Мне было двадцать два года, и старшие товарищи предупредили меня, что будущая работа потребует много усилий и терпения. И я хорошо помню первые проведенные мною собрания железнодорожников с участием старых активистов, которые собирались уйти на пенсию. Они прошли через антифашистские битвы 1934 года, Народный фронт и через Сопротивление. Они разглядывали меня с некоторым удивлением, будто спрашивая, не зашли ли руководители федерации слишком далеко. Эти суровые люди сомневались, сможет ли такой молодой парень выполнять столь ответственные функции. Мне помнится, что потом меня долгое время называли «парнишкой из федерации».

— *Над Вами иногда подшучивали?*

— Эти шутки никогда не были обидными. То, что я был участником Сопротивления, депортированным, помогало мне рассеять сомнения в отношении меня. Эти же товарищи помогали мне своим опытом. Таким образом, я понял, что доверие, оказываемое молодым активистам, позволяет им быстрее приобрести качества, необходимые для выполнения их обязанностей.

— *Может быть, Вас потому и назначили, что Вы были способны воспринимать опыт старших?*

— Решение было довольно смелым. Конечно, у меня было прошлое участника Сопротивления, бывшего депортированного, опыт работы в Тулузе — я все-таки доказал свою преданность профсоюзному движению. Но я продолжаю считать, что подобное решение все же требовало смелости.

Я считаю, что при выдвижении молодежи необходимо преодолевать колебания, которые, к сожалению, часто имеют место. Как сказал однажды Морис Торез, когда мы обсуждали этот вопрос: «Лучше выдвинуть десять молодых на ответственные посты в руководящих органах, даже рискуя ошибиться относительно двух-трех из них — ведь в любом случае на месте останется семь, — чем из боязни ошибиться не выдвигать никого».

Жизнь борца. 1949-1968 годы: де Голль и генеральный секретариат

— *Вы сделали серьезный шаг в Вашей жизни, оставив профессиональную деятельность, чтобы стать (извините меня, выражение не носит уничижительного характера) профсоюзным бюрократом.*

— Речь ни в коем случае не шла о должности профсоюзного бюрократа. Для меня слово «бюрократ» равносильно оскорблению. Оно — олицетворение человека, погрязшего в бумагах, оторванного от жизни, карьериста. Такой человек достоин презрения. А профсоюзный активист большую часть времени проводит не в кабинете, а в гуще жизни, среди рабочих.

И все-таки мне пришлось пожертвовать своей профессией железнодорожника, которая мне очень нравилась.

— *Кроме того, Вы только что женились...*

— Жена поддержала меня в этом решении. Должен, однако, признаться, что мне пришлось серьезно подумать, прежде чем я решил оставить работу. Кроме того, меня несколько беспокоило, смогу ли я, южанин, привыкнуть к жизни в Париже.

Уверен, что, если бы отец и сестры не переехали до меня в столицу, я колебался бы дольше. Но мы были молоды, у нас еще не было детей, и мы решили попробовать. Вначале, правда, мы столкнулись с некоторыми

материальными проблемами—на скромный оклад профсоюзного работника мы не могли устроиться, как нам хотелось бы. Сегодня все уже позади, и мы вспоминаем об этом с грустью.

— *Значит, Вы акклиматизировались в Париже.*

— Напряженная жизнь в Париже захватила нас. Мы довольно быстро акклиматизировались и не думали о возвращении в Тулузу. Мы стали трудящимися Парижского района.

— *Однако для профсоюзных деятелей время было исключительно трудным.*

— Никогда еще правительственные репрессии не были столь жестокими. Передо мной выдержка из доклада Бенуа Фрашона на заседании Национального конфедерального комитета ВКТ в октябре 1950 года, доклада, в котором охватывается период с 1947 по 1950 год. Тринадцать рабочих было убито полицией и двое — молодчиками из Объединения французского народа. Тысячи других рабочих, защищавших право на забастовку, были ранены, 3500 человек подверглись судебному преследованию, 1200 — осуждены. 3900 служащих различных государственных учреждений стали жертвами административных санкций, вплоть до увольнений. За участие в забастовках были уволены тысячи рабочих частных предприятий. Только за участие в забастовке горняков 2500 человек привлечены к суду, из них 844 были осуждены к 150 годам тюремного заключения и к 168 миллионам 386 тысячам франков штрафа. За период с 1947 по февраль 1950 года в отношении 1690 железнодорожников были применены санкции — от временного отстранения от занимаемой должности вплоть до увольнения, 32 железнодорожника были осуждены. За участие в забастовке рабочих газовой и электрической промышленности в марте 1950 года 333 человека отданы под суд, 43 — осуждены. Санкции вплоть до увольнения были применены к 138 почтовым служащим. Они коснулись даже 2033 полицейских, из которых 600 были уволены. Двадцать наших секретарей департаментских союзов подверглись судебному преследова-

нию. Из них 13 — за участие в забастовках, 7 — за борьбу против войны; 70 секретарей низовых организаций стали жертвами санкций: 45 — за участие в забастовках и 25 — за борьбу против войны. К 11 руководителям департаментских союзов и низовых организаций были применены санкции за то, что они продолжали выполнять профсоюзные обязанности, уже будучи осужденными. Другой пример: 28 мая 1952 года несколько демократических организаций, в том числе ВКТ, провели в Париже демонстрацию протеста против пребывания генерала Риджуэя, командующего американским экспедиционным корпусом в Корее. Полиция жестоко избила демонстрантов. На следующий день был арестован Жак Дюкло: в багажнике его машины нашли пару голубей, которых ему прислал товарищ из провинции, чтобы несколько «разнообразить» его стол. Тогдашний министр внутренних дел, не побоявшись показаться смешным, назвал их «почтовыми голубями». После ареста Дюкло в квартирах многих профсоюзных деятелей были произведены обыски. Несколько месяцев спустя был арестован один из генеральных секретарей ВКТ, Ален Ле Леап, а другой — Бенуа Фрашон, вынужден был на год перейти на нелегальное положение. Полиция разыскивала многих секретарей профцентра, нескольких человек арестовала, другие ушли в подполье. Как писала американская пресса, «охота на красных была в полном разгаре».

Должен признать, что профсоюзы не оказали тогда властям должного отпора. В результате репрессий мы понесли большие потери и не сразу смогли оправиться

— *Но это длилось недолго...*

— Государственный и национализированный секторы прекратили работу следующим летом. Нужно сказать, что правительство Ланьеля зашло слишком далеко: оно посягнуло на права, завоеванные трудящимися в области пенсионного обеспечения. Забастовка продолжалась тридцать шесть дней и явилась непосредственной причиной падения правительства.

— *Движение носило массовый характер и поддерживалось населением. Я хорошо помню, что французы,*

которые не могли вернуться из отпуска, так как поезда не ходили, сохраняли полное спокойствие.

— Мы сделали все необходимое, чтобы все, кому было нужно вернуться домой в конце августа, смогли приехать. Остальные продлили свой отпуск на несколько дней. Поэтому забастовка не вызвала большого недовольства.

Я считаю также, что нужно учитывать и другой момент. Об этом я часто слышал на собраниях, во время дискуссий. Железнодорожники, почтовые служащие, рабочие газовой и электропромышленности защищались. Правительство не должно было, пользуясь периодом отпусков, посягать на завоеванные ими права. Наступление на права трудящихся получило достойный отпор, и люди это хорошо поняли. Четыре миллиона стачечников — не пустяк. ВКТ, «Форс увриер» и ФКХТ* снова действовали вместе... Правда, не все шло гладко. Руководители «Форс увриер» и ФКХТ после закулисных переговоров с правительством вдруг призывали своих членов приступить к работе. Все их активисты отвергли этот призыв. Я видел, как многие из них плакали от досады или возмущались. Отступничество «Форс увриер» и ФКХТ не позволило добиться того, на что мы рассчитывали. Однако отношение трудящихся к профсоюзному движению значительно изменилось по сравнению с предыдущим периодом. Боевой дух трудящихся укрепился. Хотя руководители «Форс увриер» и ФКХТ в самый разгар сбегали с поля битвы, эта забастовка возродила уверенность среди трудящихся. Нам удалось преодолеть последствия репрессий, обрушившихся на нас в прошлые месяцы. Об этом свидетельствует единодушный отпор железнодорожников попытке властей принудить их к работе. Они сжигали извещения о вызове, и практически ни один железнодорожник не подчинился приказу. У нас появились новые возможности для расширения работы и укрепления единства действий.

* ФКХТ — Французская конфедерация христианских трудящихся. В 1964 году на чрезвычайном съезде ФКХТ под влиянием левых сил было принято новое название профцентра — Французская демократическая конфедерация труда (ФДКТ). Отколовшееся меньшинство соранило прежнее название — ФКХТ. — *Прим. ред.*

— *И это позволило вам в 1954 году вновь активизировать борьбу за удовлетворение требований трудящихся.*

— Да, проведя, в частности, две двадцатичетырехчасовые забастовки в январе и апреле. Однако апрельская забастовка была поддержана не всеми. Это заставило нас подумать о тактике борьбы. Мы поняли необходимость лучше учитывать потребности каждой категории трудящихся, то есть необходимость предоставления большей самостоятельности и инициативы профсоюзным организациям на отдельных предприятиях и по отраслям.

— *Считаете ли Вы, что тем самым произошел поворот в развитии борьбы?*

— Скорее, речь шла о существенной эволюции. Забастовка в августе 1953 года практически охватила весь государственный сектор, а в некоторых случаях распространилась и на частный сектор. И все-таки она не могла служить образцом. Нам нужно было добиваться, чтобы движение могло развиваться и без обязательных указаний сверху. В ВКТ развернулась широкая дискуссия о том, какую степень самостоятельности и инициативы следует предоставить низовым организациям. С другой стороны, мы не ослабляли развернутой нами в масштабе всей страны борьбы за мир в Индокитае. В начале 1954 года мир стал представляться возможным.

— *С приходом к власти Мендес-Франса.*

— Трудящиеся прекрасно поняли, что коммунисты, социалисты, прогрессисты и радикалы поддерживают его правительство. Каждый сознавал, что до тех пор, пока не будет покончено с войной в Индокитае, мы будем испытывать серьезные трудности в нашей борьбе за удовлетворение требований трудящихся. Эта война поглощала значительную часть наших национальных богатств. Она стоила три миллиарда франков, девяносто две тысячи двести убитых с французской стороны, пятьсот тысяч — с вьетнамской.

Наша борьба против колониальных войн прервалась лишь ненадолго. Очень скоро Франция ввязалась в дру-

гую войну, алжирскую. Из всех профсоюзных организаций только ВКТ с самого начала поддержала алжирский народ, несмотря на клеветнические обвинения, несмотря на репрессии. Мы говорили: «Сегодня вы обвиняете нас в предательстве национальных интересов, но завтра вы будете вынуждены признать, что мы были правы». Это была тяжелая борьба, потому что она велась в условиях окружавшего нас непонимания, в том числе со стороны трудящихся, среди которых далеко не все оставались невосприимчивыми к националистической, шовинистической и расистской пропаганде.

— *Действительно, расизм — это одна из проблем, в которых рабочий класс не всегда хорошо разбирается.*

— К сожалению, проявления расизма наблюдаются часто. Вот почему я считаю, что организации, причисляющие себя к защитникам демократии или просто прав человека, должны прилагать максимум усилий в борьбе с такими явлениями.

— *Не думаете ли Вы, что это объясняется недостатками в разъяснительной работе, слабой информацией?*

— Если бы у нас было больше средств информации, несомненно, наши усилия принесли бы лучшие результаты. Наш еженедельник «Ви увриер» и журнал «Пёпл» не могут все обеспечить. Было бы нормально и справедливо, если бы в соответствии с действующим во Франции законодательством, согласно которому любое проявление расизма наказуемо, профсоюзные организации, участвующие в этой борьбе, располагали необходимыми средствами информации. Я ненавижу расизм, антисемитизм и антикоммунизм, эти извращения разума, с которыми нужно бороться.

— *Вернемся к 1954 году. Вас тогда избрали членом Центрального Комитета коммунистической партии.*

— В то время я был секретарем Федерации железнодорожников. Мне дали понять, что было бы хорошо, если бы я участвовал в работе Центрального Комитета партии. Я уже сотрудничал в экономическом отделе, где

работали лучшие экономисты-коммунисты. Я был очень молод, только что окончил Высшую партийную школу. За два года работы я приобрел некоторые знания, общаясь с этими товарищами. Партия подыскивала кадры среди профсоюзных активистов. Она всегда стремилась привлечь к сотрудничеству рабочих активистов, а это практически означало — из профсоюзного движения. Вот почему в коммунистической партии, вплоть до высших руководящих инстанций, всегда работали активисты профсоюзного движения. Мое избрание не было для меня большой неожиданностью. Но я отдавал себе отчет в той большой ответственности, которая на меня возлагалась. Я питал огромное уважение к Центральному Комитету. И я никогда не думал, что однажды смогу стать одним из его членов. Мне было двадцать семь лет. Общаясь с такими политическими деятелями, я смог значительно обогатить свои знания и сформироваться как партийный работник.

— *Кто предложил Вашу кандидатуру?*

— Думаю, что Морис Торез и Бенуа Фрашон, а также Леон Мовэ, который меня хорошо знал. В 1951 году я ездил в составе делегации в Советский Союз. Леон Мовэ также входил в делегацию. Мы о многом говорили, а затем часто встречались по профсоюзным делам. Думаю, что он и рекомендовал мою кандидатуру Морису Торезу. Во второй раз я встретился с Морисом Торезом в Высшей партийной школе, где я учился. Первый раз, как я уже говорил, это было накануне моей женитьбы. Но только позже я по-настоящему узнал его, оценил его как личность, его отношение к жизни, к людям, его высокую культуру, которую он, простой шахтер, сумел приобрести.

— *Вы были самым молодым членом Центрального Комитета?*

— Мне очень часто случалось быть самым молодым. Я был самым молодым депортированным в лагере Маутхаузен, самым молодым руководителем профсоюза железнодорожников Тулузы, самым молодым членом Федерального комитета коммунистической партии Верх-

ней Гаронны. Я был самым молодым секретарем Федерации железнодорожников, самым молодым среди всех секретарей федераций ВКТ. Я был самым молодым членом Центрального Комитета, самым молодым членом Политбюро коммунистической партии, самым молодым членом конфедерального бюро ВКТ. Сейчас остался только один орган, где я самый молодой, что, к сожалению, не продлится долго. Это Бюро Всемирной федерации профсоюзов.

— Вам были поручены определенные обязанности в Центральном Комитете или в Политбюро?

— Не совсем так. Конечно, я организовывал конференции федераций коммунистической партии, выполнял определенные поручения во Франции и за границей. Но моя работа была почти полностью посвящена ВКТ.

— Надеюсь, что члены Центрального Комитета и члены Политбюро не встретили своего «младшенького» с иронией, как старые работники Федерации железнодорожников?

— Это был несколько иной уровень. Ко мне относились с большим уважением и симпатией. Я всегда отмечал у товарищей из Центрального Комитета и руководства партии понимание, они с большим вниманием относились к молодежи. В Центральном Комитете я непосредственно общался с людьми, которые были для меня авторитетами. Кроме руководителей партии, к которым я питал чувство уважения, я встречался с такими людьми, как Фредерик Жолио-Кюри, Луи Арагон, и многими другими.

— И это было впечатляюще?

— Да, априори. Но очень скоро я увидел, что они ведут себя на равных с рабочими-активистами, каковыми были мы. Только коммунистическая партия может так влиять на отношения между людьми, столь различного происхождения и положения. Несмотря на это, они являются товарищами, друзьями, равноправными соратниками по борьбе.

— *В тот период Вы выполняли в коммунистической партии более важные функции, чем в ВКТ?*

— В течение нескольких лет я был членом Центрального Комитета и членом Политбюро, и это никак не отразилось на моих профсоюзных функциях, функциях секретаря Федерации железнодорожников.

— *Вы гораздо быстрее продвинулись в руководящих органах партии, чем в профсоюзных?*

— Может быть, но самым важным этапом в моей жизни активиста был переход из профсоюза железнодорожников Тулузы в руководство Федерации железнодорожников. Думаю, что это определило мое последующее продвижение, в том числе в руководящих органах партии.

— *В 1956 году Вы вошли в состав Политбюро коммунистической партии на съезде, который состоялся после XX съезда Коммунистической партии Советского Союза.*

— Именно на этом съезде я был избран членом Политбюро. Для меня это было полной неожиданностью. Когда Морис Торез сообщил мне, что мою кандидатуру выдвинули в состав Политбюро, я был так поражен, будто подо мной разверзлась бездна или же небо обрушилось на мою голову. Несколько минут я не мог осознать, что со мной происходило. Я сказал Морису Торезу, что он наверняка совершает ошибку, что со мной нужно было поговорить об этом заранее, и изложил ему причины, по которым это предложение абсолютно неприемлемо. Я не мог согласиться на такую ответственную работу. Видя мою растерянность, Морис Торез сказал мне примерно следующее: «Тебе двадцать девять. Не думай, что ты один можешь судить о себе, о своих возможностях и о своем будущем. Тебе нужно довериться своим товарищам, а не решать самому. Со мной это произошло в двадцать семь лет. Однако между обстановкой, когда тыходишь в наше бюро, и той обстановкой, какая сложилась в мое время, — большая разница. Тог-

да в партию, вплоть до ее руководства, пробралось много темных элементов. Партия делала свои первые шаги, в ней существовало множество уклонов. Нам, молодым, пришлось вести упорную борьбу, чтобы она стала такой, как теперь. Вы, молодые выдвиженцы, сегодня можете рассчитывать на старших товарищей, таких, как Фрашон, Дюкло и я...» Должен сказать, что его слова меня успокоили, вселили уверенность.

Впоследствии я неоднократно имел возможность оценить все качества Мориса Тореза — человека, борца. Это был действительно выдающийся руководитель. Прежде всего он был очень человечен. Всякий раз, когда мы встречались, он спрашивал о моей жене, о моих детях. Если кто-то из товарищей заболел, он обязательно навещал его. При обсуждении вопросов, несмотря на свои знания, опыт, культуру, он никогда не показывал своего превосходства. Он старался быть на уровне своих собеседников, проявляя такт и внимание. Одним словом, я считаю, что это был коммунист в подлинном смысле этого слова. Благодаря своим качествам, своему обращению, своему пониманию жизни за годы, когда он находился на столь ответственном посту, он обогатил партию концепциями и методами, которые сыграли важную роль в том, чем стала Французская коммунистическая партия. Вопреки всему тому, что могли говорить и думать вне партии, я мог убедиться, в какой степени Французская коммунистическая партия, руководимая Морисом Торезом, проводила, даже если это не всегда становилось достоянием гласности, самостоятельную, независимую и самобытную политику в международном коммунистическом движении.

Так же обстоит дело и сегодня.

— *И все-таки?*

— Я могу только сказать, что по некоторым политическим проблемам, по которым коммунистическая партия имела суждение, не обязательно соответствовавшее оценкам Информационного бюро коммунистических партий — координационного органа, который занял место Коминтерна, представители Французской коммунистической партии всегда занимали позиции, которые они считали правильными.

— *Я хотел бы заметить, что линия Итальянской коммунистической партии была лучше известна, чем линия ФКП.*

— Может быть, оценки Французской коммунистической партии, сделанные сразу же после XX съезда КПСС, отличались от оценок Итальянской коммунистической партии. Французская коммунистическая партия предпочла не излагать публично некоторые представлявшиеся спорными оценки до того, как она их не обсудила с заинтересованной стороной и с рядом братских партий. В некоторых случаях мнение нашей партии могло сыграть свою роль в позитивном направлении, и не было необходимости афишировать это. Я знаю, что не все коммунистические партии проявили подобную корректность. Это их дело. Должен сказать, что в главном нет серьезных разногласий между двумя крупными коммунистическими партиями капиталистических стран Европы.

— *Вы хотите сказать, что Французская коммунистическая партия избрала внутреннюю демократию?*

— Уважение своих друзей. Когда нужно сказать друг другу кое-что деликатное, лучше подождать и обсудить в спокойной обстановке, а не передавать свое мнение через посредников, у которых не всегда добрые намерения.

— *Это положение хорошо иллюстрирует одно событие: октябрь 1956 года, Советская Армия вступает в Будапешт.*

— Должен признаться, что меня очень волновало положение в Венгрии, сложившееся там в это время. Предпринятые в Венгрии попытки исправить допущенные ошибки вызвали серьезный кризис в рядах партии. Среди рабочих-активистов царило смятение; они не знали, какому руководителю верить. У меня создалось впечатление, что в Венгрии возникло движение фашистского характера, что речь шла о контрреволюционном выступлении. Поэтому я не был удивлен и даже обрадовался, когда Вооруженные Силы Советского Союза ока-

зали действительную помощь революционным борцам, которые пытались выправить положение, но не смогли бы этого сделать в одиночку. Не следует забывать, что вступление Советской Армии привело к меньшим жертвам, чем разгул фашистов, которые без суда и следствия расправлялись с активистами коммунистической партии и профсоюзов.

Наша Федерация железнодорожников считала правильным, что Советская Армия не позволила Венгрии перевернуться на сторону реакционных сил и вновь стать фашистским государством. Это имело бы серьезные последствия для всего коммунистического и социалистического движения, для равновесия сил в Европе и даже для сохранения мира в период, когда мы еще не вышли из «холодной войны».

— *Однако даже в рядах самой ВКТ не было единства мнений?*

— Некоторые организации высказали другое мнение. Вот почему бюро конфедерации предоставило организациям, входящим в ВКТ, свободу самим определять свою позицию. Я считаю, что это было разумное решение. Прежде всего, оно сохранило единство; затем, оно показало, что в ВКТ существует профсоюзная демократия и что наш профцентр вопреки утверждениям некоторых не копировал позицию коммунистической партии.

Конечно, венгерские события затормозили наметившийся процесс сплочения профсоюзных рядов. Перед этим выступления трудящихся характеризовались определенным укреплением единства действий ВКТ, ФКХТ и «Форс увриер». Венгерские события приостановили и даже отбросили назад наше продвижение по пути единства профсоюзных действий. Но в конечном счете ненадолго. Шесть месяцев спустя был достигнут почти тот же уровень единства действий. И этот процесс продолжал развиваться до 1958 года.

— *Открывшиеся новые возможности для единства действий, о которых Вы говорите, объясняются, без всякого сомнения, результатами выборов 1956 года и успехом Республиканского фронта.*

— Парламентские выборы 1956 года принесли пятьдесят три процента голосов левым силам (коммунистам,

социалистам, радикалам). Какой путь пройден за четыре года! Четыре года репрессий против активистов рабочего движения, изоляции ВКТ, правительственной практики сепаратных соглашений. Знаменательно, что рабочему и демократическому движению удалось столь быстро в масштабах истории восстановить свои силы. К сожалению, антикоммунизм и нежелание удовлетворять требования рабочего класса вновь одержали верх. Правительство Ги Молле постепенно увязло в алжирской войне, не говоря уже о нелепой суэцкой авантюре. Когда народ голосует за левые силы, а власти проводят политику правых, это всегда приносит разочарования и трудности. Именно в таких условиях Четвертая республика агонизировала до того дня, когда мятежные генералы организовали в Алжире государственный переворот.

ВКТ призвала трудящихся к действиям. Она предложила другим профсоюзным организациям забыть о разногласиях и сосредоточиться на главном: на интересах демократии, на интересах трудящихся и совместно организовать отпор алжирским мятежникам. Остальные организации не только не услышали этого призыва. Их руководители согласились даже участвовать в так называемом Комитете защиты республики, в который не допускались представители ВКТ и Французской коммунистической партии. В этих драматических для республиканских институтов обстоятельствах антикоммунизм вновь сорвал единство левых сил.

— Двадцать восьмого мая по призыву левых организаций и ВКТ в Париже состоялась самая грандиозная демонстрация, которую когда-либо видел Париж.

— Примерно пятьсот тысяч человек прошли от площади Нации до площади Республики.

— Под крики: «Фашизм не пройдет!», фашизм, то есть де Голль, не пройдет. Однако все участники демонстрации уже знали, что де Голль пройдет.

— Не все кричали: «Фашизм не пройдет!». Не все пришли на демонстрацию, руководствуясь одинаковыми побуждениями, одинаковыми намерениями... Это под-

твердилось и тем, что первого июня генерал де Голль получил от большинства в Национальном собрании пост главы правительства: сорок шесть депутатов-социалистов из девяноста четырех проголосовали за его назначение, а генеральный секретарь социалистической партии Ги Молле стал государственным министром. А ведь руководители социалистической партии приняли участие в демонстрации двадцать восьмого мая в Париже.

В течение этого периода мы находились на положении мобилизованных, чтобы быть готовыми ко всяким неожиданностям. Я присутствовал на многочисленных собраниях, которые проходили то в Федерации железнодорожников, то в ВКТ, то в Национальном собрании, где постоянно заседал Центральный Комитет коммунистической партии и парламентская фракция коммунистов. От этого времени у меня остались интересные воспоминания о том, как некоторые парламентарии увиливали от предложений коммунистов занять твердую совместную позицию перед реакцией, объединившейся вокруг генерала де Голля.

— *ВКТ предложила создать комитеты бдительности.*

— Комитеты бдительности, или антифашистские комитеты, для объединения трудящихся на предприятиях и для объединения всех демократов в едином широком антифашистском народном движении. Но время показало, что они были недолговечны.

— *Каковы были отношения между де Голлем и ВКТ?*

— Их просто не было. Де Голль пригласил все профсоюзные организации на консультацию без какой-либо повестки дня. Только ВКТ отказалась принять в ней участие. Тем самым мы хотели показать, что осуждаем средства, при помощи которых он пришел к власти.

Однако я встретился с ним как представитель Федерации железнодорожников. Летом 1958 года между железнодорожниками и Национальным обществом железных дорог Франции возник конфликт, который мы передали на рассмотрение правительства. Принял нас сам де Голль. Конечно, он рассчитывал тем самым компен-

сировать отказ руководства нашего профцентра встретиться с ним. Встреча была довольно прохладной. Мы воспользовались случаем, чтобы сообщить ему, что в отличие от руководителей других профсоюзных организаций руководители нашей организации не оплачивались Национальным обществом железных дорог и что наши представители с 1948 года были исключены из Административного совета. Он как будто удивился и сказал, что это несправедливо и что он этим займется. Но и десять лет спустя ничего не изменилось. Потребовались события 1968 года, чтобы исправить эту несправедливость.

— *Таким образом, Вы — один из немногих руководителей ВКТ, который встречался с генералом де Голлем в то время.*

— Да, до 1967 или 1968 года.

— *Какое впечатление произвел на Вас генерал де Голль?*

— Держался он довольно высокомерно, но на нас это не произвело никакого впечатления. Беседа превратилась в диалог. Принимая во внимание характер диалога и условия, при которых де Голль пришел к власти, я был уверен, что он действительно хотел покончить с дискриминацией в отношении нас. После этой беседы я мог бы сказать: «Дискриминационные меры в отношении нас будут отменены». Вы поймете поэтому, как я был потом разочарован. Но в то время де Голль занимал еще пост Председателя Совета министров и только готовил свое будущее Президента Республики. Поэтому, принимая нас, он, конечно, не хотел никаких инцидентов.

— *Де Голль упустил случай проявить свою добрую волю по отношению к профсоюзам.*

— Это изменило бы немного. В ходе нашей беседы мне показалось, что он сожалел, что такая внушительная сила, как ВКТ, к которой он питал уважение, находилась в оппозиции. Думаю, что он всегда сожалел, что ему не удалось найти с нами общего языка. В этом за-

ключалось одно из его противоречий. Мечта, которую он, может быть, лелеял, но которая оказалась химерой. Мы могли бы действовать совместно в вопросах, касающихся национальных проблем. Но в социальном плане нас разделяли непримиримые классовые противоречия.

— *Это не помешало многим трудящимся отдать ему свои голоса, потому что Конституция Пятой республики была принята на референдуме 79,25 процента голосов.*

— Мы были разочарованы результатами голосования, но замыкаться в себе было бы опасно. Мы считали, что у трудящихся — голосовали они «за» или «против» — общие интересы и мы должны объединить их на этой основе, даже если они еще и не понимали истинного характера власти де Голля. Постепенно профсоюзная борьба, на какое-то время замороженная событиями, стала вновь нарастать. Доверие к нам еще больше возросло, после того как в 1959 году мы заставили отступить правительство (а оно торжественно заявляло, что не уступит), принудив его отменить постановления, сокращавшие процент возмещения медицинских расходов.

— *Вы потерпели еще одно поражение на втором референдуме о самоопределении Алжира.*

— Вопрос был поставлен двусмысленно. Только коммунистическая партия и ВКТ призвали ответить «нет». Путем референдума предлагалось решить не только вопрос о самоопределении, но и о создании в Алжире органов власти, которым была бы поручена подготовка консультаций с алжирским народом. В действительности это означало сохранение власти французской администрации. Принимая такое решение, мы учитывали также мнение алжирского сопротивления. Де Голль потерял два миллиона пятьсот тысяч голосов по сравнению с предыдущим референдумом, что, по существу, означало провал референдума.

Среди тех, кто голосовал «нет», были, конечно, и сторонники французского Алжира. И все же результаты голосования свидетельствовали о том, что де Голль терял

своих сторонников. Три месяца спустя нараставшая борьба алжирского народа (во Франции ее поддерживали все те, кто искренне желал окончания войны и предоставления алжирскому народу права на самоопределение) заставила французское правительство начать переговоры в Эвиане, что вызвало бурную реакцию ОАС* как в Алжире, так и во Франции. Вот почему в 1961 году и в начале 1962 года борьба против фашизма стала главной задачей.

— В 1960 году после перестрелки перед генерал-губернаторством Алжира ВКТ робко призвала трудящихся к одночасовой забастовке. В 1961 году, в момент путча генералов, двенадцать миллионов трудящихся прекратили работу на один день.

— Опасность фашизма стала очевидной не только для ВКТ, но и для ФКХТ, Федерации народного образования и даже для «Форс увриер». Это способствовало новому укреплению единства действий. Вы помните дальнейшие события: кровавая расправа с демонстрантами у метро Шарон, двести пятьдесят раненых и девять убитых. Все — члены ВКТ и члены коммунистической партии. Пять дней спустя миллион человек проводили девять жертв на кладбище Пер-Лашез. Все это оказало глубокое влияние на сознание масс и ускорило ход переговоров в Эвиане.

— С 1958 года Вы были заместителем генерального секретаря Федерации железнодорожников. В действительности Вы выполняли функции генерального секретаря. После урегулирования алжирского вопроса единство действий снова становится возможным и Вы возобновляете борьбу за удовлетворение требований трудящихся.

— За год до этого мы были вынуждены отказаться от выступлений, поскольку остальные организации не поддерживали нас. Теперь же обстановка это позволяла. Пятнадцатого мая 1962 года совместно с ФКХТ и «Форс увриер» мы начали мощное выступление — двадцати-

* ОАС — военно-фашистская группировка во Франции и в Алжире начала 60-х годов. — *Прим. ред.*

четырёхчасовую забастовку, подкрепленную письменным обязательством не подчиняться приказам о принудительном выходе на работу. Правительство, которое за год до этого угрожало нам принудительным призывом на работу (по этой причине остальные организации и не поддерживали нас), вынуждено было на сей раз пойти на уступки, несмотря на протесты правых политических деятелей. Эрозия его власти усиливалась, как об этом свидетельствовали результаты референдума-плебисцита по вопросу о выборах Президента Республики: на четыре с половиной миллиона голосов меньше, чем в 1958 году.

— Этим и объясняется продолжение мощных выступлений?

— В начале 1963 года барометр общей обстановки показывал на борьбу, на борьбу наступательную, причем первыми выступают трудящиеся национализированного сектора. Все трудящиеся национализированных секторов (рабочие газовой и электропромышленности, горняки и железнодорожники) начинают широкие согласованные действия, которые принимают различные формы: рабочие газовой и электропромышленности проводят трехдневную забастовку, железнодорожники — двухдневную. Бенуа Фрашон советовал горнякам, готовым начать забастовку в середине зимы 1963 года, отложить ее, чтобы не нарушить снабжение населения топливом в ту суровую зиму. Это было решено, но не без труда, не без возражений шахтерских организаций ФКХТ и «Форс увриер» и не без «зубовного скрежета» даже среди некоторых активистов ВКТ.

Забастовка шахтеров началась первого марта. Накануне генерал де Голль и премьер-министр Помпиду подписали приказ о принудительном выходе на работу. Французы, прежде всего трудящиеся, задавали себе вопрос, как поступят шахтеры. В первый же день все стало ясно. Ни один шахтер не подчинился этому приказу. Забастовка вызвала небывалую поддержку со стороны трудящихся и общественного мнения. Борьба шахтеров получила поддержку практически всего французского народа. Шахтеры, державшиеся в течение тридцати пяти дней, смогли одержать внушительную победу благо-

даря своей сплоченности и солидарности трудящихся. Они добились увеличения зарплаты на двенадцать с половиной процента в три этапа, четвертой недели оплачиваемого отпуска, проведения переговоров по всем проблемам, касающимся будущего их профессии. Эта образцовая забастовка имела важные последствия для всех трудящихся национализированного сектора — они смогли добиться тех же льгот, что и шахтеры. Она положительно отразилась также на положении трудящихся государственных служб, и, наконец, она создала для всего профсоюзного и рабочего движения обстановку, которая благоприятствовала дальнейшему расширению борьбы. Это и произошло в последующие месяцы и годы.

— *Последствия этой забастовки: правительство решает регламентировать право на забастовку в государственных службах.*

— Действительно, некоторое время спустя было принято решение, снова в форме декрета, учредить определенную регламентацию права на забастовки в государственном и национализированном секторах: любое кратковременное прекращение работы влекло за собой удержание однодневной зарплаты, о любой забастовке необходимо было обязательно предупреждать за пять дней до ее начала. В первое время на власти и дирекцию предприятий обрушился настоящий поток извещений, и, вместо того чтобы останавливать работу на час-два, мы были вынуждены систематически прекращать ее на двадцать четыре часа. Во всяком случае, решение правительства никак не отразилось на размахе выступлений и на их развитии. А с мая 1968 года мы пользовались правом на забастовку без всяких ограничений во многих отраслях.

— *Последующие годы были отмечены многочисленными и крупными выступлениями трудящихся.*

— Мы извлекли уроки из забастовки горняков в 1963 году и сделали следующий вывод: общая обстановка в стране требовала расширения действий и мобилизации рабочего класса. Правительство пыталось ввести

«политику доходов», то есть установить контроль над заработной платой, что ограничивало в какой-то степени возможность свободных переговоров по этой проблеме. Для государственного и национализированного сектора правительство учредило так называемую процедуру «Туте—Грегуара»*, она состояла в том, что в одностороннем порядке определялся ежегодный уровень роста общей массы заработной платы трудящихся, а профсоюзам оставалась лишь возможность вести переговоры о ее распределении. Мы называли это «свободой в клетке». С окончанием войны в Алжире исчезла фашистская угроза. Единство действий укрепились. Появились все условия для широких выступлений трудящихся.

— *Единство действий главным образом с ФКХТ, которая в 1964 году стала называться Французской демократической конфедерацией труда.*

— Да, под давлением течения «Реконструкция», группировавшегося вокруг Эжена Декама, с которым у нас были хорошие отношения. Наши отношения значительно улучшились не только на уровне отраслевых организаций, департаментских объединений, но также и на уровне конфедераций. Так мы подошли к заключению соглашения о единстве действий десятого января 1966 года, которое явилось первым крупным событием в истории профсоюзного движения во Франции. Это соглашение активизировало выступления трудящихся, оно укрепило взаимное доверие.

— *Хотя уже в следующем году между ФДКТ и Вами возникли разногласия.*

— Это соглашение пережило свою болезнь роста, и довольно тяжелую болезнь, во время грандиозной битвы в мае 1968 года. В 1964 году мы также наладили отношения с Национальным союзом студентов Франции (ЮНЭФ). Обе профсоюзные организации нашли общие позиции по ряду вопросов, касающихся народного обра-

* Фамилии двух высокопоставленных чиновников, на которых было возложено проведение переговоров с профсоюзными организациями.

зования, профессиональной подготовки, а также по другим крупным национальным проблемам. Это был период подъема профсоюзного движения. Укреплению тенденции к единству способствовал важный политический факт: выдвижение единой кандидатуры левых сил на президентских выборах 1965 года — Франсуа Миттерана. Мы поддержали его кандидатуру в целях дальнейшего укрепления единства действий и после выборов и предложили обсудить совместную программу.

— *В 1966 году произошло событие, которое имело большое значение для меньшинства в ВКТ. Я имею в виду уход Пьера Лебрена.*

— Уже давно Пьер Лебрен высказывал свое несогласие с позицией ВКТ, особенно в отношении ее оценки характера власти вообще и самой личности генерала де Голля в частности. Впрочем, он никогда не скрывал своего восхищения генералом де Голлем и поэтому неоднократно занимал позиции, почти диаметрально противоположные позициям ВКТ. Он находился в оппозиции до момента, когда решил (причем никто его об этом не просил и никто не оказывал на него давления), что его личные убеждения несовместимы с функциями секретаря ВКТ. Вот почему он и попросил принять его отставку, что мы и сделали, хорошо понимая, в каком положении он оказался. Позже он был назначен техническим экспертом в Экономическом и социальном совете. После его ухода из ВКТ мы продолжали поддерживать с ним связь, и я лично имел возможность встретиться с ним вскоре после майских событий 1968 года. Он мне сказал тогда, что во время этих событий он намеревался прийти в ВКТ, чтобы сказать нам, насколько он был согласен с тем, как мы вели эту битву. Через некоторое время он умер.

— *А почему он не пришел в тот момент?*

— Он не осмелился.

— *Отставка Лебрена... В действительности это было исчезновение руководителя меньшинства.*

— Трудно говорить о руководителе меньшинства, так как со времени раскола в 1947 году в рядах ВКТ не было организованного меньшинства.

ВКТ характеризуется равновесием, которое опирается не на сбалансированное представительство каждой тенденции, потому что подобных тенденций не существует в ВКТ в организованной форме, а на уважении всех течений, всех политических и духовных сил, из которых состоит ВКТ.

В нашей профсоюзной организации насчитывается гораздо больше католиков и социалистов, чем в ФДКТ и в «Форс увриер». Таким образом, ВКТ удалось найти свое равновесие на основе ее ориентации, которая подходит всем ее членам, и на основе программы, которая также подходит всем товарищам. Это, конечно, предполагает, что на каждом этапе нашей деятельности мы всегда стремимся, как те, так и другие, проявляя максимум внимания и терпимости, максимум стремления к единству и сплоченности нашей организации, выработать позицию, которая может обеспечить если не абсолютное единодушие всех членов профсоюза, то по крайней мере единодушие руководства конфедерации, Исполнительной комиссии и основных руководящих органов, вплоть до Национального конфедерального комитета.

— *Железнодорожники очень активно участвовали во всех выступлениях в 1964, 1965, 1966 годах. В 1965 году Вы избираетесь членом Конфедерального бюро ВКТ, а в 1967 году — генеральным секретарем.*

— Я был очень польщен, что мои товарищи, и в частности Бенуа Фрашон, предложили мне занять эти высокие посты. Это было для меня не только большой честью, но и возлагало на меня большую ответственность. В тот момент я даже не мог предположить, что очень скоро мне придется в качестве генерального секретаря самого крупного профобъединения страны выполнять такие ответственные обязанности, какие легли на меня во время майских событий 1968 года.

— *Следует ли придавать какое-либо особое значение Вашему назначению в тот момент, например, расценивать его как стремление омолодить ВКТ?*

— Это решение было принято после серьезных размышлений вскоре после того, как меня избрали в состав Конфедерального бюро. Бенуа Фрашон считал, что его возраст уже не позволяет ему справляться со всеми обязанностями, которые ложатся на плечи генерального секретаря такой организации, как наша. Он прилагал много усилий, чтобы омолодить все органы ВКТ. И не случайно, что в повестке дня XXXVI съезда ВКТ, на котором я был избран, помимо обычных вопросов, стоял вопрос о работе ВКТ среди молодежи. Таким образом, не только изменениями в руководстве, но и направленностью всей своей работы этот съезд явился свидетельством стремления омолодить ВКТ на всех уровнях.

Уже более двух лет Бенуа Фрашон готовил себе смену. Уже давно он высказывал пожелание освободиться от своих обязанностей. Может быть, окружавшие его товарищи уговорили его выполнять их дольше, чем он этого хотел. Но в конце концов с его пожеланием согласились. И я был избран генеральным секретарем ВКТ после коллективного обсуждения моей кандидатуры в Конфедеральном бюро, с одобрения всех моих товарищей, в том числе членов Исполнительной комиссии.

— *В тот момент говорили, да и сейчас продолжают говорить, что было две возможные кандидатуры: Кразюки и Ваша. Конфедеральное бюро должно было сделать выбор.*

— Думаю, что возможных кандидатов было даже больше. Перед съездом их могло бы быть пять или шесть. Совершенно очевидно, что по своим качествам Анри Кразюки также мог стать генеральным секретарем ВКТ. Анри Кразюки и другие товарищи играют исключительно важную роль в руководстве ВКТ. Я говорю об этом совершенно искренне, потому что это правда. В руководстве нашего профцентра господствует дух подлинного братства и лояльного распределения всех обязанностей.

— *Вскоре после Вашего назначения я прочел в «Экспрессе» следующую фразу: «Господин Сеги займется генеральной уборкой в старом доме. Он превратит ВКТ в современную, хорошо смазанную машину; он де-*

централизует обязанности, но главное — он либерализует профцентр, он будет бороться с сектантством».

— Еще одна из тех кратких формулировок, которые всегда содержали долю преувеличения или формализма. В действительности ВКТ постоянно менялась, развивалась, адаптировалась к требованиям новой обстановки. И одним из тех, кто больше всего в истории ВКТ способствовал ее адаптации, ее омоложению, был Бенуа Фрашон. Мы же — его продолжатели. То, что мы делаем, может быть истолковано как изменения, преобразования. Но если бы мы процитировали все выступления Бенуа Фрашона, в которых он обрушивался на рутину, бичевал сектантов, говорил о необходимости модернизации, можно было бы заметить, что по сравнению с его продолжительной деятельностью все сделанное мною пока еще очень незначительно. Правда, с 1967 года, и особенно после майских событий 1968 года, нам пришлось много думать, проявлять максимум воображения, чтобы приспособить нашу профсоюзную организацию к новым условиям борьбы. По-моему, в определенной степени нам это удалось. Мы продолжим эту работу.

Как бы то ни было, помимо всех этих чисто теоретических гипотез, в 1967 году перед нами встали вполне конкретные проблемы.

На крупных предприятиях проходили длительные забастовки. Требования касались ликвидации разрыва в уровне заработной платы между Парижем и провинцией, проблем занятости, то есть вопросов, которые свидетельствовали об изменении условий борьбы и о переходе профсоюзных действий на более высокую ступень.

Требования становились все более глобальными, общими для нескольких категорий трудящихся. Удовлетворить их было трудно из-за упорного противодействия коалиции правительства и предпринимателей, коалиции, которая проявляла непримиримость и даже надменность перед неоднократными предложениями ВКТ и ФДКТ о переговорах. Мы говорили в то время, что создавшаяся обстановка, долго сдерживаемое недовольство неизбежно вели к серьезному взрыву.

Жизнь борца.

1968-1974 годы:

май 1968 года

— Вы уже посвятили отдельную книгу майским событиям 1968 года, и мы не будем говорить о них. Но к некоторым аспектам я хотел бы все же вернуться. Вы пишете, и все согласны с этим, что речь идет о социальном конфликте, беспрецедентном в истории рабочего движения. И в то же время нет единого мнения относительно причин его возникновения. Большинство историков и социологов приписывают инициативу студентам и университетским преподавателям, а не трудящимся.*

— Не будем возвращаться к предшествовавшим весне 1968 года выступлениям рабочих, показавшим, что рано или поздно, как считала ВКТ, должен был произойти взрыв. Правда, выступления студентов и полицейские репрессии, которые на них обрушились, вызвали бурную реакцию трудящихся. И это ускорило ход событий. Не следует забывать, что именно ВКТ, когда в ночь с десятого на одиннадцатое мая на улице Гей-Люссак произошли жестокие столкновения и полицейские беспощадно расправились со студентами, уже на следующий день обратилась к трудящимся с призывом дать решительный отпор насилию. Именно ВКТ в то же самое время призвала все профсоюзные организации, в том числе

* Жорж Сегги. Май 1968 года и ВКТ. М., Профиздат, 1975.

и ЮНЭФ, собраться вместе на Бирже труда *. На этом импровизированном собрании мы предложили призвать всех трудящихся Франции провести тринадцатого мая всеобщую двадцатичетырехчасовую забастовку, а также организовать крупные демонстрации в Париже и во всех других городах Франции.

— *Никто не ставит под сомнение главную, первостепенную роль ВКТ в мае, но спорный вопрос состоит в другом: выступление студентов и преподавателей вызвало забастовку трудящихся или наоборот?*

— Нельзя отделять одно от другого. Все здесь взаимосвязано. Безусловно, выступления трудящихся, крупные забастовки, которые предшествовали весне 1968 года, и мощные демонстрации, которые мы организовали в Париже и других городах, не могли не повлиять на развитие движения студентов и преподавателей. Точно так же действия студентов и преподавателей университетов не могли не иметь определенный отклик в рядах рабочего класса. Повторяю, все взаимосвязано, когда речь идет о социальной борьбе. Я подчеркиваю это. Кое-кто ставит вопрос таким образом, что подразумевается, будто профсоюзные организации вроде бы вскочили в поезд на ходу, будто оказались перед фактом неожиданного выступления, которое они не предвидели, с которым они не могли справиться и, наконец, в котором они вынуждены были участвовать от начала до конца, не имея возможности сыграть в нем хоть какую-то руководящую роль. Вот почему я так подчеркиваю значение событий тринадцатого мая, которые, по моему мнению, были важнейшими в мае 1968 года и предопределили дальнейший ход событий.

Тринадцатое мая — день вступления рабочего класса в схватку. Когда на Бирже труда мы предложили провести всеобщую забастовку, должен сказать, чтобы не исказить исторической правды, что представители других профсоюзных организаций были удивлены и даже ошеломлены. Они попросили время на размышление. И только когда мы заявили, что, если до полудня не

* На Бирже труда размещаются штаб-квартиры парижских отделений всех основных профобъединений. — *Прим. ред.*

будет принято решение, ВКТ от своего имени обратится с призывом ко всем трудящимся Франции, ФДКТ дала свое согласие, а во второй половине дня — и Федерация народного образования и ЮНЭФ, руководители которых всегда чувствовали себя неуверенными без своих политических советников. Вот как было заключено соглашение и как тринадцатого мая рабочий класс вступил в схватку, несмотря на все трудности, создаваемые ЮНЭФ и левацкими группами, которых систематически пытались протащить в организаторы этого выступления.

Тринадцатого мая мы создали условия, которые определили подлинную суть событий весны 1968 года. Добавлю, что нам пришлось упорно бороться за то, чтобы это движение проходило под знаком солидарности трудящихся и студентов, так как кое-кто из претендентов на роль лидеров студенчества предлагал нам много других лозунгов, не имевших абсолютно ничего общего с такой солидарностью.

— *Но эта солидарность не всегда соблюдалась в ходе развивавшихся событий.*

— К сожалению. Но с нашей стороны она была постоянной. И если она не была столь очевидной, столь конкретной, как хотели того студенты и трудящиеся, то ответственность за это лежала не на нас, а на левацких группах.

— *Если Вы не приемлете по совершенно очевидным идеологическим мотивам левацкие группы, оставалась ли возможной солидарность, если бы Вам все же удалось отстранить часть этих студентов?*

— Да, если бы руководители ЮНЭФ согласились с тем, чтобы их организация продолжала выполнять функции профсоюзной организации, то есть если бы они не отдали себя во власть политических групп, руководители которых не всегда питали наилучшие намерения по отношению к студентам и трудящимся и которые практически играли роль провокаторов. Нам приходилось систематически разоблачать их. Таким образом, если бы ЮНЭФ по-прежнему выполнял роль профсоюзной организации, мы смогли бы совместно с его руководителем

ми и руководителями других профсоюзных организаций предпринять более крупные и более эффективные действия.

— *Могли ли вы устранить, например, тех, кто были первыми организаторами этих волнений? Ведь «Движение 22 марта» * предшествовало майским событиям.*

— Что касается нас, мы строго придерживались профсоюзных позиций. На встречу на Бирже труда мы пригласили только профсоюзные организации. Следовательно, речь шла не о мероприятии, которое мы собирались проводить совместно с руководством политических объединений, — в ином случае мы обратились бы к левым политическим партиям для организации выступления 13 мая или же других выступлений. Мы не смешивали профсоюзное движение студентов с выступлениями политического характера некоторых групп, каково бы ни было наше суждение о них в идеологическом плане. Мы занимали исключительно профсоюзные позиции и хотели на них остаться.

Будет правильным считать, что выступления студентов и преподавателей, начавшиеся в обстановке большой социальной напряженности, послужили своего рода детонатором. Они явились той искрой, которая вызвала взрыв пороха, но, как я писал в своей книге, требовался значительный запас пороха, чтобы вызвать взрыв подобной силы. А порох этот мы все-таки накопили за предшествовавшие годы не в одиночку, а часто совместно с ФДКТ, ФНО ** и ЮНЭФ в некоторых случаях. Без нашей инициативы, обеспечившей вступление в борьбу рабочего класса, после чего последовали всем нам известные события, столкновения на улице Гей-Люссака остались бы в истории страны как одна из стычек, которые периодически вспыхивают между студентами и полицией. Вы помните, в то время в ряде стран прошли студенческие демонстрации, которые переросли в ожесточенные столкновения с полицией, а трудящиеся и не шелохнулись. Это показывает, что в этих странах не

* Одна из левацких группировок, действовавших среди студенчества. — *Прим. ред.*

** ФНО — Федерация народного образования. — *Прим. ред.*

было, как у нас, достаточного запаса пороха. Конечно, студенты и преподаватели ускорили события, однако в основе всего лежало противоборство рабочего класса и крупной буржуазии.

Сегодня можно задать себе вопрос: было ли это ускорение событий полезным для трудящихся, для достижения тех демократических целей, которые они ставили перед собой, помимо удовлетворения их непосредственных требований? Говоря откровенно, и да и нет. Да, в том смысле, что май 1968 года вызвал колоссальный рост сознания и явился ценнейшим опытом для рабочего движения, и даже для студенческого движения. Нет, поскольку огромная энергия масс не могла иметь политического выхода. Недоставало некоторых условий для того, чтобы май 1968 года привел к другим результатам, помимо удовлетворения непосредственных требований трудящихся.

— *Вы хотите сказать, что студенческий взрыв ускорил развитие событий, которые не созрели, то есть не созрели для рабочего класса?*

— Это трудно объяснить. Взрыв мог произойти до того, как было обеспечено единство левых сил. Он произошёл в тот момент, когда еще не было политических условий, позволявших найти иной выход. Впрочем, я не говорю, что речь шла о каком-то предумышленном заговоре с целью не допустить политических изменений. Так сложились обстоятельства борьбы. Несмотря на это, май 1968 года сыграл важную роль в последующем развитии борьбы.

— *Вы очень быстро выдвинули в то время идею о необходимости скорейшего заключения соглашения между левыми партиями относительно совместной правительственной программы. Вы даже писали в Вашей книге «Май 1968 года и ВКТ»: «Предложив им (рабочим массам. — Ж. С.) реальный, соответствующий их стремлениям политический выход, левые силы могли одержать победу»*. Считаете ли Вы, что при некоторых условиях власть можно было взять?*

* Жорж Сегн. Май 1968 года и ВКТ, с. 116. — Прим. ред.

— Некоторые даже говорили в то время, что ее можно было «подобрать». Я думаю, что власть в мае 1968 года была серьезно ослаблена, как это показали результаты различных выборов, и, следовательно, она была уязвима. Ее авторитет падал, что благоприятствовало в условиях столь колоссального подъема рабочего движения коренным изменениям, позволявшим определить политическую альтернативу этой власти. Я также считаю, что под мощными ударами майской забастовки 1968 года в определенный момент правительство зашаталось. Но совсем другое дело считать, будто можно было захватить власть, и даже очень легко, как утверждали некоторые. На самом деле власть никогда не оставалась вакантной. Если некоторые министры подчас и паниковали, то генерал де Голль с начала и до конца событий был готов пойти на все, в том числе прибегнуть к военной силе, чтобы удержать власть. В то время мы располагали достаточно серьезной информацией для того, чтобы знать, как обстоят дела, и не тешить себя иллюзиями. Ни одна из сил, участвовавших в борьбе, не могла рассчитывать на захват власти в одиночку. Подобную цель можно было ставить только сообща, то есть на основе политического соглашения, определявшего характер и рамки программы, определенные цели, приемлемые для всех тех, кто стал бы участником подобного соглашения.

Цели забастовки могли бы, конечно, выйти за рамки профессиональных требований и принять политический характер. В таком случае профцентры могли бы использовать свой авторитет для того, чтобы предложить трудящимся отдать все силы на обеспечение успеха левых сил. Мы сделали все возможное, чтобы достичь подобного соглашения. Неоднократно в ходе борьбы мы предлагали обеим левым политическим партиям, коммунистической партии и социалистической партии (в то время Федерации демократических и социалистических левых сил), а также другим профсоюзным организациям встретиться и определить условия такого соглашения. Только коммунистическая партия выразила согласие. А остальные некоммунистические левые силы думали иначе. Кое-кто верил в возможность прийти к власти без коммунистической партии, не считаясь с ВКТ. Эти последние дошли до того, что заявили нам (ведь они уже виде-

ли себя на самых подступах к власти), будто мы выдвигали чрезмерные требования в вопросах зарплаты и сокращения рабочего дня. Они неверно оценивали создавшееся положение. Они недооценивали способность крупной буржуазии к противоборству. Они, судя по всему, не понимали, что без четкого, конкретного соглашения и союза всех левых и всех профсоюзных сил, создать который мы предлагали, не могло быть ни для них, ни для нас никакой политической альтернативы.

И вновь антикоммунизм и страх перед рабочим классом нанесли удар демократии. Это был один из важнейших уроков мая 1968 года, который повлек за собой плодотворные размышления и более правильное осознание политической реальности во Франции. Колебания, принимавшие подчас характер маневрирования, эксцессы леваков, выступавших под зловещим черным знаменем анархии, широко показывавшиеся по телевидению, повлияли на то, что власти добились успеха на парламентских выборах. Многими этот факт был воспринят как катастрофа. Однако очень скоро стало ясно, что рабочий класс, демократические силы сохранили способность быстро восстановить свои ряды. Как говорит поговорка, нет худа без добра: этот успех заставил задуматься всех тех, кто искренне стремился к изменениям в нашей стране. Без всякого сомнения, именно тогда был дан толчок идее подписания совместной программы левых сил, что и было сделано четыре года спустя.

— Если бы в то время существовала совместная программа, одобренная всеми левыми организациями, возможность прихода рабочего класса к власти не была бы нереальной.

— Приход к власти рабочего класса — это немного сильно сказано, но я убежден, что в подобном случае левые силы могли бы прийти к власти в обстоятельствах одновременно нормальных и чрезвычайных и могли бы закрепить затем это изменение на всеобщих выборах.

— Таким образом, власть нельзя было «подобрать», но ее можно было взять при других политических условиях.

— Именно так

— *Некоторые журналисты, в частности Филипп Александр, в книге «Елисейский дворец в опасности»*, утверждают, что в течение всего кризиса ВКТ поддерживала секретные контакты с Шираком, в то время государственным секретарем по вопросам труда, и что по окончании переговоров на улице Гренель Вы, Жорж Сеги, якобы сказали ему: «Не беспокойтесь, в среду, самое позднее в четверг утром, все трудящиеся приступят к работе».*

— Я читал подобные измышления. Вначале они меня раздражали, а затем смешили. В этой связи я хотел бы кое-что уточнить. У нас не было никаких тайных контактов ни с правительством, ни с Национальным советом французских предпринимателей, ни с политическими деятелями правительственного большинства. Правда, четыре факта могут, конечно, породить фантастические измышления, о которых Вы говорите. Вскоре после начала забастовки Национальный совет французских предпринимателей через Баржоне предложил мне тайно встретиться с его председателем Полем Ювелепом, на что я ответил отказом. Затем на следующий день после начала переговоров на улице Гренель у нас состоялась беседа с Жоржем Помпиду (перед этим он встречался с представителями «Форс увриер» и ФДКТ). Содержание этой беседы я изложил в своей книге, как и Эжен Декам в своей книге «Бороться». Только Бержерон ничего не сказал. Далее, во время греньельских переговоров Ширак попросил у меня встречи, и я согласился. Беседа состоялась на виду у всех в соседнем зале. Ширак хотел меня проинформировать о пределах, дальше которых правительство не намеревалось идти. Он хотел выяснить, достаточно ли этого было для возобновления работы. Я ответил отрицательно. После этого Жак Ширак буквально преследовал меня. Любой ценой он хотел встретиться со мной, но я отказался. В конце концов он поймал одного из работников ВКТ вне помещения ВКТ, но практически ничего нового нам не сказал. Вот те секретные контакты, о которых сообщали комментаторы...

* Philippe Alexandre. L'Elysée en péril (Librairie Art-hème Fayard).

— ...приводя множество деталей: кодовые имена, номера телефонов, таинственная встреча и т. д.

— Смешно. Все это существовало лишь в их воображении. Грубые измышления о секретных контактах во время майских событий 1968 года, клевета на руководителей ВКТ имели целью подорвать ее авторитет. Уверен, что подобные приемы не украшают тех, кто не стесняется к ним прибегать.

Ваш второй вопрос касается заверений, которые я будто бы дал правительству, что работа возобновится. Прежде всего подобные заверения противоречили бы здравому смыслу. Если бы мы считали, что результаты переговоров на улице Гренель были достаточно удовлетворительными для повсеместного возобновления работы, мы подписали бы соглашение, как это предложил в конце переговоров представитель ФДКТ, поддержанный представителями Национального совета французских предпринимателей и правительства. Если же мы отказались подписать соглашение, то на это у нас были свои основания. Мы исходили из следующего: результаты переговоров на улице Гренель содержат положительные моменты, которые не следует недооценивать. Тем самым они служат хорошей основой для продолжения переговоров по отраслям промышленности при условии, что забастовка продолжится. Нам представлялось, таким образом, что мы могли продвинуться гораздо дальше.

По окончании гренельских переговоров Жорж Помпиду подошел ко мне и спросил: «Как вы считаете, господин Сеги, работа возобновится?» Я ему сказал: «Я думаю, что трудящиеся сочтут немаловажными уступки, которые вы сделали в некоторых областях, но явно недостаточными во многих других, и что многие вопросы остались нерешенными». Он ответил мне: «Но если вы им скажете, что результаты ничего не стоят, они, очевидно, вам поверят и не приступят к работе. Если же вы объясните им важность результатов, которых мы добились, может быть, они возобновят работу. Во всяком случае, я берусь разъяснить им всю важность принятых решений, что я и сделаю немедленно в своем выступлении по радио и телевидению». Я ему сказал: «Не мне решать за трудящихся, но я хочу их проинформировать о том, что мы считаем положительным, что нам пред-

ставляется недостаточным и что еще нужно решить. После чего они сами и решат со знанием дела, демократическим путем, приступать к работе или нет, так же как они приняли решение начать забастовку. Это я и сделаю немедленно на заводе «Рено». Вы можете поехать вместе со мной и изложить вашу позицию рабочим завода. Тогда они смогут судить о результатах переговоров на основе разъяснений, которые Вы им дадите от имени правительства, а я — от имени ВКТ». Мое предложение его, кажется, позабавило. Он выступил по радио и телевидению, я тоже.

В то время нашей задачей было не допустить недооценки существенных результатов переговоров, которых мы добились благодаря забастовке. Мы не хотели также их чрезмерно восхвалять — это могло привести рабочих к мысли о возобновлении работы на основе достигнутого. Мы были убеждены, что можно добиться гораздо большего, продолжая переговоры по отраслям промышленности. Кроме того, не забывайте, что мы никогда не призывали к общенациональной забастовке: она стала всеобщей без решения сверху и поэтому для нас не могло быть и речи о том, чтобы обращаться с призывом возобновить работу. Мы хотели, чтобы рабочие сами решили вопрос о возобновлении работы так же, как они решили вопрос о забастовке. И последний разумный аргумент: если бы мы хотели возобновления работы, мы бы пошли с отчетом о переговорах не на завод «Рено», а, скорее, в небольшую мастерскую готового платья, где работницы считали себя весьма удовлетворенными значительным увеличением межпрофессионального гарантированного минимума заработной платы, которого мы добились. Мы же поехали на завод «Рено», потому что знали, какой может быть реакция десяти тысяч металлистов, собравшихся на митинг. Мы знали, что они выступят против недостаточных уступок и что в конечном счете они единодушно решат продолжать забастовку.

— *Вы это действительно знали до того, как туда отправилесь?*

— Конечно. Впрочем, транзисторы уже сделали свое дело. Еще до моего приезда на завод рабочие слышали по радио разъяснения Помпиду, как и мои, и высказа-

лись за продолжение забастовки за час до моего выступления.

Моя речь и выступления рабочих явились, таким образом, лишь объяснением причин продолжения борьбы.

Как мы и предвидели, в ходе последовавших затем переговоров по отраслям удалось добиться увеличения заработной платы гораздо выше того уровня, о котором была достигнута договоренность на улице Гренель. Они завершились принятием ряда соглашений не только по вопросам заработной платы, но также и по вопросам условий труда, пенсий и отпусков.

— *Думаете ли Вы, что можно было добиться большего на улице Гренель?*

— Убежден, что можно было пойти гораздо дальше, но за нашей спиной происходили политические маневры, которые повредили переговорам. Некоторые видели в них препятствие для достижения своих политических целей и желали их провала. В результате сохранялась бы прежняя кризисная ситуация. Не случайно в антикоммунистических воплях сборища на стадионе Шарлети * громче всего слышался лозунг «Переговоры — предательство». Многие представители некоммунистических левых сил не были заинтересованы в успехе переговоров. И достойно сожаления, что соглашение о единстве действий, заключенное за несколько месяцев до этого между ВКТ и ФДКТ, также не устояло по причинам, носившим политический характер. Если бы наши две организации держались вместе, действовали согласованно, убежден, что правительство и предприниматели были бы вынуждены сделать более значительные уступки. Разногласия между руководством наших организаций ограничили масштабы достигнутого. Я всегда об этом глубоко сожалел.

— *Помимо материальных выгод, что еще получил рабочий класс от майских событий 1968 года? Можно ли сказать сегодня, имея в виду трудящихся: «Отныне все будет иначе, чем это было до майских событий 1968 года?»*

* См. подробнее: Жорж Сегги. Май 1968 года и ВКТ. — *Прим. перев.*

— Эти слова впервые были сказаны Жоржем Помпиду, правда, несколько в ином смысле. Они, однако, подходят для характеристики новых условий, в которых мы оказались после майских событий 1968 года. Помимо социальных завоеваний, не имевших себе равных с 1936 года, которые принесли особенно ощутимое улучшение условий наиболее эксплуатируемым категориям трудящихся, необходимо еще правильно оценить происшедшие изменения.

Одним из основных результатов забастовки был резкий подъем классового сознания трудящихся, принявших участие в борьбе. До этого им была практически безразлична профсоюзная и политическая деятельность. И вдруг их захватило это движение, заразило энтузиазмом. Сотни тысяч молодых рабочих, женщин, инженеров, управленческих работников, техников, а также рабочих-иммигрантов привнесли много ценного в профсоюзную борьбу. Как об этом свидетельствует опыт (к сожалению, не столь частый в истории рабочего класса), поколения, познавшие такие великие исторические моменты борьбы, всегда обогащают рабочее движение. Так, после мая 1968 года мы стали свидетелями омоложения кадров нашей организации, быстрого роста молодых активистов, в том числе тех, которые были чувствительны к левацким перегибам (молодые рабочие, а также студенты, поступившие затем на производство) и участвовали в то время в ряде осужденных ВКТ выступлений, но потом стали прекрасными активистами и работниками ВКТ. Движение мая 1968 года еще дальше оттеснило утопические идеи о классовом сотрудничестве и анархосиндикалистские концепции и способствовало утверждению концепции революционного синдикализма, то есть классовой борьбы. В актив майских событий 1968 года следует вписать также большой политический опыт, приобретенный трудящимися в этой борьбе. Они смогли понять и убедиться в том, сколь пагубным для их интересов является отсутствие единства левых сил. С тех пор насущная необходимость единства в целях определения перспектив, выходящих за рамки простых профсоюзных выступлений, стала их собственным делом. Воля трудящихся в огромной степени способствовала преодолению препятствий, стоявших на пути единства левых партий. В конечном счете именно май 1968 года

привел к соглашению левых партий о совместной программе. История это подтвердит.

— *Шаткое соглашение, заключенное в 1966 году между ВКТ и ФДКТ, не устояло под нажимом событий мая 1968 года и последовавших недель. Потребуется некоторое время для того, чтобы ликвидировать эти последствия.*

— Было бы удивительно, если бы в столь короткий исторический срок (после того как в течение длительного периода отношения между двумя профцентрами были натянутыми) соглашение о единстве действий позволило ликвидировать все проблемы и преодолеть все разногласия. Можно было бы долго распространяться о подлинном характере этих разногласий, об отношении к левацким группам, о поведении обеих организаций в ходе переговоров и о том, что они считали первоочередными задачами. Но думаю, не в этом главное. Аспект, который мне представляется решающим, основным, касается разногласий политического характера: могли ли мы прийти в мае 1968 года к общей позиции по вопросу о политических перспективах, открывавшихся перед трудящимися? Должны ли были обе наши организации способствовать созданию широкого единого фронта левых партий и профсоюзов (в этом заключалась наша позиция) или же нужно было содействовать проведению политической операции типа «третьей силы» (в этом состояла позиция ФДКТ)? Думаю, что в конечном счете опыт был полезен и многие активисты ФДКТ искренне и честно сожалеют о том, что произошло в мае 1968 года. Я полагаю, что, если бы можно было вернуться к тем дням, мы нашли бы лучшие возможности для совместных действий. Не потому, что разногласия между нами полностью исчезли бы, а потому, что нам помог бы опыт. Наши отношения улучшились, точки зрения сблизилась, старые предубеждения значительно сгладились как с той, так и с другой стороны, возникло реальное желание продвигаться вперед. Будущее может быть создано только совместными усилиями. Мы в этом убеждены. И в этом также май 1968 года сыграл свою роль. Хотя он и показал глубину некоторых разногласий между ВКТ и ФДКТ, он также способствовал их преодолению, создав

гораздо лучшие условия для совместных действий. Последующие события это доказали.

— После 1968 года, пишет Жерар Адам, «послеотпускной период потерял свою социальную остроту, выступления стали расплывчатыми, неожиданными, они с трудом поддаются контролю со стороны штабов»*.

— Меня всегда удивляют такие безапелляционные суждения, которые высказывают о рабочем движении вообще и о профсоюзном в частности лица, слышущие умными, иногда и известные в университетских кругах. Я удивлен, поскольку такие утверждения порождены удручающим формализмом и абсолютным незнанием реальности. Даже рискуя шокировать, должен сказать, что любой профсоюзный активист любого уровня сочтет подобные оценки претенциозными и субъективными.

Можно спросить, зачем высказываются такие суждения, для кого? Может быть, кое-кто рассчитывает, что они способствуют воспитанию рабочего класса? Если так, то это абсурдно, потому что рабочий класс прекрасно знает, что происходит на самом деле. Хотят успокоить мелкую буржуазию? Хотят понравиться крупной буржуазии, которая очень хорошо знает, как относиться к тому, что происходит в рядах рабочего класса, даже если она не всегда высказывает публично того беспокойства, которое ей внушает развитие демократического рабочего движения? И последнее соображение: несерьезно сравнивать — как это часто пытаются делать — профсоюзное движение с некоей армией трудящихся. Это гораздо сложнее, как, впрочем, и сама жизнь. Профсоюзное движение, которое очень тесно связано с жизнью, с событиями, не может абстрагироваться от конкретной обстановки. Это требует систематического анализа и постоянных размышлений в каждый данный момент. Оценка не делается раз и навсегда. Учет возможной неравномерности развития, поиски правильного направления — вот что составляет многообразие профсоюзного движения и его богатство. Вот почему профсоюзным движением нельзя руководить так, как штаб руководит армией. Это организм, который постоянно движется,

* G é r a r d A d a m. L'Année dans le monde, 1972 (Larousse).

следуя движению жизни, рождает собственные инициативы, определяет свою собственную эволюцию. Никто не может предопределить, как будет развиваться рабочее движение. Можно лишь предсказать основные направления. Достаточно знать, что профсоюзное движение вросло в тело рабочего класса, для того чтобы быть уверенным, что активисты на всех уровнях приложат все усилия для выполнения возложенных на них обязанностей.

— *Определенной системы нет.*

— Особенно в профсоюзном движении. Ни формализма, ни субъективных предчувствий.

— *Май 1968 года оставил о Вас, Жорж Сеги, представление, как о стратеге и бойце. С тех пор власти считают Вас опасным противником, и нередко Вы подкрепляете это мнение. Пример тому «маленькая фраза»* относительно продолжительности семилетия, сказанная Вами тринадцатого сентября 1969 года. С тех пор каждый стремится найти в Ваших выступлениях новую «маленькую фразу». О Вашей манере говорить слагают легенды.*

— Должен сказать, что, если иногда мне случается высказывать заранее подготовленные «маленькие фразы», то очень часто я с удивлением обнаруживаю «маленькие фразы», которые не были подготовлены, но которые были истолкованы другими как таковые. Поэтому нужно очень осторожно подходить к моей способности высказывать «маленькие фразы». Все же я хочу сказать, что, поскольку я не живу вне жизни и поскольку я не жил вне майских событий 1968 года, это был для меня опыт, который обусловил мое видение будущего. Проанализировав все эти события и сделав соответствующие выводы, мы были вынуждены внести изменения в организацию борьбы и даже ориентацию этой борьбы. Учитывая большие изменения, происшедшие в рабочем классе нашей страны в результате майских

* «Политическая анемия характеризует начало семилетия, которое может оказаться значительно более коротким».

событий, мы стали лучше готовить активистов нашей организации.

— *Вы говорите, что не все «маленькие фразы» были подготовлены заранее, но была ли подготовлена в сентябре 1966 года «маленькая фраза» относительно продолжительности семилетия?*

— Да, она была подготовлена заранее. Речь шла о написанном выступлении. Необходимо было после неудачи, какой могли показаться некоторым результаты парламентских выборов в июне 1968 года, а затем избрание Жоржа Помпиду Президентом Республики, разъяснить трудящимся, что, помимо выборов, могут возникнуть политические ситуации, способные ускорить ход событий. Именно в этом смысле и была сказана данная фраза. И если бы ее нужно было повторить, я бы это сделал. Но я никогда не мог представить себе, что семилетие закончится так, как оно закончилось, ибо, несмотря ни на что, мне никогда не могло прийти в голову желать смерти противнику.

— *Когда Шабан-Дельмас изобрел «новое общество», когда его сотрудник Жак Делор, бывший синдикалист, попытался предложить новую социальную политику, основывавшуюся на трех принципах: государство предоставляет социальным партнерам широкую автономию, существование профсоюзов полностью признается, права организаций предпринимателей и рабочих расширяются, — Вы, Жорж Сеги, и ВКТ проявили чрезвычайную сдержанность, чтобы не сказать открытую враждебность.*

— Слова «открытая враждебность» лучше отражают нашу позицию, чем «чрезвычайная сдержанность». Действительно, мы сразу же увидели в этой операции широкую кампанию пропаганды идеи классового сотрудничества и потому с самого начала разоблачали ее подлинный смысл. Не отвергая любую возможность переговоров, мы старались разъяснить трудящимся суть проблем.

Разглагольствования о так называемом «новом обществе» были практически повторением в иной форме

процедуры переговоров в рамках пресловутых «комиссий примирения», против которых мы решительно выступали несколько лет назад и которые в истории профсоюзного движения остались под названием комиссий «Туте—Грегуара». Вот почему наш профцентр с самого начала занял открыто враждебную позицию.

Безусловно, наши оценки расходились с оценками ФДКТ. ФДКТ положительно отнеслась к процедуре, потому что в большинстве случаев она подписывала так называемые «контракты прогресса». Это продолжалось очень недолго. В подтверждение нашей оценки очень скоро стало ясно, что «контракты прогресса» противоречат интересам трудящихся. И организации ФДКТ одна за другой заняли ту же позицию, что и мы, в отношении политики Шабан-Дельмаса и его правой руки в социальной области Жака Делора.

— При Шабан-Дельмаса, затем при Мессмере социальное законодательство укрепилось. За несколько лет были приняты межпрофессиональный минимум заработной платы роста, законодательные акты, касающиеся профессиональной подготовки, увольнений, позднее — гарантированной занятости. Однако враждебность ВКТ по отношению к социальной политике правительства остается неизменной.

— Благодаря усилиям профсоюзов удастся добиться уступок в ходе переговоров с правительством или с Национальным советом французских предпринимателей. Следует, кстати, заметить, что часто, когда принимается в законодательном порядке какое-то решение, оно лишь закрепляет фактическое положение, достигнутое благодаря действиям профсоюзов и обусловленное уже заключенными соглашениями на предприятиях и коллективными соглашениями по отраслям. Часто в социальной области факт предшествует законодательству.

Профсоюзы используют любую возможность переговоров для поиска наиболее выгодного компромисса. Иногда нам это удастся. Приведенные Вами примеры показывают, что профсоюзная деятельность не бесплодна. Основная причина того, что мы выступаем против социальной политики властей, состоит в том, что она полностью подчинена интересам крупных капиталистиче-

ских монополий и крупных частных компаний, которые держат в своих руках государственный аппарат и подчиняют его своей воле. Это прекрасное средство для того, чтобы навязать свое господство всему обществу, жизни всей страны.

— *С тех пор, как Вы были избраны генеральным секретарем ВКТ, страна знала трех президентов: генерала де Голля, Жоржа Помпиду и Валери Жискар д'Эстэна. Создалось ли у Вас впечатление, что один из них был более склонен к переговорам с Вашей организацией?*

— Говоря откровенно, нет. Единственным, с кем мы имели возможность действительно вести переговоры, был Жорж Помпиду. И не потому, что он проявлял добрую волю, а в связи с майскими забастовками 1968 года. Что касается нынешнего главы государства, то еще в то время, когда он руководил министерством экономики и финансов, он оставлял без ответа неоднократные обращения нашей профсоюзной организации к нему и письма, которые я направлял ему лично. Когда он призвал профсоюзы помочь ему в борьбе с инфляцией и ростом цен, я ответил ему согласием, выдвинув целый ряд предложений. С тех пор жду ответа. Поэтому мне не кажется, что Валери Жискар д'Эстэн более склонен к переговорам, чем его предшественники.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Есть ли будущее у профсоюзов: профсоюзы и предприниматели

— *Только двадцать—двадцать пять процентов французов охвачены профсоюзами. Это самый низкий показатель в Европе. В Бельгии он составляет шестьдесят пять, в Швеции — семьдесят процентов.*

— Этот вопрос мы часто обсуждаем. Он связан с особенностями каждой страны, с теми условиями, в которых работают профсоюзы, с историей самого профсоюзного движения. Очевидно, что в странах, где профсоюзное движение возглавляет единый профцентр, трудящиеся более полно охвачены профсоюзами. Однако я считаю, что не следует делать каких-то особых выводов из этого факта и полагать, что профсоюзная жизнь во Франции менее интенсивна или менее результативна, чем в странах с высоким процентом членов профсоюзов. В Италии и в Соединенных Штатах, где процент членов профсоюзов не намного выше, чем у нас, профсоюзная жизнь отличается от нашей, но тем не менее она существенно влияет на всю жизнь страны. Большое число неорганизованных трудящихся — проблема, которая нас волнует и которую мы стремимся разрешить.

— *Каким представляется будущее профсоюзов при условии, что входящие в профсоюзы трудящиеся составляют меньшинство?*

— Чтобы ответить на этот вопрос, необходим глубокий анализ происхождения профсоюзного движения во

Франции, его истории и пройденного им пути, что не является целью данной книги. В самом начале профсоюзное движение зародилось фактически как стихийное стремление трудящихся объединиться в ассоциации для защиты общих интересов. Даже рискуя прослыть законченным консерватором, скажу, что в этом отношении ничто не изменилось и никогда не изменится. Первой и главной задачей профсоюза всегда была, есть и останется защита общих интересов всех трудящихся. Эту задачу профсоюз может выполнить по-разному в зависимости от экономического и социального строя той или иной страны. Однако задача эта остается неизменной, иначе профсоюзы перестают быть профсоюзами. После этой оговорки хочу сказать, что оценивать развитие нашего профсоюзного движения пужно, учитывая конкретные условия нашей страны, тот рост, которого оно добилось, кризисы, через которые оно прошло, проблемы, с которыми оно сталкивалось и которые иногда вызывали даже раскол, тормозя развитие движения или же обогащая его содержание.

Все хорошо помнят Амьенскую хартию* и комментарии, которые она вызвала. Часто те, кто ее осуждает, как и те, кто продолжает оставаться верными ей, забывают ее подлинное содержание и ту историческую обстановку, в которой она была принята. Она появилась в определенный исторический период. В ней нашли отражение идеи профсоюзного движения, находившегося в процессе развития, — развития, которое, впрочем, никогда не завершится. И сегодня эти идеи остаются во многих отношениях правильными. Во все времена развитие профсоюзного движения характеризовалось стремлением трудящихся и их организаций к союзу и координации действий, с тем чтобы эти действия были максимально эффективны. Я думаю, что история профсоюзного движения, прекрасная и богатая история, заслуживает того, чтобы ее лучше знали в нашей стране. Я не могу понять, почему ни в одном школьном учебнике ни слова не говорится о профсоюзах.

* Амьенская хартия была принята на съезде ВКТ в 1906 году. Она признавала классовую борьбу пролетариата, всеобщую стачку в качестве основного орудия борьбы против капитализма, но отрицала необходимость политической борьбы.

Деятельность профсоюзов постепенно изменялась. Ее успехи порождают новые проблемы. Так, например, профсоюзный активист должен уже не только уметь добиваться увеличения зарплаты, улучшения условий труда и организовывать забастовки. Отныне он сталкивается с более сложными вопросами: активисты, члены административных советов не могут не разбираться в проблемах управления предприятием, в отчетности, так же как и члены комитетов предприятий не могут не разбираться в вопросах социального обеспечения. Нельзя забывать и о роли, которую играют комиссии примирения, что требует от их членов солидных юридических знаний. Активистам приходится выступать по радио и телевидению, они должны уметь вести дискуссии с администрацией и руководителем предприятия по экономическим, политическим и юридическим проблемам. Активист должен быть немного депутатом, немного адвокатом, немного бухгалтером, немного социологом, немного управляющим, немного оратором, обладать определенной эрудицией и, кроме того, как все его предшественники в профсоюзном движении, быть исключительно внимательным к человеческим судьбам. Вот почему функции профсоюза постоянно расширялись. Это заставляет меня сказать, что профсоюз является прежде всего великой школой ответственности и демократии.

Я длительное время возглавлял делегацию Федерации железнодорожников ВКТ в трехсторонней комиссии (профсоюз—правительство—дирекция), которая занималась статусом персонала, его разработкой, пересмотром и изменениями. Я должен был изучить все социальное законодательство, знать все действующие положения на железной дороге и немного играть роль депутата трудящихся в переговорах с правительством и предпринимателями. Нужно долго и кропотливо изучать документы, подготовить солидные досье, чтобы на равных обсуждать интересующие нас вопросы с людьми, которые располагают большими средствами и высококвалифицированными помощниками.

За период с 1950 по 1967 год мне пришлось познакомиться почти со всеми министрами транспорта. Их было около двадцати. К моему удивлению, я заметил, что эти министры как во времена Четвертой, так и во времена Пятой республики были абсолютно несведущи

в том, что касается технических и социальных проблем на железных дорогах. На первых встречах требовались длительные объяснения, чтобы ввести их в курс дела. Я смог заметить, какую большую пользу для себя извлекли эти люди (даже наиболее известные, как, например, Аптуан Пинэ), воспользовавшись знаниями профсоюзных активистов.

Отсюда как важно подготовить активистов. А это требует значительных средств, тем более что трудящиеся, являясь жертвами социальной сегрегации, чаще всего могут кончить лишь начальную школу. Вот почему профсоюзная подготовка должна стать частью системы народного образования. Должны быть материальные возможности, какие общество предоставляет для подготовки административных и технических кадров.

В современном французском экономическом обществе роль профсоюзов не ограничивается борьбой за удовлетворение экономических требований и протестами. Она состоит также в разработке экономических и социальных вопросов и, следовательно, заслуживает всяческого внимания. Конечно, до тех пор пока в экономике будут господствовать интересы ничтожного меньшинства привилегированных, профсоюзное движение будет выступать лишь на стороне сил оппозиции и протеста. Но даже в этом случае его роль в конечном счете конструктивна. Крупные монополии, господствующие в жизни страны, не считают с социальными условиями, а лишь исходят из рентабельности капитала и стремятся все подмять, лишь бы достичь своих целей. Профсоюз встает на пути такого катка. С этой точки зрения можно сказать, что он защищает интересы не только трудящихся, но и всего общества. Вот почему не будет преувеличением сказать, что деятельность профсоюзов приносит обществу пользу и поэтому было бы естественно, чтобы общество взяло на себя часть их нужд.

Существующее положение не будет длиться вечно. Придет время, когда экономическая политика будет направлена на обеспечение социального прогресса, то есть на удовлетворение потребностей населения. И тогда профсоюзное движение сможет играть конструктивную роль, участвуя в проведении экономической и социальной политики. Учитывая историю нашего движения, его характерные черты, его национальные особенности

и его своеобразие, я убежден, что оно должно будет проводить свою деятельность независимо от государства, от предпринимателей, от политических партий и церкви. Всякий прогрессивный человек должен понять, что независимость профсоюзов является одной из гарантий демократии.

— *Каковы пределы профсоюзной деятельности, когда она направлена на защиту повседневных, насущных требований, или, говоря более схематически, не является ли профсоюзная деятельность, направленная на удовлетворение непосредственных требований трудящихся, лишь серией компромиссов?*

— Это очевидно. Она может изменяться лишь в пределах соотношения сил между трудящимися, которых мы представляем, и теми, кто управляет делами страны и располагает экономической и политической властью. Поэтому не может быть и речи о том, чтобы мы помогали проведению политики, диаметрально противоположной интересам трудящихся. Мы участвуем в работе всех комиссий, всех комитетов, во всех заседаниях, где признается роль профсоюзного движения. Мы стремимся при этом наилучшим образом служить интересам трудящихся. Иногда нам удастся несколько ослабить последствия слишком консервативной социальной политики. Но никогда нам не удавалось добиться того, чтобы возобладали наши концепции в экономической области. Приведу конкретный пример. Летом 1974 года я направил Президенту Республики пять предложений по борьбе с инфляцией, которые предусматривали, что платить должны те, кому выгодна инфляция и рост цен. Если Президент Республики мне не ответил, то ясно, что для него не может быть и речи об отказе от основных направлений экономической политики, которую он разработал в одностороннем порядке со своим правительством. не заботясь о том, что могли думать об этой политике профсоюзы.

— *Это оправдывает Ваше неучастие в работе высших инстанций, принимающих решения?*

— Не может быть никакого участия. И не потому, что мы не хотим проявить доброй воли. Когда наши

представители приходили на заседания плановой комиссии, их соглашались выслушать и только. Их предложения никогда не принимались во внимание. Поэтому, говоря об участии, нужно быть серьезным. Никому не придет в голову содействовать выполнению решений, которых он не принимал и тем более когда эти решения противоречат его интересам. Безусловно, придет день, и, я надеюсь, гораздо быстрее, чем это некоторые полагают, когда профсоюзные организации действительно смогут эффективно участвовать в принятии различных решений.

— *По Вашему мнению, это предполагает изменение режима или изменение системы?*

— Осуществление ряда фундаментальных реформ, даже если они не будут означать конец капиталистической системы.

— *Вы полагаете, что даже в рамках капиталистической системы рано или поздно предприниматели должны будут согласиться на контроль над ними и пойти на диалог с профсоюзами и с рабочими?*

— Я считаю, что, даже не уничтожив полностью капиталистическую систему, можно отнять у предпринимателей экономическую власть. При помощи национализации, не меняя коренным образом в ближайшем будущем всю систему, можно провести реформы, которые обеспечат возможности для проведения политики надежного социального прогресса и создадут условия для более коренного преобразования общества.

— *А пока, как Вы писали, «мы торгуемся с предпринимателями, но для того, чтобы подточить им зубы. Кусаться — это сама их натура. Настанет время, когда предпринимателей нужно будет уничтожить».*

— Не помню, чтобы я так говорил, но это довольно верное определение, хотя и несколько агрессивное. Нужно рассматривать его как образ, а не как тезис. В конце концов, хотя мы и противники, но, до тех пор пока общество остается тем, чем оно есть, приходится жить

вместе. Конечно, предприниматели будут и дальше лелеять мечту о том, чтобы мы превратились в послушных ягнят, увлеченных вдруг идеей классового сотрудничества. Мы же хотим, чтобы предприниматели исчезли и создалось более справедливое общество, где труд каждого будет действительно счастьем для всех. А пока мы представляем собой силу, они не могут с ней не считаться, так же как и мы не должны забывать, что они владеют средствами производства и держат в своих руках политическую власть. В рамках этого общества, нравится это или не нравится, нужно дискутировать и искать наилучшие решения, отвечающие интересам всех.

— *Человек, который был по другую сторону баррикады, а сейчас перешел на эту, то есть на сторону совместной программы — Жак Делор, — недавно сказал: «Сразу же после президентских выборов генеральный комиссар по планированию должен был бы собрать всех социальных партнеров, чтобы совместными усилиями поставить диагноз кризису. Нужно было бы посмотреть, по каким вопросам можно прийти к общему согласию, и, исходя из этого, решить, ,...что будем делать относительно цен, доходов, налогов, распределения богатств“»*. Считаете ли Вы подобную процедуру приемлемой?*

— Это утопия. Над взглядами этого человека довлеет его прошлое. Ведь в свое время он восхвалял «новое общество» Шабан-Дельмаса. Не может быть примирения между теми, кто сегодня планирует экономику, и теми, кто борется за совместную программу левых сил, которая предусматривает ряд коренных экономических реформ, направленных против плана, разработанного властью имущими и экономистами, стоящими на службе у буржуазии.

— *Мы как раз подошли к тому, что я назвал границами профсоюзной деятельности.*

— При рассмотрении основных направлений развития экономики сталкиваются две концепции: одна из них предусматривает укрепление существующей систе-

* "Le Nouvel Observateur", № 522.

мы, управление кризисом, в котором оказалась страна; другая же предлагает радикальные меры, направленные на ограничение власти крупного капитала, — меры, единственно возможные в нынешних условиях, которые действительно покончили бы с инфляцией, ростом цен, позволили бы удовлетворить социальные потребности трудящихся.

— Это как раз то, что мы говорили: речь идет о серии компромиссов, а социальный мир — иллюзия.

— Придется идти на компромисс до тех пор, пока это будет нужно. Однако сами эти компромиссы носят довольно ограниченный и недолговечный характер. Пока не произойдет коренных изменений, государство — хозяин и частные предприниматели постараются всякий раз правой рукой вернуть себе то, что профсоюзы вырвали у них из левой.

Кризис труда и кризис общества

— Считаете ли Вы, что можно что-то решить посредством реформы предприятия? В Германии профсоюзы сделали ставку на совместное управление; в Италии профсоюзы пошли на некоторое участие в делах предприятия в рамках так называемой «самоорганизации»; в Швеции синдикализм включен в социалистическую систему, которая не столь уж далека от нашего капиталистического строя.

— Нужно сначала договориться о значении слов. Реформа предприятия была предметом многочисленных дискуссий. Предпринимались попытки проведения переговоров хозяев с профсоюзными организациями. Но в том виде, как понимает ее господин Сюдرو*, — я беру самый последний пример — совершенно очевидно, что речь идет не о том, чтобы поставить под вопрос всевластие хозяев в управлении предприятиями. Мы, конечно, хотели бы управлять сами, что означает, как я это понимаю, управлять без хозяев. Но нам еще далеко до этого. В нашем современном обществе не может быть ни совместного управления, ни участия в управлении, следовательно, и никакой реформы предприятия на этом уровне. Если же речь идет о расширении прав трудящихся и профсоюзных организаций, об улучшении условий труда и жизни, мы готовы обсуждать эти вопросы

* Пьер Сюдру, бывший министр, которому президент В. Жискара д'Эстен поручил возглавить комиссию по изучению «реформы предприятия». — *Прим. ред.*

в любое время и с кем угодно, с хозяевами или правительством, в какой бы форме ни проходили подобные переговоры. В мае 1968 года мы далеко продвинулись вперед в завоевании профсоюзных свобод и добились их использования на предприятии. Однако нам остается еще многое сделать.

Некоторые предприниматели аплодируют комиссии Сюдро, а сами систематически нарушают действующие законы о профсоюзных свободах. Поэтому я вновь повторяю то, что уже сказал: нужно сначала договориться о значении слов. Если речь идет о том, чтобы дать трудящимся дополнительные возможности защищать свои права, мы согласны. Если же речь идет о создании условий для того, чтобы нейтрализовать или интегрировать трудящихся, привлекая их к управлению, задуманному в ущерб их интересам, мы на это не пойдем.

— *Вернемся к проблеме ассоциации, участия профсоюзных организаций в строительстве общества в капиталистической стране. Итальянцы, например, на заводах «ФИАТ» попытались найти средства борьбы против кризиса труда, в частности путем парцелляции труда при помощи «профсоюзной самоорганизации» и участия профсоюзов в самоорганизации на предприятии. Эту идею ВКТ решительно отбрасывает?*

— Да, но не заблуждайтесь: по существу, точка зрения ВИКТ* близка к нашей. Дело «ФИАТ» не так просто, как оно может показаться в свете комментариев, появившихся во Франции. В данном конкретном случае Итальянская федерация металлистов пошла на некоторые уступки, считая, что самоорганизация создает ей лучшие условия для защиты интересов трудящихся, в частности в области гарантии занятости. Так что это ни образец, ни цель.

Главный вопрос заключается в следующем: страдает ли наше общество от того, чем стал труд, или же труд страдает от того, чем стало общество. Противоречие, по-моему, заключается в том, что наше общество плохо устроено и что труд в большинстве случаев уродуют недостатки, пороки общества.

* Всеобщая итальянская конфедерация труда.

— *Все зло связано с чрезмерным применением принципов Тейлора**, который считал, что приспособляемость человека не знает пределов. Сегодня общеизвестно, что это неверно.

— В течение длительного времени тейлоризм представлял собой в идеологическом плане перспективу коренной реформы отношений между трудом и капиталом без перестройки общества. С тех пор была доказана несостоятельность этой теории. Но в странах, где профсоюзное движение продолжает придерживаться идеологической концепции, близкой или же непосредственно связанной с классовым сотрудничеством, борьба классов, которая не является каким-то умозаключением или же теоретизацией социальной жизни, остается реальностью.

— *Слепая вера в тейлоризм завела организаторов труда в тупик. Сегодня они это понимают. Последствия же остаются, как, например, парцелляция труда.*

— В конечном счете теории Тейлора имели своим следствием лишь углубление противоречия между трудом и капиталом. Наше общество, которое называют по нынешней моде индустриальным обществом, или же обществом потребления, является прежде всего капиталистическим обществом, основанным на эксплуатации меньшинством большинства. Но меньшинство численно сокращается, а большинство растет. В этих условиях характер производственных отношений между людьми тормозит производительные силы, которые быстро развиваются благодаря научно-техническому прогрессу. Это и составляет как раз то, что называется основным противоречием нашего общества — противоречием между трудом и капиталом, которое противопоставляет два класса, чьи интересы непримиримо антагонистичны. Это противоречие и объясняет реальность общественных отношений, основывающихся на борьбе классов. Поэтому утопией является любая идея ассоциации капитала

* Ф. Тейлор — американский инженер. Его теория, изложенная в книге «Научное управление производством», породила «тейлоризм», который В. И. Ленин охарактеризовал как «научную систему выжимания пота». — *Прим. перев.*

и труда или участия трудящихся в управлении делами, и даже согласия (согласие может иметь место между партнерами, преследующими общие цели; но в области общественных отношений не может быть согласия, поскольку нет общих целей у эксплуататоров и эксплуатируемых).

Если в некоторых странах профсоюзное движение продолжает еще придерживаться этой идеологии, оно сталкивается с большими трудностями. Как показывает опыт, берет верх антагонизм классов. Разумно предположить, что именно труд освободит в конце концов наше общество от кризиса, в котором оно находится. Потому следует исходить из этой прогрессивной перспективы.

— *Согласны ли Вы со следующими словами Жоржа Фридмана: «Труд оправдывает себя, когда трудящиеся видят, какие услуги он оказывает»*?*

— И да и нет, слишком пейтрально. Когда труд свободен от эксплуатации, трудящиеся могут видеть, какие услуги их труд оказывает обществу; но когда труд эксплуатируется капиталистами, трудящиеся видят главным образом те прибыли, которые извлекает капиталист. Следовательно, эта формула может иметь свое полное значение только в обществе, освобожденном от капиталистической эксплуатации.

— *А отчуждение? Для Маркса оно основывается главным образом на капиталистическом накоплении. Для современных психологов-немарксистов отчуждение определяется отношениями господства, которые существуют при всех режимах, во всех обществах и на всех крупных промышленных предприятиях.*

— Первой формой отчуждения является эксплуатация труда, получение прибыли от человеческого труда. Следовательно, даже если формы капиталистической эксплуатации эволюционировали в рамках современного промышленного общества, мысль Маркса правильна и актуальна.

* Où va le travail humain (Gallimard).

— Я хотел бы, чтобы Вы прокомментировали еще одно высказывание социолога: «Современный кризис цивилизации, который признают как сторонники либерализма, так и сторонники социализма, ставит перед нами единственный вопрос, действительно достойный ответа: почему мы работаем?»*

— В нашем обществе трудящиеся работают прежде всего для того, чтобы жить. Они вынуждены продавать свою рабочую силу как можно дороже, с учетом положения на рынке труда. Несмотря ни на что, я верю, что труд отвечает потребности человека, каковы бы ни были условия, в которых он работает. И то, что человек не может трудиться свободно, является социальной аномалией. Таким образом, труд обезображен в капиталистическом обществе, он не может достичь своего полного расцвета из-за той отчужденности, о которой мы говорили, и из-за невозможности для многих трудящихся до конца раскрыть свои таланты, свои способности, свое призвание. Одним словом, труд должен быть освобожден от оков капитализма, о котором будущее поколение будут говорить, что в масштабах истории речь шла об одном из последних пережитков примитивизма.

— В течение очень длительного времени труд являлся всего лишь необходимостью для того, чтобы существовать. Сегодня труд позволяет потреблять. Отсюда вопрос: чему служит дальнейшее развитие экономики? Кому оно служит?

— Это важный вопрос. По мере того как труд создавал богатства, у людей возникали новые потребности. Думаю, что этот процесс будет продолжаться. Чем больше труд создает богатств, чем больше наука создает возможностей для развития производительных сил, чем больше совершенствуются знания людей, тем больше растут потребности общества. Тем самым труд является основой развития общества, и, каковы бы ни были социальные условия и производственные отношения, он

* Denis Segrestin. Le travail dans l'entreprise et la société moderne. Hachette, Ouvrage collectif.

является основой и главным двигателем развития человечества.

— *А как крайность, в свете противоречий современного общества, можно ли допустить, что «предпочтение лени, неограниченное свободное время столь же приемлемы, как и труд во имя сверхпотребления»?* *

— Совершенно очевидно, что трудящийся человек испытывает не только желание потреблять как можно больше, но также и расширять свои знания. В таких условиях ясно, что научно-технический прогресс позволит сократить рабочее время и увеличить свободное время не для того, чтобы спать и есть, а для того, чтобы совершенствоваться и учиться. В этом состоит позитивная сторона прогресса.

— *Таким образом, Вы не допускаете выбора лени?*

— Лени не присуща человеку.

* Pierre Morin. Le travail dans l'entreprise et la société moderne. Hachette, Ouvrage collectif.

Можно ли говорить о новом рабочем классе?

— *Серж Малле в 1963 году, Ален Турен* в 1968 году и многие другие утверждали, что появился новый рабочий класс, включающий также служащих, инженеров и техников ведущих отраслей промышленности.*

— Вопрос этот уже широко обсуждался. Он затрагивает коренную проблему. Я думаю, что по данному вопросу высказывалось немало спекулятивных соображений теоретического характера, авторы которых стремятся смешать изменения, происшедшие в рабочем классе, в его составе, и эволюцию других слоев общества (в частности, категорий инженеров, административных кадров и техников, численность и, следовательно, роль которых в производстве непрерывно растет). Тем самым они совершенно очевидно пытаются поставить под вопрос основополагающее понятие исторической роли рабочего класса в развитии общества. Отсюда и идея нового рабочего класса (называемого некоторыми «новым историческим блоком»), в котором объединяются без разбора работники физического труда и работники умственного труда, причем, кстати сказать, забывается трудовое крестьянство. В этом «блоке» задача разработки революционной стратегии возлагается на интелли-

* Французские буржуазные социологи. — *Прим. перев.*

генцию. Другими словами, из этой теории вытекает следующий вопрос: остается ли противоречие между трудом и капиталом основным противоречием или, может быть, появилось другое противоречие — между наукой и капиталом. Сегодня три человека из четырех работоспособных получают заработную плату, а трое работающих по найму из пяти принадлежат к рабочему классу. Таким образом, в нашем обществе наблюдается увеличение числа рабочих, и с этим трудно не считаться. Это подтверждает историческую роль рабочего класса в развитии общества.

Я думаю, ни в коем случае нельзя, исходя из внутренней эволюции состава рабочего класса, отрицать его историческую роль. Марксисты всегда определяли рабочий класс в зависимости от той роли, которую он играет в производстве. Рабочим является человек, который производит прибавочную стоимость. Это научное понятие невозможно оспаривать. Впрочем, никто не может отрицать различий, существующих в социальной жизни — и в производстве, — между рабочим и инженером. Эти различия в положении в обществе, а также различия в выполнении определенных функций на производстве не могут не отразиться на их поведении. В наше время было бы затруднительно определить в теоретическом плане перегородки между физическим трудом рабочего высокой квалификации и умственным трудом техника — функции обоих включают значительную долю и физического и умственного труда. Любое такое определение было бы формальным, схематичным и даже догматичным. Если рассмотреть функции, которые выполнял рабочий очень высокой квалификации двадцать-тридцать лет назад, и функции, которые сегодня выполняет техник, можно заметить, что между ними наблюдается незначительная разница в их роли на производстве. Совсем другое дело — различие между простым рабочим и руководителем. Точно так же довольно трудно провести четкое разграничение между функциями, которые выполняет на производстве специализированный рабочий и служащий. Я считаю абсурдным утверждение, что специализированный рабочий является настоящим пролетарием, а служащая универмага принадлежит к мелкой буржуазии, в то время как специализированный рабочий получает более высокую зарплату.

— *То есть Вы отмечаете эту дискриминацию между промышленным рабочим и работником сферы услуг.*

— Я не утверждаю, что между ними нет никакой разницы. Я думаю, что, говоря о рабочем классе, трудно установить формальные границы. Здесь также следует избегать какого бы то ни было схематизма, спекулятивного теоретизирования. Роль рабочего класса, рассматриваемого в широком смысле слова, остается главным фактором, который определяет и будет определять развитие общества. В его составе произошли и будут происходить внутренние изменения, связанные с развитием общества, особенно с развитием науки и техники и их широким внедрением в современное производство. Категории трудящихся, которые по своей природе не могут быть приравнены к рабочему классу, как, например, инженеры, административные кадры и техники, развиваются в условиях современного капитализма в направлении, приближающем их к рабочему классу. Эти категории все больше осознают реальность классовой борьбы и на основе этого определяют свою позицию. Речь идет о сравнительно новом явлении. Было время, когда предпринимателям удавалось добиваться видимости некоего соучастия в управлении производством большинства этой категории лиц наемного труда. Ныне в связи с концентрацией производства, появлением крупных компаний и особенно многонациональных корпораций это положение изменилось. Чаще всего с инженерами, административными кадрами и техниками обращаются, как с обыкновенными наемными служащими, к которым проявляется, может быть, чуть-чуть больше уважения, но уважения, имеющего, однако, четкие границы. Их никогда не привлекают к определению направления деятельности предприятия. Их положение тем самым теряет былой престиж, становится все более похожим на положение остальных представителей наемного труда. И эта категория начинает все яснее ощущать узы, которые объединяют ее с рабочим классом. Вот почему за последние десять-пятнадцать лет произошла эволюция, которая не меняет понятий, касающихся исторической роли рабочего класса, но которая создает новые условия и значительно расширяет перспективы борьбы всех трудящихся.

— *Сказанное Вами об административных кадрах и техниках ставит важную проблему. Как может профсоюзное движение заниматься одновременно и равноценно интересами трудящихся и интересами административных кадров и техников, когда зачастую эти интересы не совпадают?*

— Как раз их интересы все более и более совпадают. В идеологическом плане, с чисто профсоюзной точки зрения можно иметь различное мнение относительно роли рабочего класса (в противоположность теории нового рабочего класса или «нового исторического блока»), и я признаю за каждым право иметь собственное мнение по этому вопросу. Но если учитывать место и тех и других в производстве и тот факт, что профсоюзная организация является по своей природе организацией, объединяющей всех трудящихся, то не может быть различий, а тем более дискриминации между рабочими, с одной стороны, и техниками, административными кадрами и инженерами — с другой.

— *Часто работников административного аппарата называли сторожевыми псами предпринимателей. Подчас это соответствует действительности.*

— Все менее и менее. Давно столкнувшись с этим явлением, ВКТ приложила все усилия для того, чтобы инженеры, административные кадры и техники могли занять свое место в профсоюзной жизни, учитывая одновременно специфичность их проблем, их требований, их устремлений и даже их профессиональных интересов. Было бы утопией и искусственным подлаживанием под рабочего, если бы мы потребовали от инженеров в качестве доказательства их искренности и доброй воли, чтобы они ущемляли себя с профессиональной точки зрения, отказываясь выполнять возложенные на них функции, или же пошли на неоправданную «уравниловку». Вот почему в ВКТ существует Всеобщий союз инженеров, административных кадров и техников, у которого своя собственная жизнь, своя программа, который сам определяет направления своей деятельности и в то же время следует общей линии ВКТ. Результаты исключительно обнадеживающие, потому что наш Союз инжене-

ров, административных кадров и техпиков стал самой представительной профсоюзной организацией этой категории трудящихся в масштабе всей страны.

— *То есть административные кадры находятся одновременно рядом с рабочим классом и внутри него?*

— Прекрасное определение.

— *Мне хочется противопоставить Вам Маркузе*. Маркузе говорил: «Рабочий класс уже не является революционным классом, потому что в нашем обществе изобилия легко парализовать сознание эксплуатируемых, продолжая развивать и удовлетворять потребности, которые увековечивают порабощение».*

— Этот тезис мне известен, но я считаю, что именно развитие потребностей определяет сознание и стремление к изменениям, следовательно революционный дух личности. Не было бы прогресса общества, наука и техника не развивались бы, если бы вдруг люди перестали испытывать потребности как материальные, так и культурные.

— *У вас свой взгляд на теорию. А Турен говорит примерно то же самое, что и Маркузе, только в другой форме. Наше общество совращает людей, манипулирует ими, поглощает их.*

— Еще одно отрицание прогрессивных идей (о чем мы говорили выше), показывающих, что наше общество несет в самом себе такие противоречия, которые оно не сможет преодолеть, поскольку капитализм давит на него, угнетает его; чтобы полностью расцвести, оно должно прежде взорваться.

* Герберт Маркузе (род. в 1898 г.) — известный буржуазный философ и социолог, родом из Германии. Его философские воззрения, отличаясь эклектизмом, отражают настроения леворадикальных мелкобуржуазных слоев капиталистического общества. В частности, он проповедует идею о том, что рабочий класс в развитых капиталистических странах утрачивает свою революционность. — *Прим. ред.*

— Взорваться... Прошу Вас прокомментировать еще одну цитату, а именно Жана Бюнеля: «Разве рабочий класс не взрывается под действием раскола между полами, поколениями, национальностями, уровнем квалификации и компетентности?»*

— Теория, заслуживающая солидной философской дискуссии. Она отрицает все то, что происходит в рабочем классе во всех затронутых здесь областях. Жизнь показывает нелепость этой концепции.

— Вы упомянули о крестьянах. До каких пределов может пойти рабочий класс? Кто союзники рабочего класса? Мелкие торговцы, крестьяне, армия, полиция?

— Нельзя же всех валить в одну кучу...

— Я и не хочу этого делать, а хочу лишь уточнить контуры возможных союзов.

— О некоторых категориях лиц наемного труда нельзя сказать, что они символизируют рабочий класс, как, например, некоторые категории государственных чиновников и, в частности, полицейские, учитывая функции, которые возлагает на них буржуазное государство и которые они сами все больше ставят под сомнение. Что касается армии, то это совершенно другая проблема. Полиция же, состоящая из государственных служащих, имеет свое место в профсоюзной организации лиц наемного труда. На армии всегда отражаются изменения, происходящие в обществе. Поэтому ее нельзя рассматривать (если только речь идет не об армии наемников, а об армии народа) независимо от развития народа и развития идей этого народа.

Вы говорите об объективных союзниках рабочего класса. Я действительно считаю, что социальные категории, живущие за счет своего труда (не будучи все лицами наемного труда) и являющиеся жертвами господства финансовых и экономических сил, имеют совпадающие интересы, которые оправдывают известный союз между ними. За последние годы произошли изменения,

* Le travail dans l'entreprise et la société moderne. Hachette, Ouvrage collectif.

которые позволяют говорить об определенном сближении рабочего класса с мелкими крестьянами, владельцами семейных хозяйств, как правило, не использующими наемных рабочих. То же самое можно сказать о торговцах, ремесленниках и представителях свободных профессий, которые начинают понимать, что их интересы и их будущее связаны с интересами и будущим рабочего класса, а не крупного капитала.

Владельцы мелких и средних предприятий находятся сейчас в довольно тяжелом положении. Однако большинство из них продолжают считать, что их интересы ближе к интересам крупного капитала, чем к интересам рабочего класса. Таким образом, мы не можем их считать естественными союзниками рабочего класса, поскольку они также участвуют в эксплуатации труда. Однако мы можем с уверенностью предсказать, что эти мелкие и средние предприятия в рамках существующей системы обречены на банкротство и исчезновение. И наоборот, благодаря тем экономическим реформам, за которые борются левые силы, у них появятся реальные шансы выжить.

— *Вернемся к армии, единственной категории, которая не имеет права объединяться в профсоюзы.*

— В программе ВКТ не записано право для военнослужащих объединяться в профсоюзы, хотя нельзя исключить, что такое право может быть предоставлено, в частности, кадровым военным. Вопрос, думаю, заключается в том, как в целом армия относится к важнейшим проблемам страны. Мне кажется, в армии наблюдается определенная эволюция прогрессивного характера, способствующая утверждению демократических идей, за которые мы боремся. Я имею в виду прежде всего молодых офицеров, не испытавших на себе влияния колониальных войн. Они часто служат военными инженерами, техниками, состоят в административных кадрах, имеют научно-техническую подготовку и не подвержены влиянию старых военных концепций.

— *А какую роль Вы отводите представителям интеллигенции в случае, если они не являются вождями нового рабочего класса?*

— Давайте оглянемся назад и проследим общую эволюцию нашей интеллигенции. За последние двадцать-тридцать лет произошли серьезные изменения, например, в мировоззрении преподавателей университетов и научно-исследовательских работников, то есть тех категорий интеллигенции, которые я лучше всего знаю. Выступления сотрудников радио и телевидения в конце 1974 года показали, насколько активно они включаются в профсоюзную, социальную и политическую борьбу. И это многое обещает на будущее. Точно так же, как и инженеры, техники, административные кадры, представители интеллигенции включаются в процесс, который сближает их с борьбой рабочего класса. Их позиции конкретизируются и позволяют трудящимся, которые всегда очень чувствительны ко всему тому, что исходит от интеллигенции, иметь еще больше оснований верить в будущее.

Профсоюзная борьба вчера и сегодня

— *Таким образом, в составе рабочего класса произошли изменения. Можно ли считать, что в то же самое время происходит эволюция причин социальных конфликтов?*

— Причин? Не очень!

— *Тогда характера?*

— Характера — да, а также форм. Формы профсоюзной борьбы меняются в зависимости от новых условий. Профсоюзы должны проявлять максимум реализма: учитывать проблемы безопасности и реакцию общественного мнения. Так, мы, железнодорожники, всегда были против прекращения пассажирского движения во время массовых отпусков. Не только из солидарности с теми, кто пользуется этим популярным видом транспорта, но также из-за опасения, что правительство может обратить общественное мнение против нас в момент, когда мы так нуждаемся в поддержке, солидарности и симпатии со стороны населения.

Это еще не все. Учитывая концентрацию производства и переплетение интересов могущественных капиталистических монополий с властью государственного аппарата, трудящиеся не только должны выдвигать общие требования, касающиеся зарплаты и условий труда,

но и координировать их, с тем чтобы сломить сопротивление коалиции правительства и хозяев. Вот почему в последние годы столь часты стали выступления в масштабе страны, направленные на удовлетворение общих для всех трудящихся требований.

Эта эволюция, характерная для Франции, наблюдается также в Италии, в Германии, Англии и Бельгии, что свидетельствует о сходстве условий профсоюзной борьбы, несмотря на все те различия, которые существуют в этих странах.

В наши дни стало немислимо замыкаться в так называемой «аполитичной» концепции синдикализма, потому что самые элементарные требования наталкиваются на глобальную экономическую политику, определяемую в масштабах всей страны государством и крупными предпринимателями. Профсоюзное движение вынуждено было обратиться и к проблемам политического характера, поскольку правительственная политика является главным препятствием на пути удовлетворения наших требований. Вот почему соглашение о единстве действий между ВКТ и ФДКТ не ограничивается только формулированием общих требований, но и дает оценку официальной политике, осуждает ее и призывает трудящихся к борьбе за ее изменение.

Наиболее показательным примером этой эволюции явилось решение трех крупнейших французских профцентров, ВКТ, ФДКТ и ФНО, поддержать единого кандидата левых сил Франсуа Миттерана.

Накопец, еще один аспект, который за последние годы приобрел большое значение: необходимость для профсоюзов широко информировать общественное мнение о причинах своих выступлений. Практически все средства информации находятся в руках правительства и предпринимателей. Профсоюзы же допускаются к ним редко. Вот почему требование предоставить нам равные возможности для информирования трудящихся и остальных граждан о существе нашей профсоюзной деятельности является сегодня важнейшим требованием и одним из основных условий расширения борьбы.

— *После Освобождения государственные служащие явились своего рода двигателем выступлений.*

— Может быть, они включались в борьбу более систематически, чем трудящиеся частного сектора, хотя подобное утверждение не должно носить категоричного характера. Это объясняется несколькими причинами: прежде всего тем, что после Освобождения условия жизни и труда трудящихся общественных служб и национализированного сектора ухудшились в большей степени по сравнению с условиями в частном секторе. Это объясняется также и тем, что профсоюзные организации в национализированном секторе располагают внушительными средствами для борьбы. Это может показаться противоречивым: если они располагают столь значительными возможностями, то почему не смогли добиться больших успехов в обеспечении своих прав? Потому что в этом случае уже давно мы имеем дело с хозяином — государством, которое, находясь на службе крупного капитала, оказывает нам ожесточенное сопротивление. Государство может позволить себе роскошь доводить за счет налогоплательщиков конфликты до забастовок, чего стремятся избегать предприниматели частного сектора, более склонные к уступкам.

— *Некоторые недавние конфликты приняли оригинальные формы, например, на часовом заводе «Лип».*

— Да, действительно, это оригинальная форма, но ее нельзя рассматривать как универсальный образец. То, что оказалось возможным на заводе «Лип» и некоторых других предприятиях, где была использована та же самая тактика (например, на мебельных фабриках и предприятиях готового платья), нельзя применить в конфликте в авиационной промышленности или же в конфликте команды парохода «Франс». Таким образом, не следует обобщать или идеализировать формы действий, примененные на заводе «Лип». Их можно только приводить в качестве примера изобретательности профсоюзов и трудящихся. Их борьба произвела большое впечатление на общественное мнение, вызвала симпатию — что очень важно — рабочих и служащих других предприятий. Это позволило трудящимся «Лип» выдержать длительную борьбу. На заводе «Рато» в Курпёв формы действий были другими.

— Но и там они были оригинальными.

— Да, инициатива сыграла там свою роль, и результаты были положительными.

— На примерах выступлений на предприятиях «Лип» и «Рато» можно констатировать, что профсоюзное движение совершенствует формы борьбы.

— Вы заметили, что в обоих случаях трудящиеся и их профсоюзные организации стремились вынести конфликт за пределы предприятия и обратиться за поддержкой к общественному мнению. Социальные конфликты принимают в настоящее время политическое звучание. Поиск такой поддержки вполне понятен и оправдан, он предпринимается для того, чтобы оказать давление на правительство и хозяев.

— В случае «Лип» наблюдалась еще одна особенность: руководил забастовкой стачечный комитет.

— Это явилось предметом спора между ВКТ и ФДКТ. Разумеется, не по вопросу о существовании самого стачечного комитета, а потому, что в комитет, несмотря на возражения профсоюза ВКТ (он в меньшинстве на предприятии), вошли посторонние элементы, участие которых в руководстве борьбой было ничем не оправданным.

— И, несмотря на успех забастовки...

— Относительный успех!

— И, несмотря на относительный успех забастовки на заводе «Лип», Вы не считаете эту форму приемлемой?

— ФДКТ считает сейчас, как и мы, что в руководстве борьбой, как об этом говорится в соглашении о единстве действий, опубликованном нами в июне 1974 года, ответственность возлагается только на профсоюзные организации. Мы отвергаем всякое вмешательство извне.

— *В последние годы низовые профсоюзы проявляют гораздо больше инициативы в организации выступлений. То же относится и к молодежи (например, выступления рабочих на заводе «Рено» в Ле-Мане в 1971 году, служащих Лионского кредита в мае 1974 года и работников связи осенью 1974 года).*

— Кое-кто нередко открывает в профсоюзном движении то, что всегда в нем существовало. ВКТ всегда, в частности в последние годы Четвертой республики, настаивала (в противоположность другим профсоюзным организациям) на том, чтобы местным отделениям профсоюзов и их секциям на предприятиях предоставлялась самая широкая инициатива, что создавало наилучшие возможности для сознательного участия членов профсоюзов и всех трудящихся в борьбе. За время работы в профсоюзах я стал свидетелем многочисленных проявлений подобной инициативы. Сколько раз я участвовал в выступлениях, решение о которых не было принято в верхах! Сколько раз в Федерации железнодорожников я принимал участие в конфликтах локального характера.

После этого уточнения небесполезно напомнить, что на некоторых предприятиях, где профсоюзное движение слабое или же его вообще не существует, бывают конфликты, возможность возникновения которых трудно было и предположить и которые лишней раз должны привлечь наше внимание к собственным недостаткам. Нередко случается, что трудящиеся объявляют забастовку, не имея профсоюзной организации. Они посылают делегацию на Биржу труда, чтобы сообщить нам о случившемся и спросить, что делать дальше (как написать листовки, как начать переговоры с хозяином...). Эти примеры, хотя и носят исключительный характер, хотя и свидетельствуют о наших организационных недостатках, показывают, что боевой дух трудящихся и их решимость защищать свои права велики. И это не может не вселять в нас оптимизм.

— *Таким образом, Вы поддерживаете инициативу низовых организаций и выступаете против чрезмерной централизации.*

— Я, по мере возможности, против централизации борьбы и систематических мероприятий, проводимых по

указанию сверху. Я думаю, что неизмеримо большего стоят сознательные выступления трудящихся, понимающих всю ответственность своих действий, чем просто отклик на лозунги, исходящие сверху, чем элементарная дисциплина и слепое доверие.

— *С 1968 года наблюдается возврат к практике занятия заводов, практике, от которой отказались примерно в 1948 году.*

— От нее никогда не отказывались, но действительно, в 1968 году она получила широкое распространение. Если бы выступления не сопровождалось занятием заводов, процент бастующих не был бы столь высоким, забастовка не приобрела бы такого значения и оставалась бы возможностью для всякого рода провокаций.

— *Однако с 1968 года заводы занимают гораздо чаще, чем раньше.*

— Верно, 1968 год вновь активизировал эту форму борьбы. Однако и здесь мы не сторонники повсеместного ее распространения. Во всяком случае, трудящиеся должны рассматривать занятие завода как эффективную форму борьбы при условии, что она опирается не на меньшинство, а на большинство. Часто желательно, чтобы трудящиеся оставались на заводе не только для того, чтобы занять его, но и для того, чтобы обеспечивать сохранность оборудования, безопасность.

— *ВКТ против насильственного задержания представителей администрации на предприятиях. Однако так случается, и с этим нужно считаться.*

— Мы против этого по принципиальным соображениям. Мы никогда не пытались делать из представителей администрации козлов отпущения и перекладывать на них ответственность, которую несут хозяева. Мы всегда осуждали любые действия, где административных работников смешивали с хозяевами. Нельзя ошибаться мишенью. Случалось и будет случаться, когда слишком усердные административные кадры навлекают на себя гнев трудящихся и когда в пылу дискуссий

их задерживают на некоторое время в их же кабинетах. Иногда это паыывают «секвестрацией» (насильственным задержанием), но, конечно, это сказано слишком сильно. А некоторые начинают уже думать о насилии. Не следует преувеличивать значение такого рода инцидентов. Однако подобные действия могут и дискредитировать нашу борьбу перед лицом общественного мнения, вызвать колебания у адмиинистративных работников. А ведь их сознание, хотя и очень медленно, меняется в пользу участия в борьбе рабочего класса. Не следует делать ничего такого, что могло бы затормозить эту эволюцию.

— *В отношении административных кадров Ваш ответ ясен. А что касается секвестрации предпринимателей?*

— В нынешних условиях секвестрация не может быть приемлемым средством. Мне известно очень немного случаев, когда секвестрация хозяина приводила к значительным результатам. Как правило, дело кончается вмешательством полиции, а требования так и оставались неудовлетворенными. Я считаю, что гораздо более важным и эффективным является участие всех трудящихся в борьбе, а не акция задержания предпринимателя на заводе в течение какого-то времени.

— *Лет двадцать назад, а потом во время алжирской войны ВКТ призывала к прекращению работы под чисто политическими лозунгами. Было это вызвано обстоятельствами или же вообще меняется стратегия?*

— Нельзя утверждать, что после алжирской войны ВКТ уклонялась от действий, носивших политический характер.

— *Она занимала определенную позицию в связи с выборами, но она не призывала к уличным демонстрациям или же прекращению работы по чисто политическим соображениям.*

— Этого не позволяли обстоятельства. Однако многократно мы призывали трудящихся к выступлениям в защиту свобод, против войны во Вьетнаме, против фа-

шистского путча в Чили, в поддержку борьбы наших братьев в Испании. Не забывайте также, что, как и ФДКТ и ФНО, мы являемся членами Национального комитета в защиту свободы, объединяющего около сорока организаций.

Фактически Вы задаете вопрос о различных формах борьбы. Многие, конечно, признают только забастовку. А ведь она является лишь крайним средством. Наряду с абсолютной пассивностью, проповедуемой аполитичным синдикализмом, и прекращением работы, существует целый ряд других форм борьбы: сбор подписей под петицией, посылка делегации к хозяину, собрания, уличные демонстрации, замедление производства, выступление против того или иного правительственного проекта, противоречащего интересам трудящихся, поддержка на президентских выборах кандидатов, выдвинутых левыми партиями... Таким образом, профсоюзная деятельность принимает в определенных условиях чисто профессиональный характер, а в других — политический. Вы видите, что она носит весьма разнообразный характер в нашей стране.

— *Как воздействует общество потребления на боевитость трудящихся: увеличивая их потребности потреблять, то есть умножая в конечном счете причины для неудовлетворенности или же, наоборот, побуждая к осторожности трудящегося-потребителя, попавшего в ловушку (например, посредством кредита)?*

— Кредит — явление, которое длительное время отрицательно сказывалось на боевитости трудящихся. Впрочем, и продолжает сказываться, хотя и не в такой степени, чтобы полностью отвлечь от борьбы трудящихся, вынужденных прибегать к кредиту как средству решения своих материальных трудностей. В конце концов, плохо, если потребности не могут быть удовлетворены без кредита. Но поскольку нет другой возможности, я не думаю, чтобы кредит являлся большим препятствием для развития борьбы рабочего класса.

— *Не считаете ли Вы, что современное общество подрывает, ослабляет боевитость трудящихся?*

— Я продолжаю считать, что рост потребностей, не только материальных, разумеется, в значительной степени влияет на эволюцию сознательности и боевитости.

— Таким образом, можно говорить о преемственности форм борьбы рабочего класса, а не о новых формах борьбы, как это утверждают некоторые.

— Имеется преемственность в том, что касается коренных причин борьбы. Формы не изменились существенно, они развивались в соответствии с новыми условиями жизни, о которых мы только что говорили.

— Мы наблюдаем в настоящее время значительный рост безработицы. Как она влияет на боевитость?

— Во все времена считалось, что безработица демобилизует рабочий класс, даже деморализует его. В определенной степени это верно и сегодня. Трудящиеся, которым грозит безработица, отчетливо представляют себе всю тяжесть такой перспективы. Безо всякого сомнения, это отражается на их решимости действовать и участвовать в крупных выступлениях. Но я не думаю, что это обстоятельство следует сегодня расценивать так же, как пятнадцать-двадцать лет назад. В самом деле (и в этом состоит одна из особенностей развития условий профсоюзной борьбы), недавние крупнейшие выступления были как раз и вызваны угрозой увольнения или же закрытия предприятий («Лип», «Рато», «Титан — Кодер», «Франс», «Анноне», «Нео-Гравюр», ОРТФ* и так далее). Эти примеры показательны. Перед лицом угрозы увольнений трудящиеся не отступают. Они эффективно противодействуют замыслам хозяев и часто добиваются успеха. Такие выступления играют роль стимулятора для развития всей профсоюзной борьбы.

* Управление французского радиовещания и телевидения. — *Прим. ред.*

Рабочий класс и положение в мире

— Нет ли риска в том, что борьба, которую трудящиеся ведут у себя в стране в национальном масштабе, будет проиграна в плане международном? Ведь производственные потери, вызванные забастовками в одной стране, могут быть компенсированы предпринимателями за счет расширения производства в других странах. Как известно, многонациональные корпорации развиваются. Шарль Левинсон * считает, что лет через десять триста-четырееста крупных компаний будут контролировать более трех четвертей всего производства капиталистического мира.

— Интернационализация производства — важный вопрос, с которым сталкивается международное профсоюзное движение. Интернационализация происходила в соответствии с законом нормальной экономической эволюции, прошла очень долгий путь развития и сегодня приняла значительные масштабы. Это выражается в существовании могущественных международных объединений, которые стремятся к господствующему положению в целых отраслях производства. Безусловно, это явление ставит перед профсоюзами серьезные проблемы. По-моему, нет нужды опасаться, что интернационализация производства помешает отношениям между профсо-

* Президент Международной федерации трудящихся химической промышленности.

юзными организациями и трудящимися. Эта эволюция производства в международном масштабе, появление экономических и финансовых мастодонтов ставит перед профсоюзными организациями новые задачи, от которых ни один последовательный профсоюзный деятель не может уйти.

— Я имел в виду не трудности внутри профсоюзных организаций, а ослабление и снижение эффективности их деятельности в национальном плане.

— Нельзя произвольно разделять национальные и международные задачи профсоюзных организаций. К тому же концентрация производства происходит не только на международном, но и на национальном уровне. Следует помнить, что во всех современных промышленно развитых странах значительно возросла роль государственных органов. Их деятельность переплетается с деятельностью национальных и многонациональных компаний. Поэтому в условиях того, что по нашей терминологии называется «государственно-монополистическим капитализмом», то есть при сочетании экономической мощи крупных национальных и международных капиталистических групп и государственного аппарата, функционирующих в известном смысле как единый механизм, требования трудящихся все более приобретают общенациональный характер и адресуются во все большей степени непосредственно этой коалиции. Вот почему в отличие от методов борьбы, применявшихся лет двадцать-тридцать назад, во Франции и в других капиталистических странах все чаще наблюдаются массовые выступления, преследующие общие для всех трудящихся цели. И все это, конечно, выходит за национальные границы. Некоторые требования (заработная плата, условия труда, социальное обеспечение, пенсии, положение рабочих-иммигрантов и так далее) становятся общими для трудящихся нескольких стран. Это очень верно в отношении Европы, где общность интересов трудящихся проявляется столь очевидно, что она становится важным элементом в деле налаживания сотрудничества профсоюзов, единства действий в масштабах Западной Европы.

— *Какую позицию занимает ВКТ в отношении многонациональных корпораций? Чем они являются для ВКТ?*

— Многонациональные корпорации используют в своих интересах неравномерность развития различных стран, любые ненормальности экономической жизни. Они пользуются финансовыми и налоговыми льготами, которые предоставляют им государства, проводящие угодную им политику. Тем самым им удастся эксплуатировать трудящихся нескольких стран сразу. В результате их деятельность ведет к сохранению и обострению социального неравенства и несправедливости. Повсюду, где обосновываются многонациональные корпорации, они стремятся извлечь максимальную прибыль за счет жестокой эксплуатации трудящихся, пренебрегая человеческими возможностями и зачастую даже социальным законодательством, действующим в данной стране. В счет идет только рентабельность капитала. Они переводят то или иное предприятие из одной страны в другую, если это сулит им выгоду, не считаясь с последствиями этой меры для трудящихся, в частности в области занятости. Помимо этого, им очень часто удается получать помощь от правительств, государств, что опасно ущемляет экономическую, а в конечном счете и политическую независимость тех стран, где действуют данные корпорации. Государства целиком превращаются в сообщников монополий.

Наиболее ярким примером такого почти безраздельного влияния на весь капиталистический мир является деятельность гигантского международного нефтяного картеля, в котором господствуют американские интересы. Речь идет, таким образом, о проблеме, которая касается интересов не только трудящихся, но и интересов наций в целом. Думаю, что все нации, стремящиеся оградить свои жизненные интересы, должны будут принять необходимые меры по ограничению деятельности многонациональных компаний и прибегнуть с этой целью к определенному принуждению, чего до сих пор монополиям удавалось благополучно избегать.

Конечно, существование многонациональных корпораций значительно облегчает внедрение в производство передовой технологии, что в свою очередь позволя-

ет выпускать самую современную продукцию. Но с другой стороны, если продукция целой отрасли перестала вдруг находить сбыт, то, наоборот, происходит резкое сокращение производства. В деятельности многонациональных корпораций есть и такие негативные стороны, которые могут привести в некоторых странах к последствиям поистине драматическим: например, переманивание специалистов и организация утечки мозгов. Франция испытывает большие трудности, пытаясь удержать своих ученых, специалистов. Их утечка создает определенные проблемы перед развитием нашей экономики, перед сохранением нашей экономической независимости и, следовательно, нашей национальной независимости.

Многонациональные компании продолжают разрастаться, накапливаются громадные капиталы во всем мире. Это сверхнакопление капитала является одной из основных причин инфляции, свирепствующей в капиталистических странах, и нарушения их платежных балансов, в частности во Франции. И здесь очевидна пагубная роль многонациональных компаний.

Французский капитализм не располагает достаточной конкурентоспособностью на международной арене. Он отстал от других капиталистических стран в завоевании позиций в многонациональных корпорациях. В самой Франции возникло не так уж много многонациональных компаний. Если я не ошибаюсь, Франция занимает в этом плане лишь седьмое или восьмое место после США, Великобритании, Японии, Италии, ФРГ, а может быть, даже и Швейцарии.

Но природа многонациональных компаний вредна лишь постольку, поскольку смысл их существования основывается на накоплении частных прибылей. Вполне допустимо, что некоторые международные компании могли бы и не иметь черт, присущих капитализму, отвечали бы современным экономическим потребностям в мировом масштабе и интересам страны, где они действуют. Пример тому — национальное общество заводов «Рено». Это доказывает, кстати сказать, что национализированное предприятие может прекрасно приспособиться к развитию мировой экономики и занять в ней свое место...

— ...и быть компаньоном частных фирм...

— ...и заключать всевозможные соглашения с учетом экономической реальности, от которой нельзя абстрагироваться. Национальное общество «Рено» является конкретным примером того, как национальное предприятие может вырасти до международных масштабов и играть значительную роль в интересах своей страны. Нетрудно догадаться, какие недобрые намерения в отношении «Рено» вынашивают другие автомобилестроительные фирмы, которые хотели бы, конечно, отделаться от такого сильного конкурента на мировом рынке, а заодно ликвидировать опасный для других стран пример успешной деятельности национализированного предприятия. Можно представить себе, какому давлению должно подвергаться французское правительство, а оно, к сожалению, достаточно уязвимо. В этой связи большое беспокойство за судьбу общества «Рено» вызывает субсидия, предоставленная правительством фирме «Ситроен» (что означает скрытую субсидию фирме «Мишлен»). Принимая во внимание ожесточенную конкуренцию на мировом автомобильном рынке, я считаю, что наилучшим решением было бы передать национальной фирме «Рено» полную монополию на производство французских автомобилей. Только такая национализация позволила бы нашей стране сохранить свои позиции в этом секторе. Но конечно же, не такова политика нынешнего правительства; думаю, что как раз наоборот, следует опасаться новых трудностей, если ничто не изменится. Все сказанное в отношении автомобилестроения, на мой взгляд, становится все более и более верным и в отношении черной металлургии.

— Свою деятельность многонациональные компании осуществляют также и в социалистических странах.

— Верно, и это вызывает многочисленные дискуссии, так как речь идет о сравнительно новой проблеме.

Совершенно очевидно, что по мере того, как у социалистических стран появляются новые возможности для развития экономического, научного и технического сотрудничества даже с капиталистическими странами, заключаемые на государственном уровне соглашения

предусматривают сотрудничество и с частными фирмами. Существование национального общества заводов «Рено» является в капиталистическом мире исключением. Следовательно, именно частные фирмы, а в некоторых случаях и многонациональные компании отвечают на запросы социалистических стран. Некоторые виды современного оборудования и технологии, которыми социалистические страны пока не располагают, они получают из капиталистических стран, то есть от компаний, располагающих данным оборудованием, а часто обладающих даже монополией на него. Не должны ли в подобных условиях социалистические страны во имя международной рабочей солидарности бойкотировать капиталистические многонациональные компании и отказываться от расширения своего производства? Это было бы абсурдно. Встать на эту точку зрения означало бы требовать от социалистических стран отказа от идеи экономического, технического и научного сотрудничества с капиталистическими странами. Это противоречило бы идеям мирного сосуществования, сотрудничества между государствами с различным общественным строем, означало бы тем самым отказ от углубления международной разрядки.

Следует иметь в виду, что многонациональные корпорации по-разному действуют в социалистических и капиталистических странах. Когда в соответствии с экономическими соглашениями трудящиеся капиталистических стран работают некоторое время в социалистических странах и наоборот, то могут, конечно, возникнуть проблемы, связанные с защитой их интересов. Для решения этих проблем необходимы консультации между профсоюзами заинтересованных стран. Мы должны добиваться для наших профсоюзных организаций, в том числе и тогда, когда речь идет об экономических соглашениях между социалистическими и капиталистическими странами, права высказать о них свое мнение еще на стадии разработки таких соглашений. Мы должны добиваться, чтобы правительства и предприниматели брали на себя решение всех социальных проблем. Пока же нам приходится вмешиваться уже постфактум, что всегда сопряжено со значительными трудностями.

Если говорить о коренном изменении самой природы капиталистических многонациональных компаний, то я

не думаю, чтобы это зависело от социалистических стран. Это зависит от действий трудящихся капиталистических стран. Например, если нам удастся реализовать во Франции совместную программу левых сил, то некоторые французские капиталистические компании международного масштаба станут крупными национализированными предприятиями, способными вести дела на международном уровне, как, например, «Рено», Объединение электроэнергетической промышленности, Национальное общество железных дорог, Объединение угольной промышленности. Убежден, что, если бы социалистические страны имели возможность выбора между национализированными многонациональными компаниями и капиталистическими для удовлетворения своих экономических, технических и научных потребностей, они выбрали бы при равных условиях цен и обслуживания национализированные предприятия, хотя бы из солидарности с борьбой демократических сил соответствующих стран.

— *Социалистические страны и многонациональные компании заключают соглашения, предусматривающие не только развитие передовой промышленности и техники. Сошлюсь, в частности, на недавнее соглашение между Советским Союзом и фирмой «Кока-Кола».*

— Думаю, что речь идет, скорее, об удовлетворении некоторых потребностей населения. Социалистические страны увидели возможность быстрее удовлетворить некоторые потребности населения в области, в которой они не располагали соответствующей промышленной инфраструктурой. Довольно интересная деталь: в социалистических странах потребляется весьма внушительное количество кока-колы. Не думаю, чтобы это имело какие-либо отрицательные последствия. Я, впрочем, заметил, что молодежь социалистических стран удивляется, когда узнает о происхождении кока-колы. Она убеждена, что речь идет о традиционном национальном напитке.

— *Предпринимателей объединяет одна общность интересов, трудящихся — другая. Иногда создается впечатление, что в международном плане предприниматели организуются с большим успехом, чем трудящиеся.*

— Этот вопрос нас, конечно, волнует. Мы вынуждены констатировать, что согласованности действий правительств и предпринимателей Западной Европы, хотя они и не свободны от противоречий, трудящиеся пока еще не могут противопоставить такую координацию их собственных действий, такую сплоченность, какие абсолютно необходимы для решения важнейших человеческих и социальных проблем, стоящих во всех капиталистических странах Европы. Однако нельзя утверждать, что положение не меняется, что профсоюзные организации Западной Европы не продвигаются вперед по пути сплочения. Уже давно ВКТ и итальянская ВИКТ (обе эти западноевропейские профсоюзные организации являются членами Всемирной федерации профсоюзов)* тесно сотрудничают в борьбе за единство. В том же направлении выступают и другие организации. Постепенно стали вырисовываться новые перспективы для совместных действий профсоюзов. Что касается нас, то мы установили множество контактов прежде всего на уровне отраслевых профсоюзов (именно на этом уровне требования всегда ставятся острее, и, следовательно, настоятельнее всего выступает необходимость единства действий), расширяются поочередно контакты и на уровне профцентров. Помимо прекрасных отношений с ВИКТ, нам удалось установить систематические, регулярные контакты с другими профцентрами — Бельгии, Люксембурга, Англии и ФРГ.

— *Создание Европы профсоюзов пока еще далеко от реализации.*

— Как раз из этих контактов, из этой эволюции, а также из насущных потребностей профсоюзной борьбы рождаются перспективы более организованного сотрудничества европейских профсоюзов. Так, профсоюзные организации стран Европы, входящие в Международную конфедерацию свободных профсоюзов, решили создать европейскую профсоюзную организацию, которая называется Европейской конфедерацией профсоюзов (ЕКП). Ее создание мы рассматриваем как серьезную основу

* Перед IX Всемирным конгрессом профсоюзов, проходившим в апреле 1978 года, ВИКТ вышла из ВФП. — *Прим. ред.*

для сближения и, может быть, объединения профсоюзов, их сотрудничества и постоянного единства действий, абсолютно необходимых для трудящихся. Мы сразу же заявили о своей готовности сотрудничать с этой организацией и стать ее членом, если это позволят обстоятельства. Товарищи из ВИКТ поступили точно так же. Замечу в скобках для уточнения, что мы всегда выступали за согласованные действия, за совместные инициативы ВКТ и ВИКТ, так как мы считаем, что это наиболее эффективное средство для осуществления наших общих идей и целей. По причинам, которые связаны с особенностями их деятельности и их специфическими проблемами, наши товарищи из ВИКТ предпочли действовать самостоятельно. Поддержанные другими итальянскими профсоюзными организациями, вместе с которыми они создали федерацию (ставшую постоянным органом по обеспечению единства действий в Италии), они подали заявление о приеме их в члены Европейской конфедерации профсоюзов и были приняты в июле 1974 года. Мы высказали свое мнение, подчеркнув, что в любом случае мы хотели бы стать членом ЕКП на тех же условиях, что и остальные организации, и чтобы нам не предъявлялось никаких особых требований. В частности, это касается нашей международной профсоюзной принадлежности. Вопрос о приеме остается открытым.

Вместе с тем мы не принадлежим к числу тех, кто видит будущее профсоюзного движения в Европе только через призму западной части нашего континента. Мы всегда выступали против Европы блоков. Мы тем более против этого в профсоюзной области. Создание в Европе двух профсоюзных движений, западного и восточного, противоречило бы интересам трудящихся и традициям международной рабочей солидарности. Конечно, перед профсоюзами стоят специфические социально-экономические проблемы в зависимости от того, ведут они работу в условиях капитализма или в условиях социализма, но для рабочей солидарности, а следовательно, и профсоюзного сотрудничества не должно быть барьеров, воздвигаемых социальными системами. Я считаю, что будущее европейского профсоюзного движения — в создании единого профцентра, объединяющего всех трудящихся нашего континента.

И потом, кто может исключить возможность постепенного перехода Франции или другого государства — члена Европейского экономического сообщества к социализму? Согласитесь, что эта гипотеза существенно изменила бы положение в капиталистической Европе.

— *Перед лицом многонациональных компаний, и в частности европейских групп, не является ли Европейская конфедерация профсоюзов лишь конфедерацией на бумаге?*

— Должен сказать, что пока ЕКП только начинает свою деятельность и еще не выступила с большим числом инициатив. Главное в ее деятельности заключалось пока в разработке устава, программы, в ответах на вопросы, которые ставило европейское профсоюзное движение, и в рассмотрении заявлений о приеме различных организаций, в частности являющихся членами Всемирной конфедерации труда (в которую входит ФДКТ, ставшая недавно членом ЕКП). Эта предварительная стадия дискуссий, подготовительной работы, консультаций не сопровождалась конкретными начинаниями. Мы, ВКТ, упрекаем ее в этом. Конечно, не будучи ее членом, мы все же полагаем, что можно было бы быстро предпринять ряд инициатив, общих для всех профсоюзных организаций Европы, так как нельзя терять времени, мы его и так слишком много потеряли.

Если, как мы можем надеяться, ЕКП обеспечит подлинное единство, без всякой дискриминации, всех европейских профсоюзных организаций, за исключением тех, которые контролируются фашистскими диктатурами *, мы сможем обеспечить объединение всех составных частей европейского профсоюзного движения в рамках единой международной организации. И тогда не будет никаких оснований для того, чтобы подвергать сомнению конкретные возможности такой организации играть важную роль и выполнять возлагаемые на нее обязанности. Безусловно, ЕКП сможет осуществить целый ряд идей, за которые уже давно борются многие национальные профсоюзные движения, в том числе и ВКТ. В рам-

* Последняя фашистская диктатура в Европе была свергнута в Португалии в 1974 г. — *Прим. перев.*

ках Европейского экономического сообщества и в рамках Экономического и социального совета, где представлены профсоюзные организации (но где до сих пор они действовали разрозненно), мы сможем иметь, благодаря ЕКП, сплоченную единую группу трудящихся, которая будет выступать с общими инициативами при поддержке всех профсоюзных организаций.

— *Но путь еще долг!*

— За последние месяцы мы значительно продвинулись вперед. Деятельность группы трудящихся в Экономическом и социальном совете существенно опережает деятельность ЕКП. Таким образом, есть все основания, чтобы быть оптимистом на ближайшее будущее. Я считаю также, что ЕКП могла бы взять на себя инициативу по заключению соглашений на предприятиях международного характера. В отношении многонациональных компаний нельзя больше довольствоваться соглашениями по отдельным предприятиям или отраслям промышленности в национальных рамках, игнорируя то, что происходит на таких же предприятиях в других странах, где действуют эти компании. Мы должны проделать огромную работу, провести серьезные исследования, с тем чтобы разработать, например, коллективные соглашения для целой международной группы. Конечно, это не решило бы всех вопросов, потому что в каждой стране существуют положения законодательного и социально-профессионального характера, которые должны соблюдаться многонациональными компаниями, хотя эти последние постоянно стремятся их нарушать. Но в конце концов по ряду крупных вопросов (заработная плата, условия труда, социальные права, профсоюзные свободы) представляется возможным в рамках единой крупной корпорации добиться удовлетворения требований трудящихся и заключить соглашения, которые могли бы облегчить профсоюзную деятельность во всех отраслях и на всех предприятиях этого объединения.

— *Поскольку Европейское экономическое сообщество появилось недавно, в какой-то мере объяснимо, что для создания Европы профсоюзов не было еще ни возможности, ни времени. Но и в более широком плане мож-*

но констатировать, что на международном уровне, если исключить деятельность Международной федерации трудящихся химической промышленности, международная солидарность проявляется не столь часто.

— Международную федерацию трудящихся химической промышленности нельзя приводить в качестве образца единства профсоюзных действий, так как значительная часть трудящихся этой профессии и их профсоюзных организаций не являются ее членами. Даже в этой области многое нужно еще сделать. Конечно, мы отстали. Крайне необходимо, чтобы профсоюзные организации и все члены профсоюзов избавились от наслоений прошлого, от пережитков раскола в международном профсоюзном движении, в основе которого лежат политические причины. У профсоюзного движения есть обязанности по защите интересов трудящихся, выходящие за пределы той или иной страны. Нужно перевести профсоюзные часы всего мира на наше время. Я считаю, что это неизбежно произойдет в любом случае. Развитие в этом направлении можно задержать, всячески мешать ему. Враждебные силы, в частности силы, стоящие на стороне крупнейших капиталистических объединений, могут пытаться заполучить сообщников даже в профсоюзном движении, с тем чтобы затормозить продвижение вперед. Но в конечном счете интересы трудящихся неизбежно восторжествуют, несмотря на все препятствия.

— *Несмотря на очевидный и продолжающийся международный профсоюзный раскол, Вы считаете, что международная солидарность возможна?*

— Я убежден, не субъективно, а с учетом повседневной действительности, что международная рабочая солидарность в том виде, как она всегда существовала в мире (ее живым символом всегда были, несмотря на различные трудности, традиционные первомайские демонстрации), должна восторжествовать над всеми раскольническими и диверсионными маневрами, потому что солидарность всегда была присуща миру труда. Иногда говорят о конкуренции между трудящимися различных стран. Этого нельзя отрицать. Однако ни в коем случае

ее нельзя сравнивать с тем, что происходит между крупными частнокапиталистическими объединениями и даже между многонациональными компаниями, которые, хоть и заключают между собой соглашения, ведут ожесточенную войну за рынки и экономическую и политическую гегемонию в мировом масштабе. И наоборот, что касается трудящихся, то среди них преобладает тенденция к солидарности, основывающейся на общности интересов людей, которых часто эксплуатируют одни и те же международные предприниматели. Эта солидарность все больше и больше утверждается. Трудящиеся являются единственной социальной категорией, которая может обеспечить международное сотрудничество, основанное на подлинной общности экономических и социальных интересов.

— Не думаете ли Вы, что международные профсоюзные организации рискуют стать, наподобие ООН, громоздкими механизмами, необходимыми, но сравнительно малоэффективными?

— Международные профсоюзные объединения подразделяются на две крупные категории: те, которые придерживаются реформистской концепции профсоюзного движения (хотя мне это слово и не представляется правильным. Я предпочитаю сказать: придерживаются концепции классового сотрудничества, возможности согласия между хозяевами и трудящимися), и те, которые придерживаются более революционной концепции классовой борьбы (и среди них Всемирная федерация профсоюзов, членом которой мы являемся). Хотя и верно, что существуют серьезные трудности, кажется, непреодолимая пропасть разделяет, например, Всемирную федерацию профсоюзов и Международную конфедерацию свободных профсоюзов, из этого не следует делать вывод, что речь идет о раз и навсегда сложившемся положении. Наоборот, по причинам, о которых мы говорили выше, я верю в сближение международных профсоюзных центров с перспективой объединения всех международных профсоюзных сил. Это естественная эволюция, хотя и трудно предсказать, когда она завершится. В связи с интернационализацией производства, а также, безусловно, в связи с его регионализацией по

континентам (если можно употребить термин «регионализация» по отношению к континенту) профессиональные проблемы крупных промышленных отраслей приобрели международный характер и в соответствии с этим выкристаллизовались вполне конкретные задачи, для реализации которых нужны совместные действия и сотрудничество профсоюзов. Например, химическая промышленность, нефтеперерабатывающая промышленность, транспорт, электроника, металлообработка, космическая промышленность — все эти крупные отрасли обусловили возникновение профсоюзных, экономических и социальных проблем, общих для трудящихся всех промышленно развитых, а иногда даже и развивающихся стран.

Ясно, что создание ЕКП отражает потребность в сотрудничестве трудящихся этой части Европейского континента. Следует отметить, что трудящиеся Африки испытывают ту же потребность и стремятся объединиться в масштабе континента. Таким же образом действуют трудящиеся Латинской Америки. В Азии тоже зарождается идея профсоюзного сотрудничества. Все это говорит о том, что вопросы профессионального и регионального (по континентам) характера обретают форму, которая не представлялась столь очевидной после второй мировой войны. Сказанное может создать впечатление, что крупные международные профцентры утрачивают свое значение. Однако сотрудничество на международном уровне действительно необходимо не столько для того, чтобы решать все проблемы, стоящие перед трудящимися, что потребовало бы гораздо более совершенной и приспособленной для каждой проблемы профсоюзной структуры, сколько для организации обмена опытом в интересах социального прогресса, углубления международной разрядки и укрепления мира. Я верю в возможность создания условий для возникновения такого профцентра, в котором могли бы бок о бок сотрудничать организации, представляющие все направления международного профсоюзного движения.

— *Считаете ли Вы, что тогда станут возможны переговоры о заключении многонациональных коллективных соглашений и соглашений на многонациональных предприятиях?*

— Это может произойти гораздо раньше того времени, когда профсоюзное движение станет единым в мировом масштабе. Мне кажется, что в ближайшем будущем могут состояться переговоры на уровне крупных международных капиталистических объединений, на которых будут приняты решения, касающиеся трудящихся многих стран. Важные вопросы могут также рассматриваться в Западной Европе в рамках Европейского экономического сообщества, так как исключительно капиталистический характер Общего рынка все более и более критикуется профсоюзными организациями, которые вначале поддерживали его создание (они надеялись, что благодаря этой форме сотрудничества будут решены все экономические проблемы и обеспечен реальный социальный прогресс). Сегодня эти организации констатируют, что Общий рынок ничего не решил. Вот почему у меня такое впечатление, что сотрудничество профсоюзов Европы может и должно позволить заключение типовых соглашений, регламентирующих ряд социальных вопросов в области заработной платы, условий труда, иммиграции, которые могут представлять интерес для всех трудящихся стран — членов Сообщества, а также и других стран Европы, не входящих в него.

В рамках Международной организации труда (МОТ) согласованная деятельность и сотрудничество профсоюзов также могли бы принести положительные результаты. Приведу конкретный пример. Мы уже провели в МОТ совещание всех руководителей профцентров Европы. Оно явилось событием большого значения в свете прошлого и перспектив на будущее. Мы провели также двадцать восьмого февраля 1974 года Европейскую профсоюзную конференцию. На ней собрались представители всех без исключения европейских профцентров, чтобы обсудить вопросы, касающиеся условий труда (продолжительность рабочего времени, гигиена труда, техника безопасности, окружающая и производственная среда). Решения конференции имеют большое значение и не останутся без практических последствий. Уже позади то время, когда мы только мечтали о возможности сотрудничества профсоюзов. Мы находимся на стадии более конкретных действий, которая приближает время, когда на самом высоком уровне, в международном масштабе, может начаться обсуждение крупнейших социальных проблем.

— Таким образом, международное профсоюзное здание строится, но верно ли, что пока международная солидарность проявляется лишь от случая к случаю?

— Проблема международной солидарности встает прежде всего в период обострения социальных конфликтов, когда трудящиеся уже втянуты в борьбу. В таких случаях эта проблема приобретает особую актуальность среди борющихся трудящихся одной отрасли. Мы уже неоднократно были свидетелями подобной солидарности. Вспомним наиболее характерные примеры: у трудящихся полиграфической промышленности Франции уже имеется договоренность с профсоюзами стран Европы, которая позволяет им в любых обстоятельствах рассчитывать на солидарность. Уже были случаи, когда трудящиеся соседних европейских стран отказывались выполнять работу бастующих. Точно так же поступали и мы. Конечно, речь идет еще только о начале подобной практики, которая неизбежно должна развиваться, и не только потому, что потенциальные возможности единства позволяют на это надеяться, но и потому, что острота существующих проблем, их масштабы и их характер подталкивают трудящихся разных стран действовать совместно, помогать друг другу в деле защиты общих интересов. А что для трудящихся может быть важнее, чем защита общих интересов?

Путевые впечатления: от континента к континенту

— В нелегком деле налаживания профсоюзного единства используется, разумеется, и такая возможность, как прямые контакты между профсоюзными руководителями. Мы не говорили о Ваших поездках в различные страны, которые служат примером подобных контактов. При нынешнем положении вещей не являются ли они наиболее полезными и результативными акциями в решении проблемы единства?

— На основе опыта моей международной профсоюзной деятельности я могу ответить на этот вопрос утвердительно. Во всех случаях установлению отношений между ВКТ и профсоюзными организациями других стран предшествовали прямые личные контакты. И здесь вновь подтверждается старая истина, что ничто и никогда не сможет заменить человеческих отношений, непосредственных контактов между людьми, благодаря которым легче преодолеть трудности, опасения, предубеждения. Мои личные контакты с представителями других профсоюзов, входящих или не входящих во Всемирную федерацию профсоюзов, с другими людьми значительно помогли мне составить более реалистичную и объективную картину международного профсоюзного движения, чем если бы я просто изучал профсоюзные документы. Действительность, жизнь, поведение людей, характерные черты каждого профсоюза — все это вопросы, которые нужно хорошо знать и учитывать, с тем чтобы глубже

понять природу профсоюзной деятельности в каждой стране, а также перспективы сотрудничества на международном уровне.

— *Ваша последняя поездка перед тем, как начать работу над этой книгой, была поездка на Кубу?*

— Это была исключительно интересная поездка. В наше время знакомство с Латинской Америкой лучше всего начинать с Кубы. Прежде всего потому, что речь идет о прекрасной стране с исключительно благоприятным климатом, значительными природными богатствами. Ее история вызывает симпатию у людей, каковы бы ни были их политические убеждения. История кубинского народа, его революционная история чрезвычайно привлекательна.

— *К которой, однако, кое-кто относился с определенной предубежденностью...*

— Это объясняется тем, что представители определенных кругов ошибочно пытались абсолютизировать революционный пример Кубы, как если бы речь шла о единственно возможном пути развития общества во всех странах мира. Трудно представить, что в такой стране, как наша, революция может спуститься с Пиренеев или с Альп, как это случилось на Кубе, где революция началась в горах Сьерра-Маэстра. Ошибка этих людей заключалась в том, что они хотели превратить кубинский опыт в некое идеальное универсальное средство, которым все могли бы пользоваться без излишних размышлений.

Кубинские революционеры, которым пришлось вести вооруженную борьбу, очень умело сочетали ее с огромной политической работой в массах. На основе различных движений (Движение двадцать шестого июля Фиделя Кастро, движение коммунистов, движение социалистов) они обеспечили революционное национальное единство, явившееся в определенный момент таким массовым выражением воли большинства кубинского народа, что оно сделало возможной победу этих демократических и политических сил. И если мы хотим извлечь из кубинского опыта универсальный урок, то это

будет как раз антиимпериалистическое единство большинства народа и, следовательно, единство во имя национального освобождения и прогресса.

До революции Куба была слаборазвитой страной. После победы революционные силы столкнулись с исключительно тяжелым положением: нищета, восемьдесят один процент неграмотных. Перед новыми руководителями встала огромная задача. Нужно отметить, что кубинцы достигли за пятнадцать лет больших успехов в преобразовании и развитии страны. Крупнейшим достижением нового строя является распространение грамотности среди населения и высокий уровень школьного образования. Можно утверждать, что одной из основ экономического развития Кубы стало народное образование. Повсеместно в стране приоритет отдается строительству школ. И не только для начального, но главным образом для среднего образования, связанного с производством. Принимается решение создать крупное современное механизированное цитрусовое хозяйство. В первую очередь строится учебный центр, где учащиеся изучают специальности, например разведение цитрусовых, и получают общеобразовательную подготовку на уровне средней школы. И еще. В стране широкое распространение получило соревнование среди трудящихся, чья производительность труда, конечно, ниже, чем в такой капиталистической стране, как наша, но весьма высокая для страны, которая еще вчера была отсталой, и гораздо выше производительности труда в ряде стран Латинской Америки. Это объясняется массовым энтузиазмом, который наблюдаешь повсюду, особенно на предприятиях. Не следует также забывать, что ежегодно триста тысяч добровольцев работают на уборке сахарного тростника, которая должна быть проведена в кратчайшие сроки.

Востоит ли Куба перед экономической блокадой Соединенных Штатов — такова была вначале важнейшая проблема кубинцев. Конечно, острову неоднократно угрожала интервенция. Имела место и конкретная попытка реализовать эту угрозу. Все мы помним высадку паемников в заливе Свиней в 1961 году, которую финансировало ЦРУ. Высадка закончилась провалом, потому что натолкнулась на отпор не только национальных вооруженных сил, еще слабых в то время, но и народ-

ных масс, которые не собирались отдавать завоевания революции. Помимо угрозы прямой интервенции со стороны США (Флорида находится в двухстах километрах от Кубы, и в течение длительного времени соблазн для руководителей Америки был очень велик), экономическая блокада могла иметь для Кубы поистине драматические последствия. Она реально могла поставить кубинских руководителей перед такой ситуацией, когда выстоять было бы невозможно.

Блокада долгое время вызывала серьезные трудности на Кубе. И если кубинцам удалось справиться с ними, то только благодаря помощи Советского Союза, что никто не может оспаривать. В гаванском порту советские танкеры выстраивались в очередь у причалов нефтеперерабатывающего завода. С помощью СССР кубинская экономика смогла достичь нынешнего уровня.

Из развивающейся страны Куба превратилась в страну, экономику и жизненные условия которой можно уже сравнить с условиями некоторых капиталистических стран. И когда измеряешь путь, пройденный Кубой в исторически короткий отрезок времени, можно представить, если ничто ей не помешает, каких успехов достигнет эта страна в течение ближайших десяти лет.

Трудно отрицать тот факт, что личность Фиделя Кастро, с которым мне довелось встречаться, играет очень важную роль во всем этом. Он окружен ореолом революционного авторитета и в то же время некоторой романтики. Это симпатичный человек с сильным характером. Иногда говорят о культе личности на Кубе. Действительно, с первого взгляда можно подумать, что личность Фиделя Кастро окружена таким большим почетом, который способен шокировать простого смертного. Мне же, прожившему там некоторое время, кажется, что речь скорее идет о большой народной любви, чем о религиозном культе.

— *Это разновидность культа личности.*

— Если хотите... Хотя на Кубе и говорят о Фиделе Кастро не как о каком-то недоступном человеке, скрывающемся в башне из слоновой кости, а как о товарище, друге. И это действительно так. Во всяком случае, кубинцы его уважают и любят за его прошлое, за борьбу,

которую он вел, за верность делу своего народа, за мужество, которое он проявлял перед лицом своих врагов, и за его твердость. Фидель Кастро — символ. Он олицетворяет все лучшие качества кубинского народа, он символизирует национальное единство, которое обеспечило важные преобразования в стране и победу революции. И конечно, именно благодаря своему патротизму, своей преданности делу независимости страны и народа он стал коммунистом, потому что вначале он шел другим путем. Безусловно также, что на эволюции его взглядов сказались контакты, установленные им за пределами своей страны, которые позволили ему получить более широкое видение мировых революционных и рабочих движений. Он управляет делами своей страны в реалистическом духе. Тот факт, что Куба является одной из стран мира, дипломатия которой наиболее активна (не проходило и недели без того, чтобы та или иная страна Латинской Америки и других континентов не принимала решения об установлении дипломатических отношений с Кубой), показывает, как умело кубинские руководители управляют своими делами не только в масштабах страны, но также и на международной арене. Я убежден, что Куба призвана сыграть значительную роль на всем Латиноамериканском континенте.

Советский Союз

Свою первую важную поездку за границу в качестве профсоюзного работника я совершил в Советский Союз в мае 1951 года. Для меня это было крупным событием. Мне было двадцать четыре года, я был секретарем Федерации железнодорожников. Первое социалистическое государство пользовалось у таких молодых людей, как я, большим престижем. Я очень волновался. У меня было чувство, что совершаю самую значительную в моей жизни поездку.

Молодые активисты моего поколения мечтали увидеть Красную площадь, Зимний дворец, где началась Октябрьская революция, крейсер «Аврора», орудия которого дали сигнал к взятию Зимнего дворца.

Я входил в состав делегации ВКТ, приглашенной советскими профсоюзами на празднование Первого мая.

Я видел народную демонстрацию с почетной трибуны очень близко от Мавзолея Ленина. На его трибунах находились Сталин, руководители Коммунистической партии Советского Союза, Генштаба, правительство.

Я всегда смотрел на Советский Союз глазами рабочего активиста, глазами французского рабочего, который знал, чем была Россия до Октябрьской революции, что ей принесли после революции интервенция, блокада и особенно последняя мировая война с ее страшными разрушениями. Невозможно понять преобразования, осуществленные в Советском Союзе, если забыть о том, что было до революции и что Советский Союз должен был пережить вплоть до последней мировой войны. Если учитывать все это, то каковы бы ни были суждения о советском строе, о той или иной области советской действительности, необходимо признать достижения экономики, развитие науки, техники и особенно культуры.

Расскажу об одном случае в этой связи. В мою первую поездку в нашей делегации была простая работница, активистка низовой профсоюзной организации. Она заметила ощутимую разницу между элегантностью советской женщины и француженки и поделилась со мной своими наблюдениями. Я ей настоятельно предложил высказать их советским товарищам, сопровождавшим нашу делегацию, помогавшим ей. Она набралась храбрости и задала свой вопрос на одном из вечеров, на котором присутствовал Кузнецов, тогда Председатель ВЦСПС, а сейчас — один из видных руководителей Министерства иностранных дел Советского Союза *. Кузнецов внимательно выслушал ее и очень любезно ответил. Думаю, впрочем, что отвечал он не только ей, но и всей делегации ВКТ (очень значительной). Он вкратце напомнил, чем была Россия при царизме, в каких экономических условиях советская власть начала строительство социалистического общества и экономики в капиталистическом окружении, не получая никакой промышленной, научной и технической помощи. Все нужно было начинать с нуля. Он нарисовал страшную картину экономического и социального положения Рос-

* С 1977 года — первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР. — *Прим. ред.*

сии сразу после революции. Он сказал нам: «Мы очень хорошо понимали, что от успеха нашей революции в значительной степени зависит развитие всего революционного движения. Мы должны были думать не только о собственных делах, но и о той ответственности, которую взяли на себя перед лицом всего мира, — ведь мы были первыми. Мы понимали, что для последующего развития и сохранения независимости нам необходимо создать промышленную базу, которая могла бы удовлетворить основные потребности обороны страны и обеспечить последующее экономическое строительство. Для этого нашему народу пришлось пойти на тяжелые жертвы, ограничивая себя и в питании, и в одежде. Едва только было пережито самое тяжелое, как разразилась вторая мировая война, нанеся столько ран. Мы, конечно, могли бы попытаться уделить в наших первых пятилетних планах первоочередное внимание производству товаров широкого потребления и тем самым предоставить в распоряжение советских женщин духи, помаду, шелковые платья. Но для того, чтобы уничтожить гитлеровскую армию и одновременно положить конец страданиям народов, оказавшихся под гнетом гитлеровской оккупации, нам нужно было кое-что другое, а не косметика и элегантная одежда. Нам нужны были танки, самолеты, пушки. И именно благодаря усилиям и жертвам советского народа нам удалось в первые же годы после революции создать эту экономическую базу. Она дала нам вооружение, необходимое для уничтожения гитлеровской армии». И он добавил: «Мы надеемся, что больше никогда не будет войн и что советский народ сможет отныне посвятить свою энергию и богатства страны росту своего благосостояния». Он сказал это так просто и так прямо, что моя бедная подружка расплакалась. Она была в отчаянии, что задала такой вопрос.

Впоследствии я несколько раз приезжал в Советский Союз и смог увидеть, какой большой путь проделала эта страна, несмотря на все те тяготы, которые выпали на ее долю. Большие возможности социалистической системы позволили Советскому Союзу в исключительно короткие сроки достичь во многих областях мирового уровня, и даже самого передового, как, например, в авиации и космосе. Только социалистическая система способна обеспечить развитие страны от нуля до самого высокого

мирового уровня, что предполагает значительные капиталовложения, которые могут быть сделаны только благодаря могуществу всего государства. Только в условиях социалистической системы подобными скачками можно ликвидировать отставание. Конкретный пример, менее эффективный, чем космические исследования: часовая промышленность. Помню, в 1951 году, когда я приехал в Советский Союз в первый раз, лишь у немногих советских людей были наручные часы. В 1955—1956 годах Советский Союз решил обеспечить часами всех своих граждан. Были построены самые современные заводы, оборудованные по последнему слову техники. Через три года очень многие советские граждане уже имели наручные часы. Теперь советская часовая промышленность занимает видное место на мировом рынке. Общеизвестно, что французские и швейцарские фирмы покупают у Советского Союза часовые механизмы, себестоимость которых обеспечивает им высокую конкурентоспособность, и устанавливают их в корпуса французского и швейцарского производства. Это доказывает, что техническое отставание можно ликвидировать благодаря социализму в сроки, которые побивают все известные рекорды.

Конечно, можно дискутировать о социалистической системе в Советском Союзе, можно ее критиковать, придираться или указывать на недостатки. В области художественного творчества, например, мы можем высказать возражения или же свое несогласие. Те, кто немного знаком с советской действительностью, знают, что сами советские люди не отказывают себе в критике. Они много спорят и обо всем; совершенно очевидно, что внешняя и внутренняя политика партии и правительства пользуется реальной поддержкой народа. Но по множеству вопросов повседневной жизни советские люди спорят очень много, высказывают и свое несогласие с тем, как решаются некоторые вопросы. Есть аспекты, которые могут удивить иностранца. Но если исходить из непредвзятого мнения, если рассматривать советский опыт в целом, то необходимо признать, что громадный прогресс, достигнутый после Октябрьской революции, позволяет верить в дальнейшее развитие страны, в том числе советской демократии.

— *Каковы границы свободы критики?*

— Необходимо учитывать исторические условия, в которых оказался Советский Союз, и понять, что естественное опасение внешнего врага, могущего проникнуть даже внутрь, привело Сталина в последние годы его жизни к трагическим крайностям. Необходимо учитывать исторические причины, для того чтобы понять характер существовавших препятствий.

— *Это означает, что с точки зрения перспективы социалистического развития Советского Союза Вы считаете это естественным. И наоборот, в других странах подобное шокировало бы Вас?*

— Я сожалею, что эти обстоятельства задержали развитие социалистической демократии в СССР, хотя она и достигла там громадного прогресса. Он мог бы быть еще более впечатляющим в глазах других народов, если бы не было всех этих драм, трагедий истории. Я убежден, что после XX съезда Коммунистической партии Советского Союза был сделан крупный шаг вперед и что многое еще будет сделано. Речь идет о закономерности развития любого общества, и будущее обязательно покажет, что в области расширения норм демократической жизни Советский Союз докажет свое превосходство.

Я побывал и в других социалистических странах Европы и всегда отмечал эволюцию отношений между социалистическими странами. Интернационализация производства, необходимость создания общей основы для дальнейшего развития привели к экономическому объединению социалистических стран в рамках СЭВ (к которому присоединилась и Куба). Это приносит положительные результаты, благодаря которым экономика социалистических стран добивается значительных успехов, как, например, в Германской Демократической Республике, которая не перестает поражать мир. Часто говорят о роли профсоюзов в социалистических странах, не всегда, впрочем, хорошо разбираясь в этом вопросе. Я проявляю большой интерес к профсоюзному опыту социалистических стран, развитию, изменению форм профсоюзной работы в условиях развития социалистического общества. И в целом могу засвидетельствовать, что в каждый приезд я наблюдал расширение и усиление

роли профсоюзов, расширение их прав и обязанностей. Может быть, сразу после войны наблюдалась тенденция копировать несколько формально опыт советских профсоюзов, без учета исторических условий, национальных особенностей рабочего движения в каждой стране. Если подобная тенденция и существовала поначалу, то уже давно все стремится к тому, чтобы профсоюзное движение играло роль, которая на него возлагается с учетом особенностей каждой страны. Так, например, концепция, которой придерживаются венгерские профсоюзы в своей работе, во многих отношениях близка к тому, как мы, французские синдикалисты, представляем себе профсоюзное движение в социалистической Франции.

— *Включая забастовки?*

— Забастовка — это право, закрепленное или нет в конституции, которым трудящиеся пользуются, когда они не могут добиться удовлетворения своих требований. Правда, трудно представить себе забастовку в социалистической стране, поскольку экономическая и политическая власть принадлежит трудящимся. Таким образом, в этих странах не может быть забастовок, вызываемых столкновением интересов трудящихся и предпринимателей, потому что там нет частных предпринимателей. Случается и будет случаться (впрочем, это не следует слишком драматизировать, и товарищи из социалистических стран неправы, когда считают, что это нужно скрывать), что между дирекцией предприятий или же бюрократической администрацией и трудящимися могут возникнуть конфликты на производстве. Когда трудящимся не удастся заставить считаться с их мнением, они прибегают, потеряв терпение, как и все трудящиеся мира, к средству, которое поднимает тревогу в высших инстанциях: они прекращают работу. Такие конфликты долго не длятся, они все приводят в движение, и очень быстро находится решение. Чаще всего это кончается увольнением директора. Могут также происходить и драматические события, как было в Польше. Но этот пример показывает, что именно трудящиеся выступили против ошибок и в конечном счете выиграли.

— *В событиях в Польше больше всего шокировал тот факт, что дело дошло до волнений...*

— Это показывает, до какой степени руководство во главе с Гомулкой увязло в ошибках. Так не могло продолжаться долго, что-то должно было случиться, и случилось. После этих событий я побывал в Польше, и заверяю вас, что они продолжают привлекать самое пристальное внимание польских руководителей. Герек, с которым я говорил об этом, прекрасно понимает политические и социальные проблемы своей страны. В основе его политики — систематическая информация трудящихся. Это позволяет им действительно, ответственно и сознательно участвовать во всей экономической и политической жизни.

Возвращаясь к венгерским профсоюзам, хочу сказать, что одним из действенных методов, позволяющих не допускать наблюдавшихся в прошлом инцидентов, является исключительно эффективное средство: право вето. В Венгрии профсоюз имеет право налагать на всех уровнях вето на предложения, которые, по его мнению, не отвечают интересам трудящихся или же экономическим интересам страны. Короче говоря, даже на уровне государства, даже в ходе разработки государственного плана развития народного хозяйства профсоюзы имеют право вето, которым они пользуются довольно редко. Но поскольку они имеют такое право, можно понять, в какой степени оно способно содействовать принятию решений, наилучшим образом удовлетворяющих интересы трудящихся. В нашей стране много клеветают на профсоюзы социалистических стран и в пример часто приводят профсоюзные свободы, существующие в такой капиталистической стране, как Франция. Когда правительство и Национальный совет французских предпринимателей предоставят нам право вето, подобное тому, каким обладают венгерские профсоюзы, мы встретим это событие с большим удовлетворением. Думаю, что, к сожалению, такой случай нам никогда не представится.

В заключение хочу сказать: нелепо пытаться определять какое-то универсальное правило, каким образом профсоюзы могут выполнять функции в каждой стране, так как обязательно необходимо учитывать все исторические различия, все национальные особенности. Нужно изучать эти особенности и опыт всех профсоюзных движений: в этом состоит наилучший способ взаимного обо-

гащения. Пельзя механически копировать ту или иную модель. Мы не утверждаем, что наш профсоюзный опыт годится для всех остальных стран мира. У нашего профсоюзного движения также есть свои особенности, свои недостатки, свои достоинства. Мы не предлагаем его в качестве модели другим профсоюзам мира, но мы не хотим также, чтобы другие стремились навязать нам свой опыт.

Китай

Впервые я побывал в Китае в 1962 году также в составе делегации ВКТ, посетившей Пекин во время празднования Первого мая. То, что я увидел во время поездки, меня поразило. Я познакомился со страной, об укладе жизни и традициях которой не имел представления. Прежде всего, потрясающая мобилизованность народа, напоминающая ту, какую я наблюдал на Кубе, потому что и в Китае революция победила недавно. Размах работ в стране, напоминающей гигантский муравейник, энтузиазм людей производят впечатление. Я видел, как десятки тысяч людей строили мост без единой машины, только с помощью рук и маленьких пособий, в которых перетаскивали камни, песок и бетон... Китай 1962 года представлял собой картину массового труда миллионов людей. Я заметил также, что Китай является страной, где обрабатывается малейший участок пригодной земли: на двух квадратных метрах, на трех квадратных метрах всегда что-то росло. Рядом с традиционными отраслями китайской промышленности, такими, как текстильная, зарождалась тяжелая промышленность, создававшаяся при значительной помощи Советского Союза.

Я разговаривал с Чжоу Энь-лаем. Он поделился со мной воспоминаниями о своей жизни во Франции, когда был там студентом. У меня была также возможность встретиться с Мао Цзэ-дуном на церемонии в честь делегаций, присутствовавших на праздновании Первого мая. Это была не беседа, а коллективная встреча. В то время наши отношения с китайскими профсоюзами начали ухудшаться из-за серьезных разногласий. Наша делегация была последней делегацией ВКТ, посетившей Китай. До этого дискуссии во Всемирной федерации

профсоюзов, членами которой были и китайские профсоюзы, также показали всю глубину разногласий между ВКТ и китайскими профсоюзами. Значительно ухудшились и отношения между коммунистическими партиями обеих стран. Я был в Пекине, конечно, как представитель ВКТ, но тот факт, что я был также членом Политбюро Французской коммунистической партии, не мог пройти незамеченным. Это явилось даже причиной неприятного инцидента, о котором стоит рассказать.

Китайский товарищ, сопровождавший нашу делегацию, спросил у меня однажды, соглашусь ли я встретиться с министром иностранных дел Чень И. У меня не было, конечно, никаких оснований отклонить приглашение. На следующий день я и сопровождавший меня товарищ были приняты Чень И, который после нескольких общих фраз перешел к резким нападкам на Советский Союз. Он обвинял руководителей Коммунистической партии Советского Союза в том, что они изменили Ленину, подменили интернационализм национализмом, засылали в Китай шпионов под видом технических специалистов и так далее. Он призывал меня в свидетели, высказывая все эти обвинения в адрес Советского Союза, и даже сообщил мне доверительно, что такая партия, как Французская коммунистическая партия, не может больше продолжать оказывать поддержку Коммунистической партии Советского Союза. Безусловно, я был изумлен подобным приемом. И я ответил очень кратко по существу всего того, что было сказано. Но главное, я заметил, что я нахожусь в Китае в качестве представителя ВКТ по приглашению китайских профсоюзов на праздновании Первого мая и что моя партия не поручала мне какой-либо политической миссии для Коммунистической партии Китая или для правительства Китая. Я не мог допустить, чтобы кто-то подумал, будто речь шла о политической встрече на уровне ответственных представителей наших партий. В крайнем случае, если таково было желание китайских товарищей, я мог бы передать моей партии предложение о двусторонней встрече для обсуждения различных вопросов — гипотеза, которую Французская коммунистическая партия никогда не исключала, даже в то время. Короче говоря, наша беседа быстро закончилась. Однако, к своему удивлению, на следующий день я обнаружил на первой

странице «Жэньминь жибао» фотографию со следующей подписью: «Министр иностранных дел и член Политбюро товарищ Чень И пожимает руку члену Политбюро Французской коммунистической партии товарищу Жоржу Сеги по окончании дружеской встречи». Этот снимок очень удивил все профсоюзные делегации, с которыми мы вместе жили в пекинской международной гостинице. Все спрашивали у меня, что следует думать об этом снимке, который можно было принять за официальное коммюнике. Мне не оставалось ничего другого, как заявить протест относительно подобных приемов. Я уехал из Китая в начале мая 1962 года убежденным, что положение должно еще более ухудшиться.

Пять лет спустя я снова оказался в Пекине, возвращаясь из поездки во Вьетнам, и был вынужден остановиться транзитом на несколько дней в столице Китая. В то время культурная революция была в самом разгаре. Стены заклеены плакатами. На всех улицах Пекина царила обстановка перманентной истерии, неистовствовали хунвэйбины. На грузовиках, на велосипедах, группами они разъезжали по городу. Цимбалы, барабаны производили адский шум, не прекращавшийся даже ночью. Молодые люди восемнадцати-двадцати лет скандировали лозунги, организовывали на всех углах митинги, размахивали портретами Мао Цзэ-дуна и «красными книжечками». Одним словом, на улицах Пекина царила гнетущая атмосфера. Сотрудник посольства Демократической Республики Вьетнам, гостями которой мы были в Ханое, посоветовал нам ждать в гостинице известий о нашем отъезде, который откладывался со дня на день. У нас не было никаких контактов с китайскими профсоюзами по той простой причине, что они были распущены, а также ни с одним китайским представителем. Мы были под защитой, если так можно сказать, посольства Вьетнама в Китае. Конечно же, наше любопытство заставило нас пренебречь советами нашего вьетнамского друга. Мы хотели сами, мой товарищ и я, видеть все то, что творилось на улицах.

Мы смешались с толпой, чтобы составить представление о том, как происходит культурная революция на улицах. Очень быстро мы почувствовали со стороны организаторов этого постоянно поддерживаемого возбуждения острую враждебность к нам, которую можно было

объяснить только цветом нашей кожи. Нас окружили возбужденные и враждебные молодые люди. Принимали ли нас за советских граждан, или же речь шла о реакции расистского характера? Думаю, что и то и другое. Представляете себе, с каким облегчением мы сели после довольно длительного ожидания в Пекине в самолет, летевший в Москву. Товарищ, который сопровождал меня в поездке во Вьетнам, Люсьен Постель, прогрессивный христианский активист ВКТ, признался мне, что никогда не мог бы подумать, что он испытает такое большое удовольствие приземлиться на территории Советского Союза — до такой степени эти четыре-пять дней в Пекине были для него мучительными.

Северный Вьетнам

Летом 1967 года я побывал в Демократической Республике Вьетнам, подвергавшейся в то время ожесточенным бомбардировкам американской авиации. Эта поездка оставила у меня самые волнующие воспоминания, ибо я воочию увидел, в каких тяжелых условиях вел борьбу вьетнамский народ, какие страдания выпали на его долю. Вьетнамцы, чье поразительное хладнокровие, героизм восхищали, которые проявляли неслышимый боевой дух перед лицом врага, в жизни оказались исключительно приветливыми и чуткими по отношению к своим друзьям. Вьетнамский народ понес огромные потери, но он никогда не терял своей неслышимой воли, гордости, своей приверженности делу национальной независимости, которую он защищал в течение долгих лет войны против французского колониализма и американских агрессоров. О вьетнамском рабочем часто говорили как о человеке, у которого одна рука на станке, а в другой — винтовка. Это не простая аллегория. Именно такими я увидел вьетнамцев. Я видел, как при малейшей тревоге они устремлялись на крыши заводов, вставали у зенитных орудий, чтобы защитить Ханой, свои заводы от американских бомбардировок. И всякий раз в громкоговорителях, установленных на улицах Ханоя, слышалась тихая музыка и мягкий женский голос советовал населению действовать в соответствии с правилами гражданской обороны. Тотчас же улицы, где до этого было полно народа, пустели как по мановению

волшебной палочки. Одни спускались в подземные убежища, другие укрывались в ближайшей траншее — часто это была яма глубиной один метр и шириной шестьдесят сантиметров, где мог укрыться один средний вьетнамец или два маленьких, а мне одному удавалось втиснуться с великим трудом. Именно там я понял, какая разница в телосложении существует между средним вьетнамцем и мной. После окончания тревоги — та же тихая музыка и тот же тихий мягкий голос объявлял о возобновлении нормальной жизни, причем все делалось без малейших признаков паники. Иногда, если самолеты пролетали мимо, тревога отменялась через несколько минут. В другой раз вступали в бой средства ПВО, самые современные (советского производства, в том числе ракеты), зенитки, дальнобойные пулеметы и даже обычные автоматы, которыми ошестинивались все крыши Ханоя. Американским бомбардировщикам, прежде чем сбросить бомбы на намеченные объекты (не всегда военные), приходилось преодолевать самую настолщую стену непрерывного огня. Это и объясняет такое большое число самолетов, сбитых над территорией Демократической Республики Вьетнам. Я уверен, что история не знала еще примера столь разнообразной, столь сильной и столь эффективной противовоздушной обороны. Часто американские самолеты подвергали бомбардировке мирные объекты: мосты, дороги, железнодорожные пути. Мне довелось побывать сразу же после бомбежки американской авиацией в одной деревне на берегу Красной реки, где были уничтожены жилища, построенные главным образом из тростника и лишь некоторые из более солидных материалов. Оставшиеся в живых торопились похоронить погибших в связи со страшной жарой и повышенной влажностью. Тяжело и трогательно было видеть, как эти люди, еще не оправившиеся от горя, хоронили своих близких и тут же начинали восстанавливать свои скромные жилища. Несмотря на горе, которое мы видели повсюду, вьетнамцы никогда не проявляли отчаяния, ни малейшего намека на то, чтобы покориться, а только нестибаемую волю бороться, противостоять врагу и, может быть, чувство ненависти к виновникам этой жестокой войны, как, впрочем, и всех войн.

Мы передвигались только ночью под охраной солдат.

Днем это было невозможно, во-первых, из-за бомбежек, а во-вторых, потому, что практически все средства переправы исчезали на день и вновь появлялись только ночью: мосты, паромы, всякие подручные средства в зависимости от ширины рек и речушек. Мы посетили во время этой поездки город Нандинь недалеко от семнадцатой параллели. Сопровождал нас товарищ примерно моего возраста. Он вдруг остановился на углу какой-то улицы перед грудой камней — остатками недавно разбомбленного дома. Он сказал: «Вот все, что осталось от моего дома! Город бомбили позавчера. Моя жена и двое детей погибли под развалинами. Что теперь моя жизнь? Всю ее я отдам борьбе с агрессором. Это станет смыслом моей жизни до последнего вздоха». Мы были потрясены.

Во время поездки нам выпала большая честь быть принятыми президентом Хо Ши Мином. Я встречался с ним до этого во Франции и за границей на международных совещаниях. Здесь же, на его сражавшейся родине, он был другим. Я увидел перед собой человека таким, как рассказывает легенда, — апостолом мира, свободы, независимости. Он встретил нас в более чем скромной одежде, босиком, как это принято у вьетнамцев, если они у себя дома. Он встретил нас, как старых друзей после долгой разлуки, с волнующей простотой и задушевностью. Этот большой друг французского народа сумел тут же снять с нашей встречи всякий налет официальности и протокола. За несколько секунд он самым естественным образом придал беседе очень дружеский характер, что произвело на нас глубокое впечатление. Одним словом, изумительная встреча. Он нам обрисовал положение. С искренним сожалением он говорил о том, что американские руководители продолжают питать безумную надежду подчинить вьетнамский народ своему господству с помощью террора. «Как жаль, — сказал он, — что они не знают нас такими, какие мы есть! Они бы поняли, что для нашего народа нет ничего дороже независимости и свободы, что он готов вынести любые тяготы борьбы против рабства. Почему они не извлекли никаких уроков из того, что произошло с Францией?» Потрясающие слова! Они выражали и твердую решимость бороться до конца, глубокое сожаление о необходимости вести эту войну, быть свидетелем стольких страданий и бед.

Последующий ход событий показал, до какой степени президент Хо Ши Мин знал свой народ. Он действительно сам был его неотъемлемой частицей.

Я еще раз приезжал во Вьетнам по случаю VIII съезда вьетнамских профсоюзов. Это было в феврале 1974 года. Я убедился, какие неисчислимы бедствия принесла война, особенно в районе семнадцатой параллели. Там все было уничтожено. Казалось даже, лучше уж строить разрушенные деревни и города где-нибудь на новом месте. Однако вьетнамцы восстанавливали все на прежнем месте, полные решимости, непоколебимой воли, убежденные в том, что отныне их оставят в покое, что в своей собственной стране, которую они так любят, они будут жить так, как им хочется.

Ни разу мы не ощутили у вьетнамцев отчаяния, упадка духа. «Мы начинаем с нуля, — говорили они. — Ну и что же, все равно добьемся успеха. Наше нынешнее положение станет печальной страницей истории. Но наши дети будут жить счастливыми в своей собственной стране».

Конечно, вьетнамцы полны энтузиазма, решимости. Но страна сталкивается с большими трудностями, прежде всего экономическими (последствия разрушительной войны), с социальными проблемами, например значительным ростом рождаемости, который объясняется длительной разлукой и жилищными условиями без всяких удобств. Другая проблема: нельзя сделать из человека, воевавшего двадцать лет, квалифицированного рабочего за несколько месяцев. Это сложная проблема для вьетнамцев. Они многого ожидают от нас, они верят в нас. Поскольку многие из них знают французский язык, совершенно очевидно, что мы могли бы очень помочь им в деле профессиональной подготовки. Наступит день, когда французы смогут приезжать во Вьетнам как друзья. И они поймут, что этот народ испытывает большое чувство дружбы к французскому народу и что он заслужил свое право на свободу и независимость.

Символ красоты Вьетнама — Алонгский залив, который называют одним из семи чудес света. Я считаю, что это действительно так. Когда вьетнамцы осуществляют намеченные планы, когда они построят прекрасные дома отдыха на берегу Алонгского залива и будут принимать у себя активистов французского рабочего дви-

жения (которые будут приезжать сюда отдыхать), тогда раны, оставленные тяжелыми испытаниями, будут лишь страшными воспоминаниями прошлого. Тогда воплотится в жизнь великая надежда вьетнамского народа: укрепить свою независимость и осуществить объединение народа в независимой и процветающей стране*. История дала вьетнамцам право на свободу и мир.

Ближний Восток

Уже несколько лет события на Ближнем Востоке волнуют мировое общественное мнение. Я имел возможность хорошо ознакомиться с положением в этом районе во время своих поездок по странам Ближнего Востока, главным образом в Египет.

После того как в особых исторических условиях Насер был призван определять судьбы своей страны, я думаю, он многое сделал для национального единства Египта, для сплочения арабских стран. Он провел в жизнь ряд прогрессивных экономических и демократических реформ. Посетив Египет при его жизни, я смог увидеть, каким престижем и каким авторитетом он пользовался. Если бы не было конфликта с Израилем, Египет добился бы значительных успехов в экономической и социальной областях. Но конфликт, который довлеет над положением во всем этом районе, ставит трудные проблемы, о которых мне часто приходилось говорить с профсоюзными руководителями большинства арабских стран. Я имел возможность убедиться в том, что насилие и, можно сказать, бесчеловечность по отношению к палестинскому народу в момент создания государства Израиль нанесли всем арабским народам незаживающую рану, тем более что и после этого агрессивность руководителей Израиля не исчезла, а, наоборот, усилилась. Я убедился в том, что очень трудно заставить арабов согласиться с правом на существование государства Израиль до тех пор, пока законные национальные права палестинского народа не найдут своего воплощения в кон-

* 2 июля 1976 года единый, воссоединившийся Вьетнам был провозглашен Социалистической Республикой Вьетнам. — *Прим. ред.*

кретных решениях. С другой стороны, мне представляется очевидным, что мир в этой части света в значительной степени зависит от политики руководителей Израиля. До тех пор пока она будет преследовать экспансионистские, агрессивные цели, будет существовать угроза локальной, а может быть, и всеобщей войны. Хочется пожелать, чтобы прогрессивные силы Израиля, пока еще сравнительно слабые, укрепились и изменили курс Израиля, несущего в значительной степени ответственность за постоянную напряженность на Ближнем Востоке. Хочется также пожелать, чтобы в арабских странах силы, придерживающиеся прогрессивных идей, поддерживали действия тех израильтян, которые занимают интернационалистские, демократические и миролюбивые позиции. Однако я должен признать, что некоторые арабские руководители, с которыми я беседовал, не приемлют мысль о том, что не все израильтяне обязательно являются безоговорочными союзниками реакционных правителей страны. В связи с этим я сожалею, что интернационалистский дух президента Хо Ши Мина не всегда разделяется всеми руководителями национально-освободительного движения, а это значительно упростило бы многое. Это объясняется различиями, которые существуют между национально-освободительным движением, основанным исключительно на националистической концепции, и движением, основанным на интернационалистской концепции, выразителем которой был коммунист Хо Ши Мин.

Африка

Что касается Африки, то до 1974 года я посетил только страны Северной Африки и Судан. Я дважды бывал в Судане, хорошо знал профсоюзных руководителей этой страны, профцентр которой всегда был членом Всемирной федерации профсоюзов. Я поддерживал личные контакты с генеральным секретарем суданского профцентра Шафи Ахмед эль-Шейхом, который был повешен во время событий 1972 года. Его гибель причинила мне глубокую боль, потому что он пользовался большим авторитетом в международном профсоюзном движении, был симпатичным, умным и глубоко человеч-

ным. Он был очень предан своему народу и прекрасно знал положение дел в стране и в мире. Я убежден, что, несмотря на случившееся, суданский народ и суданские трудящиеся найдут в себе силы для того, чтобы преодолеть временные трудности. Они пойдут вперед по пути демократии и социального прогресса, во имя чего они всегда боролись.

В странах Северной Африки (я их особенно хорошо знаю, потому что неоднократно бывал там) деятельность профсоюзов имеет определенные особенности. Если мы поддерживаем превосходные отношения с профсоюзами Марокко и Алжира, иначе обстоит дело с профсоюзами Туниса. Поскольку тунисский профцентр являлся членом Международной конфедерации свободных профсоюзов, в наших отношениях наблюдался некоторый холодок.

С профсоюзами же двух других стран Северной Африки* наши отношения всегда оставались дружескими.

У наших дружеских связей большая история. Задолго до второй мировой войны французские трудящиеся и их братья из Северной Африки уже поддерживали отношения сотрудничества. Существовал Союз железнодорожников ВКТ Алжира и Марокко и даже Туниса, входивший во французскую Национальную федерацию железнодорожников ВКТ. С самого начала движения за независимость Алжира отношения между французскими активистами ВКТ и арабскими активистами ВКТ были натянутыми. Мне было поручено распустить Союз железнодорожников Алжира, с тем чтобы алжирцы смогли создать свою собственную профсоюзную организацию. Это предвосхитило уже в 1953—1954 годах в профсоюзном плане перспективы завоевания Алжиром независимости. Другими словами, мы признавали за алжирскими трудящимися право на независимую организацию. Должен сказать, что я столкнулся с колебаниями, оговорками и даже сопротивлением со стороны ряда наших активистов, не понимавших, что Алжир находится на пороге войны за независимость, которая впоследствии примет такой широкий размах. Потребовался весь авторитет руководства Федерации железнодорожников

* Имеется в виду Алжир и Марокко. — *Прим. ред.*

ВКТ, для того чтобы решение о роспуске Союза железно-дорожников Алжира было принято. Борьба уже началась, и активисты, которые могли бы приступить к созданию новой организации, уже подвергались преследованиям и арестам со стороны колониальных властей. Однако некоторым из них удалось засвидетельствовать мне свои дружеские чувства в связи с твердой позицией ВКТ, солидарной с их освободительной борьбой. Многие потом погибли в боях, с другими я имел удовольствие встретиться, не без волнения, сразу же после провозглашения независимости, а именно когда я приехал в Алжир для торжественной передачи Всеобщему союзу алжирских трудящихся имущества, принадлежавшего нашему сиротскому дому железнодорожников в Алжире. С тех пор наши связи постоянно укрепляются. Недавно в Тунисе побывала делегация ВКТ, которая проложила путь к установлению таких же связей с трудящимися и профсоюзными организациями Туниса.

Кто-то мне однажды сказал: «Не узнаешь Африки, пока не побываешь в Черной Африке. Увидев ее раз, будешь надеяться и мечтать снова вернуться туда». Теперь я разделяю это мнение. Уже давно основные профсоюзы франкоязычной Африки приглашали меня как генерального секретаря ВКТ. Я смог ответить на приглашение лишь в сентябре 1974 года. Вместе с секретарем ВКТ Рене Дюамелем мы находились три недели в ряде стран Черной Африки, что явилось крупным событием как для меня, так и для трудящихся этих стран: впервые к ним приехал генеральный секретарь ВКТ. Я посетил Гвинею, Берег Слоновой Кости, Дагомею *, Камерун, Конго-Браззавиль **.

Захватывающая и поучительная поездка! В частности, в Гвинею, учитывая ее историю и личность президента Ахмеда Секу Туре. Уже тридцать лет Секу Туре, сначала как профсоюзный активист, затем как политический деятель и, наконец, как президент, играет важную роль в жизни своей страны, пользуется большим авторитетом далеко за пределами Гвинеи. Как я имел

* С 30 ноября 1975 г. Народная Республика Бенин. — *Прим. перев.*

** С 1 ноября 1970 г. Народная Республика Конго. — *Прим. перев.*

возможность убедиться в ходе поездки, его авторитет распространяется на весь Африканский континент.

По моему мнению, два имени символизировали борьбу за подлинную независимость стран Черной Африки — Патрис Лумумба и Ахмед Секу Туре. Секу Туре хорошо известен активистам ВКТ, по крайней мере тем, кто борется в ее рядах с 1945—1946 годов. Он хорошо известен и французским политическим кругам, потому что в рядах Демократического социалистического союза сопротивления он был активным участником движения левых сил. В послевоенные годы он жил в определенной степени жизнью ВКТ и даже прошел курсы профсоюзной подготовки в Высшей школе ВКТ в Курсель-сюр-Ивет. Это означает, что ВКТ всегда поддерживала дружеские связи с будущим президентом демократической Гвинейской Республики. И потому он принял нас не как обычную делегацию зарубежного профцентра, а как старых друзей.

Ахмед Секу Туре ведет колоссальную деятельность почти во всех областях, относящихся к компетенции демократической партии Гвинеи и государства, которые он возглавляет. Он придает большое значение и уделяет много времени политическим проблемам, и даже разработке теоретических вопросов, учитывая национальные особенности Гвинеи и специфические проблемы Черной Африки. Его все любят и уважают. Это подчеркнутое уважение на первый взгляд может показаться несколько необычным. Но нужно знать историю страны и африканскую действительность, где до сих пор придается большое значение личности крупных лидеров. Африканцы выражают признательность Секу Туре, человеку, который символизирует независимость, который всегда ставил интересы своего народа выше любых других интересов и сумел выйти победителем из всех заговоров, всех интриг как внутри, так и вне страны. Он проявил необычную смелость, проведя демократические, действительно революционные реформы в условиях Черной Африки, в частности по эмансипации женщин, несмотря на ожесточенное сопротивление реакции. Важно отметить, что женщина играет существенную роль в стране и что вековое неравенство ликвидируется под руководством государства и демократической партии. Я думаю, из всех стран Африки в Гвинее жизненный уровень,

пожалуй, наиболее высокий (если его рассматривать в масштабе всего народа). Там исчезают островки нищеты и бедности, растет благосостояние всего народа, несмотря на длительный экономический бойкот со стороны колонизаторов. Перед Гвинеей, безусловно, открывается прекрасное будущее, в частности благодаря месторождениям бокситов, одним из самых богатых в мире по содержанию алюминия и находящимся на поверхности земли. Гвинея (которая не может их разрабатывать в связи с необходимостью громадных капиталовложений) поняла, что для нее выгодно договориться с иностранными фирмами, в том числе с многонациональными компаниями, а также с Советским Союзом. Однако в отличие от некоторых африканских стран, которые имеют тенденцию забывать о своих национальных интересах, лишь бы получить иностранную валюту, она действовала таким образом, чтобы гарантировать свои национальные интересы, чтобы эти интересы преобладали в будущем при использовании естественных богатств, которые должны служить укреплению независимости и последующему развитию страны.

Берег Слоновой Кости, где я пробыл гораздо меньше времени, являет собой картину сосуществования самой вызывающей роскоши с самой ужасающей нищетой. Это страна, где богатому туристу оказываются царские почести и где господствует иностранный капитал. Однако профсоюзы там действуют. Если им не всегда удается обеспечить эффективную защиту интересов трудящихся на всех предприятиях, принадлежащих реакционнейшим хозяевам, они играют определенную роль в разработке национального социального законодательства, которое в условиях Черной Африки обеспечивает определенные гарантии трудящимся.

Власти Камеруна не разрешили нам встретиться с профсоюзными руководителями, которые и сами в последний момент уклонились от встречи. Демократические свободы там очень ограничены, в стране царит полицейская атмосфера. Профсоюзам отведена роль, которая не позволяет им представлять подлинные чаяния трудящихся. Мои комментарии об этой стране будут очень краткими, поскольку обещанная нам возможность лучше узнать эту страну через призму профсоюзного движения не была реализована.

Иное впечатление произвел визит в Дагомею. Развитие этой страны представляет собой оригинальный опыт, который заслуживает внимания. Он характеризуется интересными особенностями. Известно, что судьбу Дагомеи в течение длительного времени определяли несколько политических партий. Затем они потерпели настоящее банкротство, которое можно сравнить с банкротством Четвертой республики во Франции. Коррупция, некомпетентность, пренебрежение интересами народа разлагали всю общественную жизнь, пока к власти не пришли военные. Они произвели своего рода генеральную чистку и приняли меры по оздоровлению положения в стране. Президентом стал М. Кереку, с которым я имел возможность встретиться. Это человек решительный, прогрессивных взглядов и, конечно, патриот. Образование он получил во французской военной школе, где ему попытались привить отвращение к социализму и коммунизму — это он признает сам. Поразительно, что высший военный офицер смог полностью изменить свои убеждения. Ныне он, не колеблясь, публично признает, по крайней мере в беседе со мной, недостатки своего образования: боязнь левых идей, идей социализма, коммунизма. Это не мешает ему понимать многие политические проблемы, например вредность левацкой деятельности в стране, одно время проводившейся представителями интеллигенции, и особенно бывшей колониальной администрацией. Часто говорят, по-моему преувеличивая, что Дагомея для Черной Африки является тем же, чем Латинский квартал для Парижского района и Франции. Полагаю, что в этом есть доля истины, но в конечном счете речь идет о различных вещах. В момент взятия власти армией левацкие группы неоднократно пытались, но безуспешно, вовлечь трудящихся в авантюры. Наиболее сознательные представители дагомейского рабочего класса при поддержке армии помешали этому. Дагомея имеет одну особенность — при отсутствии организованной демократической партии, которая отражала бы чаяния трудящихся, профсоюзные организации (наиболее представительный профцентр является членом Всемирной федерации профсоюзов *) выполня-

* С тех пор в Дагомее произошло объединение трех профцентров, примыкавших к ВФП, МКСП и Всемирной конфедерации труда.

ют, помимо профсоюзных функций, роль политической партии. Это уникальная ситуация в Черной Африке. Власть в Дагомее опирается на армию, которая делит ее с профсоюзным движением, объединяющим наиболее компетентных активистов, пользующихся, без всякого сомнения, доверием дагомейских трудящихся. Сотрудничество между военными и профсоюзами сохранится, если военные будут и в дальнейшем признавать авторитет профсоюзного движения и необходимость совместно разрабатывать основные направления национальной политики. У меня создалось впечатление, что некоторые военные проявляют стремление командовать и профсоюзами, которые не склонны подчиняться им и намерены сохранить свою независимость. В целом положение в Дагомее, являющееся переходным, характеризуется господством иностранного капитала в экономике и большим количеством безработных.

Конго-Браззавиль представляет также особый интерес в связи с его историей, событиями, которые произошли в стране. Его руководители провозглашают себя сторонниками марксизма-ленинизма.

Уже поэтому страна априори вызывает интерес. Несмотря на страдания, перенесенные во времена колониализма, конголезцы испытывают чувства симпатии, несомненной дружбы к Франции и ее народу. Это, конечно, связано с историей, с тем фактом, что многие активисты демократического движения занимали в отношении колониализма интернационалистскую позицию и отличали угнетателей от народа. В Конго произошло много событий, которые создали условия для совершенно самобытного пути. Глава государства, президент Нгуаби, также военный *. Он — сторонник теории марксизма-ленинизма, но настолько адаптированного к особенностям его страны, что речь идет о типично конголезской философии.

Во время нашей беседы он заявил, что считает более целесообразным продвигаться вперед медленно и надежно, а не перескакивать через этапы, рискуя все поставить под угрозу. Реально оценивая обстановку в стране, он решительно и безоговорочно отвергает некоторые левацкие теории. Президент Нгуаби осознал

* Убит в 1976 году. — *Прим. ред.*

необходимость опираться прежде всего (в этом его немалая заслуга) на конголезских трудящихся. В этом смысле он занял классовую позицию. Это объясняет тот факт, что Конголезская конфедерация труда занимает важное место в жизни страны, играет большую роль в управлении экономикой, пользуется широкими правами во всех областях и даже располагает некоторым правом контроля в экономике. В стране проводится также большая работа по распространению образования, профессиональной подготовке, которая должна способствовать выдвижению рабочих на руководящие посты, в том числе в управленческом и государственном аппарате. Эксперимент, осуществленный в Конго, заслуживает самого пристального внимания. Он вызовет, если не произойдут события, инспирированные извне, большой интерес.

Народы и правительства стран Африки все более решительно защищают свой суверенитет, свои права на национальные богатства, как это уже стало реальностью в Гвинее и Конго. С учетом этой перспективы и нужно рассматривать будущее африканского профсоюзного движения, которое во многих странах делает еще только первые шаги, тогда как в некоторых других оно имеет уже богатый опыт и традиции. В странах франкоязычной Африки французское рабочее движение оказало прогрессивное влияние. Будущее синдикализма всего Африканского континента зависит в значительной степени от его единства, сплоченности и способности не изолироваться от остального мира, то есть от международного профсоюзного движения. Я убежден, что развитие африканского профсоюзного движения, которое нельзя отделить от экономического, социального и политического развития, позволит ему играть важную роль во всемирном профсоюзном движении.

Африка обладает огромными резервами естественных богатств, людских ресурсов. Она на пороге великого пробуждения. И все страны мира должны учитывать законные чаяния народов Африки, стремящихся покончить с отсталостью, максимально используя свои природные ресурсы. История эксплуатации богатств этих стран, где господствовал колониализм, закончилась. Я имел возможность в ходе поездки беседовать с некоторыми руководителями. И я всегда отмечал, насколько

искренне они стремятся поддерживать с Францией отношения, основанные на подлинном сотрудничестве. Я отмечал также—они сожалеют, что их французские собеседники не проявляют того понимания, которое позволило бы в конкретной форме осуществлять такое сотрудничество. Многие упрекают французских руководителей в том, что они еще полностью не расстались со старыми колониалистскими концепциями, что они не относятся к африканским руководителям как к равным и не строят отношения с их странами на основе равенства и взаимных интересов. Вот почему эта профсоюзная миссия в Африку, сопровождавшаяся проявлениями взаимной дружбы, в некотором роде предвосхитила (по крайней мере я надеюсь) будущие отношения Франции и всех стран Африки, где, несмотря на колониализм, наша страна и ее народ продолжают пользоваться большой симпатией и авторитетом.

Синдикализм и политика: совмещение мандатов

— *Политический характер профсоюзной деятельности во Франции мне представляется очевидным. Но поскольку этот факт постоянно критикуется, следует напомнить, что активисты профсоюзного движения его никогда не скрывали. Он был четко сформулирован еще при зарождении профсоюзного движения (в первом уставе 1902 года и в Амьенской хартии 1906 года). ВКТ подтвердила его в уставе 1936 года и даже в уставе 1962 года.*

— Профсоюзное движение Франции никогда не было аполитичным в этимологическом смысле слова. Наоборот, политическая и идеологическая борьба, характеризующая эволюцию рабочего движения, всегда определяла и профсоюзное движение. Это является одной из характерных черт профсоюзного движения во Франции. Неправоммерно поэтому говорить о профсоюзном аполитизме, особенно в такой стране, как наша. Далее, необходимо, может быть, договориться о значении слова «политика» и выражения «заниматься политикой».

— *Некоторые организации пытались придерживаться аполитизма: сегодня «Форс увриер» утверждает, например, что она аполитична, хотя и продолжает ссылаться на Амьенскую хартию, а в ней говорилось о политике.*

— Действительно, «Форс увриер» провозглашает некий «аполитизм» (в кавычках), а из Амьенской хартии берется только то, что может как-то оправдать ее нынешнюю позицию. В действительности же руководители «Форс увриер» далеки от духа и буквы этой знаменитой хартии. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить их нынешнюю позицию и следующую цитату: «Съезд считает, что эта декларация является признанием классовой борьбы, которая противопоставляет в экономической области трудящихся, выступающих против всех форм эксплуатации и угнетения, как физического, так и морального, используемых классом капиталистов против рабочего класса».

Таким образом, уже с того времени профсоюзное движение оставляло за членом профсоюза «полную свободу участвовать вне корпоративных объединений в таких формах борьбы, которые соответствуют его философским и политическим убеждениям».

— Но «Форс увриер» оправдывает свой аполитизм именно ссылками на Амьенскую хартию.

— Вы могли заметить, что руководителям «Форс увриер» все трудней доказать свой так называемый аполитизм, поскольку никто в него не верит.

В действительности же речь идет о ширме, прикрывающей политику классового сотрудничества, отказ от профсоюзной независимости. Эта практика исходит из идеи о необходимости сотрудничества эксплуататоров и эксплуатируемых, что является чистейшим абсурдом для нормального члена профсоюза. Профсоюзный аполитизм чаще всего служит прикрытием для реакционнейшей политики смирения и отказа от защиты интересов трудящихся. Это склеротический, бесплодный синдикализм.

— Экономические, политические и социальные проблемы находятся в постоянном взаимодействии. По-моему, аполитичный синдикализм, если допустить подобный постулат, — бессмыслица.

— Нужно сказать несколько слов о том, как обычно понимают во Франции, в том числе и трудящиеся, термины «политика» и «заниматься политикой». Речь идет

об опошленном и дискредитированном понятии. Для многих оно связано с предвзятым, а иногда и довольно грязным политиканством. Оно вызывает в памяти неприятные воспоминания о политической кухне, о сделках между продажными партиями, которые делили власть во времена Третьей, Четвертой и даже Пятой республик. Оно вызывает в памяти никогда не выполнявшиеся предвыборные обещания, махинации, скандалы, коррупцию, то есть те стороны политической жизни, которые французы могли наблюдать и которые им были омерзительны. С этой точки зрения нет ничего удивительного в том, что значительная часть общества испытывает отвращение к такому аспекту политики. Должен заметить, однако, что на протяжении всего упомянутого периода истории нашей страны — во времена Третьей, Четвертой, Пятой республик — одну партию нельзя поставить рядом с остальными. Речь идет о Французской коммунистической партии, представители которой всего два года входили в правительство генерала де Голля сразу после освобождения Франции. Де Голль привлек в правительство нескольких министров-коммунистов. Все свои силы они отдали тому, чтобы провести ряд демократических и социальных реформ, о которых трудящиеся помнят до сих пор. Приведу лишь один пример и напомним о реформе законодательства по социальному страхованию. Она носит имя министра труда Амбруаза Круаза, коммуниста и видного профсоюзного деятеля.

В такой стране, как наша, необходимо реабилитировать благородный смысл слова «политика» и выражения «заниматься политикой» в качестве синонима гражданской ответственности, заинтересованности в социальной жизни общества. Нужно, чтобы каждый осознал, что все обязаны интересоваться политикой, потому что они или испытывают на себе ее последствия, или же обстоятельства заставляют их вмешиваться в политику.

В моей профессиональной и повседневной жизни часто приходится встречаться с людьми, которые начинают разговор с того, что заявляют: «Предупреждаю вас, я не занимаюсь политикой», а через две минуты я замечая, что у моих собеседников довольно четкие политические позиции. Им, однако, трудно сказать, как сформировались их убеждения. Большинство думает,

что речь идет о чисто личных убеждениях. Но очень легко обнаружить влияние прессы, радио, телевидения на моих собеседников, искренне убежденных в том, что они далеки от политики.

Будущее французского общества не в деполитизации общественной жизни, чего всегда добиваются реакционные режимы, особенно фашистские и обскурантистские. Наоборот, наше будущее связано со все большей политизацией жизни общества, с участием в ней всего народа. При этом речь не идет о всеобщем присоединении к идеологии одной партии. Я понимаю политизацию как все более широкое участие людей в общественной жизни, усиление чувства ответственности, более широкое участие людей в жизни страны и, следовательно, как расширение демократических свобод и свободы слова, призванных обогатить и оживить коллективную мысль.

— *Однако при своем зарождении профсоюзное движение во Франции характеризовалось стремлением провести разграничение между профсоюзным и политическим движением. Во Франции синдикализм всегда отказывался быть «приводным ремнем», вопреки принципам, провозглашенным Лениным*.*

— По поводу этого выражения Ленина было много дискуссий, кое-кто пытался превратить его в своего рода догму, приписываемую всем коммунистам мира. В данном случае догматизм проявляют антикоммунисты, которые пытаются возвести в концепцию или политический принцип это образное выражение Ленина.

— *Должен сказать, что это прекрасный образ.*

— Среди других талантов Ленин обладал даром выражать свою мысль в потрясающей силы образах. Говоря о «приводном ремне», он не представлял себе, по всей вероятности, что его слова будут использованы впоследствии против демократических и революционных идей, которые он защищал.

— *Ни последствий, к которым они приведут.*

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 44, с. 349. — *Прим. ред.*

— Абсурдно пытаться возвести это выражение Ленина в теорию, забывая о соображениях Ленина на этот счет, абсолютно не учитывая особых исторических условий, в которых эти слова были сказаны. Речь шла о решительной революционной борьбе с отрицательными последствиями прошлого, в том числе с отголосками реакционных течений в профсоюзном движении в России того времени, когда господствовали концепции бывших правящих классов. Речь шла о том, чтобы противопоставить реакционным концепциям роли профсоюзов революционную концепцию в исторических условиях страны, где революционная борьба велась под руководством одной партии, партии рабочего класса.

Никогда Ленин не говорил о подчинении профсоюзов партии. Наоборот, он неоднократно подчеркивал массовый и беспартийный характер профсоюзов, их специфические права и обязанности. В этой связи уместно напомнить один исторический факт. Речь идет о съезде Унитарной всеобщей конфедерации труда, состоявшемся в 1921 году в Сент-Этьенне. Съезд должен был определить условия и целесообразность присоединения УВКТ к Красному профсоюзному интернационалу, появившемуся после создания III Коминтерна. В статье 11 Устава Красного профсоюзного интернационала говорилось, что входящие в него профцентры должны поддерживать органическую связь с соответствующими коммунистическими партиями. Конгресс большинством голосов высказался за присоединение к Интернационалу при условии пересмотра и исправления статьи 11.

Съезд поручил в связи с этим двум представителям двух течений УВКТ, Пьеру Семару и Гастону Монмуссо, поехать в Москву и обсудить с Лениным возможность пересмотра вопроса об органической связи между профсоюзной организацией и коммунистической партией.

В то время Гастон Монмуссо не был членом коммунистической партии и, как он сам рассказывал, встреча с Лениным сняла его предубеждения.

Короче говоря, Ленин, понимая национальные особенности французского профсоюза, поддержал аргументы представителей УВКТ и высказался за снятие спорной 11-й статьи.

Это имело большое значение для последующего независимого развития нашего профсоюзного движения. Поз-

же многие революционно настроенные рабочие, которые были лишь членами профсоюза, вступили в коммунистическую партию по примеру Монмуссо. Это был важный момент в истории профсоюзного движения, о котором сегодня не вспоминают, но который помогает понять исторические особенности его развития.

— Это означает, что профсоюзное движение должно быть и является независимым от политических партий, но что политические проблемы непосредственно касаются профсоюзного движения.

— Профсоюзы не могут не интересоваться политическим и экономическим курсом страны, где они осуществляют свою деятельность. Ведь все социальные проблемы связаны с этой политикой. Поскольку экономическая политика, как это наблюдается ныне во Франции, полностью подчинена частным интересам, по своей природе диаметрально противоположным интересам трудящихся, естественно, что профсоюзы, по крайней мере те, которые достойны так называться, находятся среди сил оппозиции, борются против этой политики, поддерживают деятельность, направленную на изменение этой политики, и даже участвуют в ней в тех областях, в которых они компетентны. Это можно назвать логическим, естественным продолжением усилий профсоюзов, направленных на удовлетворение требований трудящихся. Таким образом, это прогрессивная позиция, которая предусматривает целый ряд демократических и социальных перемен.

— Это как раз и является больным местом. «Иллюзии», — говорят некоторые. Недостаточно сказать, что это противоречит уставу. Сеги является членом Политбюро коммунистической партии. Он был им до того, как стал генеральным секретарем ВКТ. Фрашон — также. Вы хорошо знаете, что проблема состоит именно в этом.

— Нужно проводить четкую границу между аполитичностью и профсоюзной независимостью. Если профсоюзы не могут быть по причинам, которые мы только что изложили, аполитичными в строгом смысле этого

слова, они должны иметь возможность занимать самостоятельную позицию по любому вопросу, косвенно или непосредственно связанному с политикой. Что мы и называем во Франции профсоюзной независимостью. В других странах это называют профсоюзной автономией. Необходимо, чтобы профсоюзы были независимы от государства, предпринимателей, церкви, а также политических партий, в том числе от тех, с которыми профсоюзное движение может заключать союз для проведения совместных действий, преследующих общие цели. Эта концепция является одной из особенностей французского профсоюзного движения. Она объясняется, как мы это уже видели, его происхождением, его своеобразием, традициями, а также его историей. Не следует забывать, что ВКТ возникла до появления основных левых партий во Франции. У ВКТ свое лицо, своя ориентация, своя специфика. Во Франции, и даже иногда за границей, не все хорошо понимают характер этих национальных особенностей французского профсоюзного движения. Я думаю, что они могут способствовать развитию демократии в нашей стране, и профсоюзное движение будет решительно выступать против любых попыток поставить их под сомнение сегодня или в будущем как противоречащих демократии и интересам прогрессивного развития общества.

— *Как бы вы ответили на следующий вопрос: может ли генеральный секретарь ВКТ Жорж Сеги, я не говорю конфликтовать, а не соглашаться с членом Политбюро коммунистической партии Жоржем Сеги?*

— Меня часто поражает невежество тех, кто вопреки фактам обвиняет ВКТ в том, что она поддерживает органическую связь с Французской коммунистической партией, связь, которая существует лишь в их воображении. Они, эти невежды, рекомендуют нам в качестве примера деятельность немецких, английских и шведских профсоюзов. А ведь хорошо известно, что если в мире существуют профсоюзы, которые поддерживают органическую и даже вполне определенную финансовую связь с политическими партиями, что они, впрочем, и не скрывают, так это профсоюзы Англии, ФРГ и Швеции. В данном случае речь идет не о коммунистических,

а о социалистических партиях. Именно под этим углом зрения и нужно рассматривать суть проблемы, которую ставят наши хулители. Нас упрекают не за органические связи с компартией, впрочем не существующие, а за нашу концепцию синдикализма, за ориентацию нашей профсоюзной деятельности, за нашу постоянную верность принципам классовой борьбы и, наконец, за нашу профсоюзную независимость от сил, которые господствуют в капиталистическом обществе.

— Но вы не ответили на вопрос. Может ли быть конфликт между Сеги — генеральным секретарем ВКТ и Сеги — членом Политбюро коммунистической партии?

— Я отвечу на него, но прежде считаю необходимым высказать несколько соображений. Нас упрекают в том, что мы не идем на компромисс с крупным капиталом, государством, крупной буржуазией. Нас упрекают в том, что мы не являемся «приводным ремнем» сил, в чьих руках находится власть. Мы не являемся ничьим «приводным ремнем». ВКТ направляет себя и действует сама. Она не отчитывается ни перед кем, кроме своих членов — трудящихся. Поэтому было бы парадоксально, если бы самый крупный национальный профцентр не отражал того, что представляет собой французское рабочее движение. Одна из его характерных черт — существование во Франции внушительной, активной рабочей партии, уже давно действующей в рядах рабочего класса и играющей первостепенную роль в жизни страны, — Французской коммунистической партии. Совершенно естественно, что это находит свое отражение в профсоюзном движении. Трудящиеся-коммунисты считают своим долгом быть членами национального профцентра, который выступает с классовых позиций и является самой крупной профсоюзной организацией Франции. Будучи членами этого профобъединения, они работают в нем в соответствии с рекомендациями своей партии. Их самоотверженность, компетентность признается и ценится всеми. Трудящиеся оказывают им доверие, избирая их демократическим путем на ответственные посты во всех звеньях профсоюзной организации. Вот мой ответ на Ваш вопрос.

— Вы повторяете мнение некоторых людей, в том числе некоммунистов, таких, как Лебрен, который признавал: «Активисты-коммунисты являются, как правило, примером бескорыстия и самоотверженности, что обеспечивает им доверие очень многих трудящихся, иногда очень отдаленных от них в политическом плане»*. Это факт. И действительно, именно благодаря своим качествам активисты-коммунисты занимают видное положение в ВКТ. Тем не менее они составляют в ней меньшинство — их двести пятьдесят тысяч из более чем двух миллионов членов ВКТ.

— Я уже говорил, что деятельность ВКТ, ее структура опираются не на организацию в ней политических тенденций, а на курс и программу, разработанные свободным, демократическим и независимым путем на основе согласия всех тех, кто ее составляет. Необходимость представительства течений давно потеряла юридический характер, который она имела когда-то в прошлом.

— Все активисты ВКТ признают это. Но не вредит ли в конечном счете подобное положение развитию ВКТ?

— Всякий формалистический подход к этому вопросу может исказить представление о ВКТ 1975 года. Я должен, кроме того, напомнить, что вопреки распространенному мнению коммунисты не всегда составляли (небольшой исторический факт) большинство в Конфедеральном бюро. Конфедеральное бюро, избранное на XXVII съезде ВКТ, состояло из семи секретарей-коммунистов и восьми некоммунистов. Это было в Витри в 1969 году. И многие не знают этого! Мы были убеждены, что это пройдет незамеченным. Так и случилось. Соотношение изменилось после вступления во Французскую коммунистическую партию одного из восьми секретарей-некоммунистов, Жана-Луи Муано, избранного в состав Конфедерального бюро в качестве прогрессивного христианского активиста, бывшего руководителя Национального союза студентов Франции (ЮНЭФ).

* Questions actuelles du syndicalisme, Le Seuil.

Тот факт, что он решил через несколько лет вступить в компартию, не был (нужно ли это уточнять) причиной разрыва с конфедеральным руководством. Все это показывает, что, хотя проблемы политического представительства в руководящих органах ВКТ сохраняют свое значение, в наши дни они не играют решающей роли. Правда, во всех звеньях ВКТ имеется довольно значительное число активистов-коммунистов, но это объясняется особенностями французского рабочего движения.

Однако любой член ВКТ может засвидетельствовать, что если многие коммунисты действительно занимают ответственные посты, то не по причине их политической принадлежности, а в силу их преданности делу трудящихся и их опыта. Одним словом, нет ничего удивительного в том, что в таком профсоюзном движении, как наше, трудящиеся-активисты заслуживают доверия своих товарищей. Если Вы спросите у членов ВКТ, голосующих за список ВКТ на профессиональных выборах, какова политическая принадлежность каждого кандидата, Вы с удивлением отметите, что многие из них не смогут Вам ответить на этот вопрос. У нас никогда не спрашивают у активиста, к какой партии он принадлежит, чтобы определить, может ли он или нет выполнять ту или иную работу. Это характерно для жизни нашей профсоюзной организации, что, к сожалению, многим еще не известно. Члены профсоюза знают своих активистов по их качествам. Им не может прийти в голову руководствоваться при выборах или назначении делегатов политическими критериями. Это положительное явление.

Моя жизнь активиста в профсоюзном движении очень похожа на жизнь всех моих товарищей. Есть, правда, небольшая особенность: до начала моей работы в профсоюзах было Сопротивление, депортация, которые, конечно, как я уже говорил выше, способствовали моему выдвижению на ответственные посты.

Но если мы отвлечемся от этого, если мы подумаем, как такому молодому активисту, каким я был сразу после окончания войны, могла быть поручена ответственная работа, можно констатировать, что подобное продвижение всегда осуществляется с учетом опыта работы, участия в профсоюзной жизни, личных качеств и знаний.

— *Абстрагируясь от полемики, следует все же констатировать: влияние представителей коммунистической партии несоизмеримо с представительством компартии в ВКТ. Считаете ли Вы такое положение достойным сожаления или, наоборот, благоприятным?*

— Неверно говорить о представительстве партии в ВКТ. Этот вопрос следует рассматривать с учетом истории, с учетом развития ВКТ в гуще пережитых ею событий, с учетом перенесенных ею трудностей, преследований, всяких измышлений, обрушившихся на нее. Все это, конечно, не способствовало ее численному росту. Этот вопрос необходимо также рассматривать в связи с позицией, занимаемой по отношению к ней некоторыми политическими организациями, и не только правыми. Хорошо известно, например, что в 1947 году, сразу же после раскола, социалистическая партия запретила своим активистам продолжать оставаться в ВКТ. Подобные проявления остракизма и дискриминации не могли способствовать расширению рядов нашего профцентра. Таким образом, расширение рядов, к которому мы стремимся и за которое мы боремся, не было таким легким, как это можно себе представить. Оно зависело не только от воли тех, кто работал в ВКТ (коммунисты или нет). На самом деле коммунистическая партия, подозреваемая в том, что она господствует в ВКТ, скорее могла бы иметь законные основания жаловаться, что слишком часто профсоюзная работа возлагается на ее лучших активистов, что она поглощает их время и их силы в ущерб ее собственной политической деятельности на предприятиях. Это означает, что коммунистическая партия, не вмешиваясь в дела профсоюза, сама заинтересована в расширении состава профсоюзных активистов, что могло бы освободить кадры, необходимые ей для собственной политической деятельности. Ни у кого не может быть оснований бояться широкого выдвижения трудящихся-некоммунистов на профсоюзную работу. В этом отношении за последние годы достигнуты значительные успехи во всех отраслевых союзах. Однако многое еще остается сделать для того, чтобы руководящие органы ВКТ снизу доверху по возможности точно отражали то, чем является в действительности ВКТ. Но здесь также нужно избегать всякого схематизма и всякой демагогии,

которые привели бы к искусственным результатам. Трудящиеся ничего не выиграют от формального расширения профсоюзных руководящих органов или от простого престижного их расширения, что имело бы следствием ослабление профсоюзного руководства. Наше профсоюзное движение уже больше не устраивают статисты, которых у нас называют «цветками в горшках». Для каждого активиста дело долга и чести — выполнять свои обязанности, выполнять свою часть работы в руководящих органах, являющихся коллегиальными органами.

Расширение их состава тогда ценно, когда оно способствует укреплению и обогащению профсоюзной работы. Такого расширения никто не может бояться. Наоборот.

В ВКТ насчитывается примерно двести пятьдесят — триста тысяч членов коммунистической партии и более двух миллионов нечленов коммунистической партии. Среди этих двух миллионов имеются члены социалистической партии и активисты других политических и религиозных объединений. Но громадное большинство не принадлежит ни к каким политическим партиям. Таким образом, основная часть членов ВКТ представлена беспартийными трудящимися. Многие из них избираются во все звенья, вплоть до высшего, но большей частью на посты, которые для удобства я назову должностями первого, второго и третьего звена: делегат персонала, член бюро профсоюзной секции или бюро профсоюза предприятия и даже член бюро департаментского союза. Могу утверждать, не боясь ошибиться, что в этих звеньях беспартийных членов профсоюза гораздо больше, чем коммунистов.

Интересно отметить, что это соотношение меняется по мере того, как активисты выдвигаются на более высокие посты. Происходит это потому, что многие из них, в частности молодежь, желая дополнить профсоюзную работу работой в политической сфере, вступают в политические партии, как правило в коммунистическую партию. Большинство рабочих кадров Французской коммунистической партии во всех звеньях, до самого высшего (как, например, генеральный секретарь Французской коммунистической партии), прежде чем стать активистами компартии, были активистами ВКТ.

— *Вы говорили, что компартия хотела бы взять некоторых активистов из ВКТ и использовать их непосредственно для работы в партии. Я же обнаружил следующую фразу в вышедшей в 1973 году книге Андре Лорана и Тьерри Пфистера «Новые коммунисты»: «Чтобы вести борьбу с различными левацкими течениями, коммунистическая партия была вынуждена перевести в ВКТ большое число своих местных кадров в ущерб своим ячейкам на предприятиях»*.*

— Формальное и в конечном счете абсурдное суждение. Если многие активисты коммунистической партии действительно находятся на ответственных постах в профсоюзах, в этом не следует видеть никакого расчета. Это связано с положением профсоюзов в нашей стране, с их историей. У революционной партии, каковой является Французская коммунистическая партия, нет никаких оснований беспокоиться, в каком направлении идет основной французский профцентр, поскольку его деятельность основывается на классовых принципах. В этих условиях, я думаю, коммунистическая партия должна быть, скорее, озабочена тем, что ее политическая деятельность, в частности на предприятиях, может иногда страдать оттого, что ее лучшие активисты почти полностью заняты на профсоюзной работе, порученной им трудящимися.

По этой причине и вопреки нелепым утверждениям, будто бы коммунистическая партия помышляет господствовать в профсоюзном движении, я могу заявить, что она сама заинтересована в расширении ВКТ, в расширении состава ее активистов.

Наконец, будучи рабочей партией, защищающей в первую очередь интересы трудящихся, коммунистическая партия стремится укрепить и расширить их профсоюзную организацию, что является одним из главных факторов ее усиления.

— *Я поставлю вопрос по-другому. ВКТ объявляет себя открытой для всех тех, кто желает покончить с капитализмом. Что это значит?*

* André Laurents et Thierry Pfister. Les Nouveaux Communistes, Editions Stock, 1973.

— Здесь мы имеем дело с важнейшей проблемой, затрагивающей две основные концепции синдикализма: классовая борьба и классовое сотрудничество. Что касается меня, я думаю, что ВКТ может принять в качестве полноправных членов всех тех, кто просто желает защищать интересы трудящихся.

— *В том числе леваков?*

— В ВКТ работает некоторое число инициативных активистов из организаций левацкого направления. Они не подвергаются никакой дискриминации, поскольку, как это требуется от всех других членов профсоюза, они соблюдают правила профсоюзной демократии и не пытаются использовать свои профсоюзные функции для того, чтобы навязывать концепции, взгляды и убеждения политических формаций, к которым они принадлежат. С учетом этого в ВКТ не может быть дискриминационных мер в отношении тех, кто вне ее занимается политической деятельностью по своему выбору.

— *Вам известно, что некоторые из них упрекают Вас в том, что их исключили.*

— Это чрезвычайно редко. В одном из последних известных мне случаев заинтересованный, не ожидая решения, которое должны были принять инстанции ВКТ в отношении апелляции, направленной им в связи с его исключением, предпочел вступить в «Форс увриер». Это достаточно ясно говорит о его «приверженности» ВКТ.

Конечно, несмотря на нашу терпимость в этом отношении, мы понимаем, что классовый враг, полиция, предприниматели и некоторые сомнительные группки всегда пытались протащить в наши ряды провокаторов, которые могут длительное время маскироваться и потом попытаться нанести удар в решающий момент. Мы постоянно должны быть бдительными.

Я считаю, что оппозиция курсу ВКТ со стороны ответственных работников несовместима с выполнением их функций в этой организации. Но неправильно было бы требовать этого же от рядовых ее членов. Априори я против исключения из ВКТ по политическим мотивам.

Но никто не может навязать эту точку зрения членским организациям ВКТ, которые свободны в своих решениях и своих действиях в соответствии с правилами профсоюзной демократии.

То, что нам представляется желательным, и то, что мы можем предлагать, не обязательно принимается без оговорок всеми организациями, входящими в конфедерацию. ВКТ не действует на основе принципов демократического централизма, когда решения, принятые после обсуждения большинством голосов, обязательны для всех.

— *Возвращаюсь к отправному пункту этой части беседы. Могут ли быть, я не говорю конфликт, а разногласия между Сеги — генеральным секретарем ВКТ и Сеги — членом Политбюро коммунистической партии?*

— Вы намекаете на нечто такое, что часто является предметом многочисленных комментариев: принадлежность профсоюзных активистов к руководящим органам политических партий.

Итак, может ли Сеги, генеральный секретарь ВКТ, быть не согласен с Сеги, членом Политбюро Французской коммунистической партии? Прежде всего я хотел бы заметить, что хотя я и участвую как избранный член руководства моей партии во всем том, что касается разработки ее политики, ее решений, ее начинаний, ее деятельности, но поскольку моя главная задача во французском рабочем движении носит профсоюзный характер, то практически всю основную свою деятельность я посвящаю выполнению этой профсоюзной задачи. Я хотел бы также заметить, что моя партия достаточно уважает профсоюзную независимость и понимает ответственность генерального секретаря нашей организации, чтобы не ставить меня в положение, когда по четным дням я бы говорил от имени ВКТ, а по нечетным — от имени коммунистической партии.

Я синдикалист, который выполняет определенные обязанности в крупной политической партии, защищающей интересы рабочего класса. Впрочем, мне было трудно привыкнуть к этому положению, так как было время, когда я принимал участие в массовых мероприятиях моей партии в качестве одного из ее руководителей. По этому вопросу я беседовал с Морисом Торезом и Бенуа

Фрашеном, которые всегда старались не давать повода для спекуляций на фактах совмещения обязанностей в руководстве ВКТ и коммунистической партии. Таким образом, случалось, случается и будет случаться, что моя партия занимает позиции политического и идеологического характера, с которыми я глубоко согласен как коммунист, но по которым ВКТ не считает ни целесообразным, ни необходимым высказываться. Это связано с природой нашей профсоюзной организации и пределами, за которые она не может выходить, не рискуя скомпрометировать свое единство и свою сплоченность.

Что касается вопроса о том, могу ли я однажды в качестве генерального секретаря ВКТ иметь серьезнейшие разногласия с моей партией, должен сказать, что в течение тридцати трех лет моей жизни активиста этого никогда не было. И я убежден, что подобное никогда со мной не случится по той простой причине, что призвание моей партии заключается в служении интересам рабочего класса, демократии и Франции. Таким образом, не может быть серьезных разногласий между ВКТ и коммунистической партией.

Следует признать, что было бы абсурдно, если бы ВКТ, стараясь показать свою независимость от коммунистической партии, систематически высказывалась бы, например, против требований трудящихся и за эксплуатацию человека человеком.

Существуют и некоторые области политической и идеологической деятельности коммунистической партии и других левых партий, о которых ВКТ не высказывается, потому что она стремится остаться в рамках своих профсоюзных задач.

Подхожу к существу поставленного вопроса. Некоторые часто упрекают меня в том, что я коммунист, как если бы они считали, что от этого у меня появится нечто вроде комплекса или как будто речь идет о каком-то недостатке. Думаю, что им никак не удастся освободиться от врожденного антикоммунизма, который и объясняет их интеллектуальную убогость. Как заставить их понять, что если я, простой рабочий, родившийся в скромной семье, смог получить знания, которые позволили мне играть ответственную роль в рабочем движении, если я смог углубить свои знания в экономической, политической и культурной областях, то совершенно

ясно, что этим я обязан моей партии. Благодаря партии я смог также вырваться из ада концентрационных лагерей. Я нашел у моей партии дух и принципы, полностью соответствующие идеям социальной справедливости, свободы, равенства и демократии, которых я более или менее сознательно придерживался в начале своей жизни активиста. Я нашел также у нее и концепцию морали, поведения в обществе, в том числе в семье, которая, по всей вероятности, также способствовала гармоничности моей жизни. Я испытываю большое удовлетворение и гордость от того, что имел возможность в качестве коммуниста быть другом и товарищем по борьбе таким столь различным по характеру и столь талантливым людям, как Морис Торез и Жюлио-Кюри, Бенуа Фрашон и Арагон, Жорж Марше и Жак Дюкло. Я желаю всем юношам и девушкам, преданным, как и я, с юности идеям справедливости и свободы, познать такую же жизнь активиста, как я, будучи коммунистом.

Однако я не считаю, что для того, чтобы быть хорошим профсоюзным активистом, нужно быть обязательно и активистом коммунистической партии. Мне посчастливилось как во время Сопротивления, так и во время моей профсоюзной деятельности работать с активистами, которые не были членами коммунистической партии — социалистами, прогрессистами, христианами, — и особенно со многими беспартийными рабочими активистами. Я глубоко убежден, что это принесло мне большую пользу. ВКТ гордится тем, что в ее рядах работают активисты, руководители, в том числе члены Конфедерального бюро, чьи знания, авторитет и, конечно, личные качества высоко ценятся всеми. Они заслуживают, так же как и их товарищи, ведущие политическую работу, уважения и доверия трудящихся. Я считаю необходимым воздать должное всем этим товарищам, играющим очень важную роль в руководстве ВКТ и способствующим тому, чтобы ВКТ пользовалась репутацией крупнейшей демократической профсоюзной организации, с которой отождествляют себя большинство трудящихся Франции.

— *Поставим вопрос по-другому: может ли генеральный секретарь ВКТ не быть членом коммунистической партии?*

— Следует прежде всего подчеркнуть, что в уставе ВКТ нет ничего, что стесняло бы полную свободу ее членов, ее активистов и ее руководителей заниматься вне профсоюзной организации политической деятельностью и выполнять политические функции по своему усмотрению в соответствии со своими личными убеждениями. Это относится к политическим партиям, к другим формациям, в том числе и к церкви. Члены ВКТ выполняют поэтому определенные функции в политических партиях, в частности и в коммунистической партии. Они участвуют также в других движениях. Некоторые члены ВКТ являются священниками. Я думаю, что запрещение членам профсоюза иметь право на политическую и другую деятельность по своему усмотрению является исключительно антидемократической и даже дискриминационной концепцией. В конечном счете, она может обернуться против самого профсоюзного движения по многим причинам, в частности потому, что в таком случае некоторые члены профсоюза могут попытаться проводить в профсоюзе, за неимением других возможностей, политическую деятельность, которую устав им запрещал бы вне профсоюза. Опыт показывает, что это может случиться. Таким образом, лучше иметь возможность удовлетворять свои потребности в политической, идеологической, религиозной деятельности вне профсоюзной организации, чем если бы запретительные, антидемократические меры побуждали вести такую деятельность внутри профсоюза. Это создало бы риск нарушить правило его демократической жизни и нанести вред его независимости, а в конечном счете и его единству.

Я не считаю, что для рабочего движения вообще было бы вредно, если бы поддерживающие его политические партии заручились сотрудничеством ответственных членов профсоюзов. Наоборот, по зрелому размышлению, было бы не так уж плохо, если бы политические партии, которые хотят действовать в интересах рабочего класса, могли иметь в своем руководстве профсоюзных активистов. Наконец, концепция несовместимости политических и профсоюзных функций является довольно формальной концепцией. Если бы ее попытались осуществить на практике, это было бы иллюзией и лицемерием, потому что никто не может помешать политиче-

ской партии, считающей необходимым обеспечить для себя сотрудничество профсоюзного активиста, сделать это официально. Правда, я был членом Политбюро Французской коммунистической партии до того, как стал генеральным секретарем ВКТ. Должен все-таки сказать, что я был избран генеральным секретарем ВКТ не на съезде Французской коммунистической партии, а на съезде ВКТ. Таким образом, можно было бы перевернуть вопрос, что я и делаю. Поскольку за одиннадцать лет до моего избрания генеральным секретарем ВКТ было известно, что я являюсь членом коммунистической партии и ее Политбюро, можно сказать, что мои политические функции не были сочтены делегатами XXXVI съезда несовместимыми с выполнением функций генерального секретаря ВКТ. Речь идет о вопросе, который относится к компетенции членов ВКТ гораздо в большей степени, чем к компетенции наблюдателей со стороны. Сегодня кому бы то ни было трудно утверждать, что несовместимость, о которой столь много говорят, может что-либо изменить в нынешнем положении в профсоюзном движении и в перспективах единства.

Этот пресловутый вопрос о несовместимости политических и профсоюзных мандатов, широко обсуждавшийся во Франции сорок лет назад, в наши дни изжил себя. Главный вопрос сегодня (ни я, ни ВКТ в этом не сомневаемся) — это вопрос о профсоюзной независимости. Своими действиями ВКТ показывает, что эта независимость может прекрасно сочетаться со свободой для всех ее активистов заниматься вне ВКТ политической деятельностью по своему выбору.

Дороги единства

— Говоря о профсоюзном расколе, небезынтересно уточнить, как голосуют рабочие. Мы располагаем данными ряда опросов, в том числе довольно точными данными опроса, проведенного СОФРЕС*, о результатах голосования по профцентрам на парламентских выборах 1973 года. Так, коммунистическая партия собрала 58 процентов голосов членов ВКТ, 21 — членов ФДКТ и 20 процентов — членов «Форс увриер». За социалистическую партию проголосовали соответственно 29 процентов членов ВКТ, 30 — членов ФДКТ, 43 процента — членов «Форс увриер». Крайним левым свои голоса отдали 1 процент членов ВКТ, 11 — членов ФДКТ и 3 процента — членов «Форс увриер», а правительственному большинству 6 процентов — членов ВКТ, 27 — членов ФДКТ и 23 процента — членов «Форс увриер». Если профсоюзная деятельность носит также и политический характер, а мы с этим согласны, то приведенные цифры указывают, сколь трудной является проблема профсоюзного единства.

— Я не придаю решающего значения опросам, но и не отрицаю их ценности. Данные этого опроса отражают в известной степени политическое положение в нашей стране и указывают на последствия, которые оно

* СОФРЕС — Французское общество исследований посредством опроса. — *Прим. ред.*

может иметь для профсоюзного движения. Однако опрос отражает и другое — и это главным образом касается нашей профсоюзной организации, — что трудящиеся, каковы бы ни были их политические симпатии и убеждения, могут прекрасно действовать сообща в рамках ВКТ.

— Голосую одновременно за правительственное большинство, за коммунистическую партию и за крайних левых.

— Согласно опросу, только шесть процентов членов ВКТ отдали свои голоса правительственному большинству, а восемьдесят восемь процентов — левым силам. Это уже гораздо больше, чем отражение тенденции.

— Но правительственное большинство получило двадцать семь процентов голосов ФДКТ и двадцать три процента «Форс увериер».

— Это, вероятно, несколько преувеличено. Но неважно. Мы полностью отдаем себе отчет в том, что незначительная часть трудящихся, которая доверяет защиту своих интересов активистам ВКТ, может голосовать за правительственное большинство. Впрочем, по этой причине мы всегда считали, что на ВКТ лежит определенная ответственность — убедить трудящихся, что подлинными защитниками их интересов являются левые силы. Главный вывод, который можно сделать из этого опроса, состоит в следующем: трудящиеся, участвующие в профсоюзном движении, могут проводить свою работу, обеспечивать свою сплоченность, не будучи связанными политическими целями, определенными партиями или их идеологией.

Это подтверждает тезис о профсоюзном единстве, которым ВКТ столь дорожит. Мы всегда были убеждены в том, что обеспечить объединение профсоюзов в условиях партийного плюрализма возможно. Если верно, что плюрализм существует и соответствует реальному положению в стране, верно и то, что профсоюзный плюрализм может измениться. При условии, что профсоюзное движение сумеет подняться над узкополитическими соображениями и что в своей ориентации будет исхо-

дить из общих для всех трудящихся интересов, тенденция к объединению в нем может возобладать.

— За сорок лет в профсоюзном движении Франции только дважды были периоды, когда вокруг ВКТ объединялись все трудящиеся, — в 1936—1939 годах и в 1944—1947 годах. В обоих случаях при исключительных обстоятельствах. Думаете ли Вы, что следует дожидаться других исключительных обстоятельств?

— Эти два периода были конкретно связаны с политическими обстоятельствами. Профсоюзное единство возникло главным образом благодаря эволюции политического положения, а именно благодаря эволюции отношений между двумя левыми партиями — коммунистической и социалистической. В определенной степени это единство было больше связано с эволюцией общего политического положения в стране и отношений между двумя партиями, чем с причинами чисто профсоюзного характера. Сама по себе эта проблема также претерпела определенные изменения. Можно предположить, что в наши дни вопрос о профсоюзном единстве ставится несколько иначе, может быть, более независимо от политических соображений. Эволюция профсоюзного движения, достигнутая им зрелость и глубокие изменения в его рядах представляют собой новые аспекты, которые нельзя не учитывать, говоря о перспективах профсоюзного объединения в нашей стране.

— В течение двадцати лет ВКТ, кажется, искала единства с «Форс увриер». Она поддерживала довольно хорошие отношения с Федерацией народного образования. Затем, в 1964 году, появилась ФДКТ. В 1966 году было заключено первое соглашение о единстве действий, и с тех пор вы стремитесь прежде всего обеспечить единство с ФДКТ.

— Я верю в перспективу профсоюзного единства. Ваш вопрос наводит меня на одну мысль. Когда говорят о возможности органического единства профсоюзного движения, часто имеют в виду объединение такого рода, какой была ВКТ в 1936 и в 1944 годах.

— Поэтому прежде всего говорят именно о ВКТ и «Форс увриер».

— Действительно, подразумевается, что единство двух крупнейших течений, выразителями которых были и остаются ВКТ и «Форс увриер», достаточно, чтобы обеспечить профсоюзное единство по типу того объединения, какое существовало в 1936 и в 1944 годах. Заметим, что Французская конфедерация христианских трудящихся в то время придерживалась принципа профсоюзного плюрализма. Она исключала всякую мысль об объединении. С тех пор произошли большие изменения, что создает новые возможности во французском профсоюзном движении. «Форс увриер», по крайней мере ее руководители, не переставала скатываться на позиции сотрудничества классов, в то время как Французская конфедерация христианских трудящихся, наоборот, отказываясь от своей религиозной ориентации, переходила на позиции классовой борьбы. В профсоюзном движении произошла своего рода переоценка ценностей, которую необходимо принимать во внимание, тем более что Федерация народного образования, которая занимает особое положение в профсоюзном движении Франции, при всех своих колебаниях то в ту, то в другую сторону в зависимости от обстоятельств склоняется и будет склоняться и далее по основным вопросам на сторону двух главных национальных профцентров — ВКТ и ФДКТ. Положение в профсоюзном движении Франции изменилось. Расстановка профсоюзных сил стала иной.

В наши дни ФДКТ частично отражает эволюцию сознания рабочих-католиков. Я говорю «частично», потому что ВКТ также обогатилась в результате этой эволюции. Из-за сектантства руководителей «Форс увриер» часть трудящихся, придерживавшихся ориентации на социалистическую партию, отдали свое предпочтение ФДКТ. Я говорю «часть», поскольку в ВКТ вошла другая значительная часть трудящихся-социалистов. Короче говоря, ФДКТ стала вторым национальным профцентром, и сегодня она придерживается классовых концепций синдикализма. Она пришла к этому не без болезней роста, нарушавших ее отношения с ВКТ, в частности в мае 1968 года (мы об этом уже говорили). Но, несмотря

на все перипетии в развитии наших отношений, единство действий выдержало все бури.

Я убежден, что, хотя и продолжают оставаться некоторые разногласия, это единство действий помогает преодолевать предубеждения, недоверие, соперничество, местничество. Оно способствует выработке реалистичного взгляда на вещи, действенности профсоюзных выступлений и укреплению отношений между двумя профцентрами, между трудящимися, которые в них объединены. А ведь в конечном счете нет ничего полезнее человеческих контактов, для того чтобы узнать друг друга, понять друг друга. Следует проявлять взаимную терпимость, необходимую для конструктивного сотрудничества, к которому стремятся трудящиеся.

— *Вы трижды подписывали соглашения о единстве действий с ФДКТ — в 1966, 1970 и 1974 годах. Два первых были неудачными. Последнее, от июня 1974 года, представляется более прочным. ВКТ и ФДКТ стали значительно ближе друг к другу.*

— В этом следует видеть результат эволюции, о которой мы только что говорили. Практика единства действий способствует конкретизации сближения, которое происходит уже давно.

— *Несколько схематизируя, можно ли сказать, это происходит потому, что ФДКТ отказалась от внешнего вмешательства в ход борьбы, а ВКТ со своей стороны допускает теперь возможность выступлений в рамках предприятий?*

— Это слишком схематичное объяснение. Уже давно ВКТ выступает в принципе за активные действия трудящихся на отдельных предприятиях...

— *Выступает, но проводит ли это на практике?*

— Выступала даже в то время, когда все остальные профсоюзные организации были решительно против. Поэтому я не думаю, что можно говорить об этом вопросе столь категорично.

— *И однако, ФДКТ упрекала Вас в этом.*

— Я говорю так, не только отвечая на упреки, но и с учетом общей ориентации ВКТ. Уже давно ВКТ предлагает все усилия для того, чтобы увязывать выступления, начатые по инициативе низовых организаций, с крупными выступлениями в масштабе страны всякий раз, когда этого требует и позволяет обстановка, и не просто в силу изменения нашей концепции профсоюзной деятельности или по тактическим соображениям, а потому (мы об этом уже говорили), что в наши дни больше, чем когда-либо, многие социальные проблемы приобретают национальный характер и для их решения требуются массовые выступления в масштабе страны. По этому конкретному вопросу никогда не было серьезных разногласий между ФДКТ и ВКТ. Самое большее, можно говорить о различной тактике борьбы, объясняющейся различной оценкой обстановки. Что существуют разногласия между ВКТ и ФДКТ... это очевидно. Можно даже предположить, что будут возникать новые разногласия по мере того, как каждый из нас будет укреплять свои позиции, но уже на более высоком уровне. Я считаю, что слишком много говорят о существующих разногласиях и забывают о том, сколько их уже было преодолено.

— *Считаете ли Вы, что можно, как это сделал Жерар Адам, противопоставлять «профсоюз революции, воплощаемый ВКТ, профсоюзу брожения, представляемому ФДКТ»?* *

— Это искусственное, искаженное видение реальной действительности. Феномен, который произошел во французском профсоюзном движении и который отражает, в частности, деятельность ФДКТ, состоит в поразительном развитии концепций борьбы, основывающихся на классовых принципах. В течение последних десяти лет ФДКТ, без всякого сомнения, прошла путь, который позволяет с оптимизмом рассматривать процесс сближения наших двух профцентров. Один из важнейших вопросов, длительное время обсуждавшийся и явившийся предметом глубоких полемических дискуссий — вопрос о преобразовании общества и о социализме, — был

¹ L'Année dans le monde, 1973 (Larousse).

решен в тот день, когда ФДКТ высказалась по двум основным вопросам социалистического общества: кому принадлежит политическая власть и кто владеет средствами производства и обмена. Признав, что политическая власть должна принадлежать рабочему классу в союзе с другими прогрессивными силами, стремящимися к преобразованию общества, и что основные средства производства и обмена должны стать коллективной собственностью, ФДКТ устранила крупное препятствие на пути к нашему сближению.

Укрепление единства левых сил, совместная программа (хотя ФДКТ и не занимает столь четкой позиции, как мы, по этому вопросу), борьба во время предвыборной кампании 1974 года, позиция по ряду международных проблем, за решение которых наши профсоюзные организации несут свою долю ответственности совместно с другими профсоюзными организациями (в масштабах Западной Европы — это борьба против стран с фашистским режимом, против империализма, за независимость народов), — все это позволило значительно улучшить в последние годы отношения между ВКТ и ФДКТ.

Однако по некоторым вопросам существуют различные мнения и даже разногласия. Не всегда легко определить конкретный характер этих разногласий и их масштабы и обсудить их по существу. Я убежден, что товарищи из ФДКТ не будут на меня в обиде за то, что я об этом говорю, так как ничего обидного не имею в виду. Часто в самой ФДКТ существуют различные позиции по коренным проблемам; никогда нельзя знать заранее, какая позиция возобладает, какая из них станет официальной.

Основные разногласия с ФДКТ касаются, в частности, отношения к совместной программе левых сил. Мы согласны, что, поскольку речь идет о правительственной программе, профсоюзные организации, в задачу которых не входит отправление власти и выполнение соответствующих обязанностей, не должны подписывать совместную программу и безоговорочно ее поддерживать. Таким образом, они не являются сторонами-участницами. Они сохраняют полную свободу своих действий, даже если левые силы придут к власти. С этим мы согласны. Но если ФДКТ признает, что совместная про-

грамма представляет большой интерес, что предусматриваемые ею реформы имеют большое значение, и если ФДКТ не отрицает ее положительных сторон, то она тем не менее высказывает некоторые оговорки по аспектам, которые, как она считает, недостаточно развиты, неточно сформулированы или же противоречат ее концепциям, в частности, в отношении того, что она в целом называет «самоуправлением». По этому вопросу у нас несколько другое мнение, скорее, даже не мнение, а иной подход. Мы в ВКТ также могли бы сформулировать ряд оговорок по некоторым разделам совместной программы, содержание которых не идет так далеко, как мы этого хотели бы, как это формулирует программа ВКТ. Но мы понимаем, что речь идет о соглашении, заключенном между тремя основными левыми партиями, то есть о программе, определяющей одновременно и масштабы и пределы приемлемого для всех соглашения в условиях современного политического положения во Франции. Наконец, наше стремление к единству, понимание того, что оно может стать реальностью, должны заставить нас не привередничать — ведь речь идет о событии, значение которого трудно переоценить. Несмотря ни на что, содержание совместной программы левых сил исключительно прогрессивно благодаря предусматриваемым ею реформам, и в интересах трудящихся объединить все свои силы для обеспечения успеха этой программы. А уже после ее успешного осуществления мы сможем подумать о дальнейшем продвижении вперед. Если допустить (хотя это немыслимо в принципе), что ВКТ заняла бы позицию, аналогичную позиции ФДКТ в отношении совместной программы, то есть негативную позицию, основываясь на том, что некоторые ее разделы вызывают у нас оговорки, что содержание этих разделов не идет так далеко, как содержание нашей собственной программы, можно представить себе, как правые силы порадовались бы этому. Они воспользовались бы этой отрицательной позицией, чтобы подорвать то влияние, которое оказывал на народ нашей страны союз левых сил, сплотившийся вокруг совместной программы. Если бы так случилось, то левые силы не совершили бы скачка вперед, который чуть было не привел их к победе на президентских выборах.

Можно ли эту программу обогатить, уточнить, при-

способить к новым условиям нынешнего экономического положения? Здесь нет, на наш взгляд, неразрешимых проблем. Что касается нас, то мы уточнили в своих заявлениях, как мы понимаем участие профсоюзных организаций и трудящихся в управлении предприятиями. Мы разработали документ и передали его левым политическим партиям и ФДКТ. Нам известно, что партии положительно оценили его значение, проявили к нему большой интерес. У нас не было еще возможности обсудить его с ФДКТ. Мы подготовили этот документ, чтобы внести наш вклад в решение проблем, относящихся к компетенции профсоюзов.

Наша точка зрения по этому вопросу нестатична, она может быть изменена при определенных условиях. Все силы, которые могут внести свой вклад в дело победы совместной программы, могли бы при общем согласии, путем совместных поисков выдвигать и защищать идеи, которые им дороги.

До сих пор мы так и поступали. Мы отвергаем тезис, согласно которому левые силы подразделяются на два больших течения, одно из которых выступает за централизм, а другое — за самоуправление. Это объясняется давнишним стремлением провести своего рода демаркационную линию между различными формациями, которые должны объединиться в союз левых сил, для того чтобы обеспечить социальные преобразования в нашей стране. Конечно, существуют разногласия идеологического порядка; если бы их не было, не было бы и плюрализма политических партий. Существуют также различия в оценке опыта социалистических стран. Товарищи из ФДКТ видят в нем мало заслуживающего внимания, в то время как мы высоко ценим его многие положительные стороны. Наконец, между позициями ВКТ и ФДКТ существуют различия в области планирования экономики страны и влияния на мировую экономику, хотя нам трудно понять точный смысл позиций ФДКТ.

Вот те вопросы, которые возникают в наших взаимоотношениях с ФДКТ. Далеко не все из них решены. Часто товарищи из ФДКТ упрекают нас в том, что мы хотим всегда быть правыми при любых обстоятельствах. Это необоснованный упрек. Речь идет о рассмотрении сути проблем. Единство не предполагает, чтобы каждый

прошел половину пути. Если бы (еще одна абсурдная гипотеза) мы согласились с такой симметрией или такой геометрией в то время, когда Французская конфедерация христианских трудящихся стала Французской демократической конфедерацией труда, мы должны были бы отказаться от целого ряда классовых принципов, которых придерживается наше движение. Не думаю, что профсоюзное движение в целом выиграло бы от подобной позиции или что это могло бы способствовать углублению эволюции, которую ФДКТ после поворота, происшедшего десять лет назад, претерпела.

Мы не утверждаем, что ничего не можем почерпнуть из идей, защищаемых ФДКТ. Наоборот, обмен мнениями, диалог обогащают друг друга при условии, что стороны не боятся «запретных» тем, что они отказываются от предвзятых идей, узкоместнических интересов, зазнайства, предубеждений, соперничества. Дискуссии между профсоюзными организациями могут в высшей степени быть полезными для всех, кто принимает в них участие. Они помогут преодолеть разногласия в том, что касается перспектив профсоюзного объединения. Не буду утверждать, что внутри самой ВКТ не нужно уже прилагать усилий, чтобы продвигаться в этом направлении. Я, наоборот, считаю, как и все мои товарищи из ВКТ, что сделать еще нужно многое. Но я убежден, что мы действительно идем вперед.

— Для Вас единство действий является просто этапом на пути к органическому единству?

— Возможность лояльно разделять обязанности, углубленно изучать, помимо проблем единства действий в защиту непосредственных требований трудящихся, вопросы, касающиеся эволюции французского общества, в том числе с учетом перспективы победы левых сил и, следовательно, условий последующего построения социалистического общества, — такая возможность способствует установлению конструктивных отношений сотрудничества между различными профсоюзными организациями. Так постепенно создаются условия для сближения, которое может открыть перспективу для профсоюзного объединения.

— *Итак, единство действий ведет к объединению.*

— Да, но я не считаю, что мы находимся на пороге дискуссий о начале процесса объединения профсоюзов. Просто создаются новые условия, которые позволяют об этом подумать. В прошлом возможности объединения появлялись благодаря массовому народному движению и соглашению между партиями. Опыт 1936 и 1944 годов был исключительно полезным для французского рабочего движения, потому что всякий раз, даже если профсоюзное единство и было недолговечным, это отражало процесс развития профсоюзного движения на основе классовых позиций.

Сегодня проблема решается в несколько иных условиях, чем в 1936 или 1944 годах. Профсоюзное движение прошло определенное развитие; его отношения с политическими партиями ставят новые проблемы; его зрелость является реальным фактом. ВКТ определяет свой курс, действует и принимает решения самостоятельно. Любая попытка посягнуть на ее независимость может серьезно отразиться на ее сплоченности и единстве и даже скомпрометировать их. Следовательно, ВКТ создает таким образом благодаря характеру своей деятельности условия, благоприятные для перспектив объединения. Поскольку синдикализм прошлого, основывавшийся на классовом сотрудничестве, уступил место классовому синдикализму, у сторонников профсоюзного единства появляются реальные надежды.

В этой связи я хотел бы высказаться по поводу терминологии, обычно используемой в национальном и даже международном профсоюзном движении, в соответствии с которой «реформистскими» называются организации, проповедующие классовое сотрудничество. Это слово приобрело в рядах революционного рабочего движения уничижительный смысл. Оно означает окончательное осуждение всех тех, кто подпевает находящейся у власти буржуазии. Однако этимологически слово «реформист» может также определять сторонников реформ, а в экономическом и социальном плане борьба за прогрессивные реформы всегда была и остается смыслом существования профсоюзов. В самом деле, любая профсоюзная деятельность исходит из необходимости проведения реформ общества. Любая забастовка, на-

правленная на изменение законодательства, улучшение условий жизни и труда, имеет, следовательно, целью осуществление реформ общества, в котором действует профсоюз.

— Термин «реформистский» используется в противовес термину «революционный», означающему изменение общества.

— Именно в этом есть нечто исключительно важное. Если наша профсоюзная организация, как и ФДКТ (по крайней мере она это утверждает), имеет конечной целью преобразование общества на совершенно ясных и четких антикапиталистических основах, она тем не менее не устранивается от выполнения своих обязанностей по защите интересов трудящихся до тех пор, пока цель не будет достигнута. В рамках капиталистического общества она добивается максимума улучшений в положении трудового народа и, следовательно, реформ этого общества.

— Вы хотите сказать, что конечная цель ВКТ — революционная, но что пока, до преобразования общества, она стремится к реформам, то есть она реформистская.

— Принимая во внимание историческое значение определения «реформистский», я предпочитаю сказать, что деятельность ВКТ является реформаторской. Можно даже сказать, что она является самой реформаторской организацией Франции, потому что именно ВКТ наиболее активно выступает за проведение коренных реформ капиталистического общества. Ее конечная цель, безусловно, остается революционной. В существующем же обществе она борется за максимум реформ. Должен сказать, что реформа является философской основой совместной программы левых сил.

— Как Вы думаете, предполагаемое объединение, которое едва ли возможно в ближайшее время, осуществится поэтапно или сразу?

— Здесь мы затрагиваем проблему, широко обсуждавшуюся в профсоюзном движении. Ее нельзя рассмат-

ривать в отрыве от другой проблемы. Для того чтобы объединение стало возможным, требуется дальнейшее изменение обстановки в стране, еще более длительная практика единства действий, так что мы еще далеки от действительного процесса объединения. Вопреки распространённому мнению я не думаю, что устранение препятствий на пути объединения профсоюзов Франции в обязательном порядке зависит от решения вопросов, касающихся представительства тенденций (под ними я понимаю организованные политические тенденции).

Полагаться в области профсоюзного объединения на соглашение или на компромисс между организованными политическими течениями означало бы зависеть от позиций существующих политических партий. Иначе говоря, это означало бы отнять у профсоюзного движения его прерогативы, его суверенитет и, следовательно, в какой-то мере игнорировать интересы большого числа членов профсоюзов, не принадлежащих к партиям. Подобное единство, которое явилось бы лишь картелем политических течений, было бы недолговечным, уязвимым при малейших разногласиях, могущих всегда возникнуть между партиями.

Вот почему вопрос о представительстве политических течений, рассматриваемый в юридическом смысле слова в качестве условия профсоюзного единства, как мне кажется, изжил себя во Франции. Это уже давно верно в отношении ВКТ, это верно также в отношении всего профсоюзного движения. Подобные соображения не должны явиться непреодолимым препятствием на пути к профсоюзному объединению.

— Таким образом, с вашей точки зрения, прежде всего именно единство действий ведет к объединению?

— Перспективы профсоюзного единства зависят от развития самого профсоюзного движения. Только в самом себе оно может найти наилучшие пути для объединения. Это подразумевает глубокое обсуждение вопроса, заключение широкого и четкого соглашения, которое стало бы, по существу, единой программой, определяющей ориентацию профдвижения, а также предварительного соглашения о составе руководящих органов, с тем чтобы все составные части профсоюзного движения,

политически организованные или нет, заняли в них подобающее место. Одно из необходимых условий профсоюзного единства заключается в том, чтобы никто не пытался превратить профсоюзное движение в арену политических и идеологических сражений. Плюрализм партий — реальность, которая будет существовать еще длительное время в такой стране, как наша, но он не может помешать профсоюзному движению обеспечить свое единство. Это означает, что одной из основ такого объединения должна быть независимость профсоюзного движения от политических партий, а также от государства, предпринимателей, церкви и других внешних сил. На пороге единой и объединенной профсоюзной организации профсоюзные активисты, принадлежащие к политическим партиям, должны соблюдать внутреннюю демократию профсоюза.

— Пока мы говорим об объединении только ВКТ и ФДКТ, но ведь есть и другие профсоюзные организации.

— Думаю, что, как только начнет создаваться унитарная профсоюзная организация, призванная объединить всех трудящихся Франции независимо от их политических, идеологических и религиозных убеждений, эта проблема обязательно встанет и перед остальными профсоюзными организациями и они должны будут занять определенную позицию. В первую очередь это будет касаться Федерации народного образования, которая появилась после раскола ВКТ в 1947 году и избрала тогда автономию. Я убежден, что эта организация, если учитывать ее состав и роль, которую она играет в профсоюзном движении Франции, непременно включится в процесс объединения.

Остается «Форс увриер». Если исходить из нынешней позиции ее руководства, можно было бы заключить, что «Форс увриер» откажется от участия в переговорах, направленных на достижение единства. Но тогда это означало бы, что некоторые индивидуумы сильнее идей. Более чем вероятно, что большинство активистов «Форс увриер» и, конечно, большинство ее организаций на предприятиях, в департаментах и даже некоторые ее национальные организации присоединятся к перегово-

рам о подготовке объединения. Тяга к единству, которая наверняка возникнет среди огромного большинства членов «Форс увриер», будет столь велика, что нынешние руководители этой организации вряд ли останутся на своих позициях. История показывает, что в подобных случаях нередко бывает резкая смена убеждений в самый последний момент.

— *Остаются еще Французская конфедерация христианских трудящихся и Всеобщая конфедерация административно-управленческого персонала.*

— Французская конфедерация христианских трудящихся продолжает придерживаться, из принципа, профсоюзного плюрализма, руководствуясь папской энцикликкой начала века «Рерум Новарум» *, которая служит теологической основой ее создания. По всей вероятности, ее руководители по религиозным причинам выступят против объединения. Однако профсоюзные организации ФКХТ действительно рабочего характера не останутся в стороне от процесса объединения. И тогда, возможно, католическое руководство (которое в других обстоятельствах смогло проявлять временами определенный реализм) осознает бесплодность изоляции и сочтет, что лучше всего присоединиться к единой профсоюзной организации всех французских трудящихся. Что касается Всеобщей конфедерации административно-управленческого персонала, ее существование и ее ориентация основываются на корпоративистской и, следовательно, демагогической концепции профсоюзной деятельности. Эта организация вообще смогла выжить лишь благодаря некоторым обстоятельствам, которые, как мне представляется, уже принадлежат прошлому. В свое время предприниматели убедили многих инженеров, административных работников и техников в том, что их интересы гораздо ближе к интересам господствующего класса, чем к интересам трудящихся. У конфедерации, думаю мне, нет будущего. Будущее принадлежит тем

* «*Rerum novarum*» — первые слова папской энциклики (послания) «О положении рабочих», изданной папой Львом XIII 15 мая 1891 года. Это своего рода социальная хартия католицизма, которая была направлена против социалистических идей в рабочем движении. — *Прим. ред.*

инженерам, административным работникам и техникам, которые выступят за союз с рабочим классом, исходя из общности их интересов и интересов рабочих. Если за это время не произойдет серьезных изменений, которых нельзя исключать априори, руководство конфедерации, конечно, откажется участвовать в процессе объединения. Но мне представляется очевидным, что многие из тех, кто входит пока в эту организацию, не смогут устоять перед перспективой объединения, которая будет действовать как катализатор, в том числе в их среде.

Нужно еще пройти долгий путь, углубленно осмыслить многие вопросы, преодолеть многие препятствия. Лучше не торопиться и как следует подумать, с тем чтобы подготовить нечто прочное и солидное. Я говорю так, имея в виду прошлый опыт профсоюзного движения. Лучше построить прочный фундамент для единства, чем пытаться перескакивать через этапы, рискуя создать что-то неустойчивое, что могло бы вызвать в будущем новые разочарования трудящихся. Во всяком случае, последнее слово останется за трудящимися, которые больше всех заинтересованы в единстве. Потому они и будут главными строителями единства. Вот почему все дискуссии, которые должны состояться в будущем по проблемам объединения, не могут ограничиваться переговорами между руководством, между штабами профсоюзов; они предполагают широкое участие трудящихся, которые могли бы действовать при любых обстоятельствах со знанием дела.

— Создается впечатление, что между Эдмоном Мэром и Вами, и даже руководством ФДКТ и ВКТ, имеется определенное согласие. Между активистами же ВКТ и ФДКТ все еще существуют разногласия, не так ли?

— Не следует делать такие обобщения. Гораздо больше говорят о возникающих трудностях, чем об успехах. А опыт показывает, что имеется гораздо больше примеров улучшения отношений на предприятиях, чем случаев их обострения. В развитии отношений наблюдается тенденция к преодолению трудностей и к положительной эволюции отношений. Если в верхах мы также можем играть полезную роль, тем лучше; я убежден в

том, что в конечном счете все будет зависеть от воли трудящихся.

— *Таким образом, предстоит пройти еще значительный путь, но Вы глубоко убеждены, что явитесь свидетелем профсоюзного объединения.*

— Да, я в этом глубоко убежден. И это будет великим днем в моей жизни рабочего активиста, профсоюзного активиста. И поскольку я не хочу при исполнении своих профсоюзных обязанностей слишком быстро состариться и уступить место молодым, надеюсь, что это произойдет достаточно скоро.

Когда левые силы придут к власти...

— *Нельзя отделять поиск профсоюзного единства от параллельного поиска единства левых сил.*

— Они взаимосвязаны, особенно в такой стране, как наша, учитывая характер рабочего движения, историю его зарождения, его традиции, его развитие. По этой причине ВКТ всегда выступала за союз и единство действий левых сил. В качестве примера скажу, что ВКТ сыграла активную роль в разработке соглашения о единстве действий левых партий в годы Народного фронта. В то время ВКТ даже предоставила свои помещения в распоряжение левых партий, чтобы облегчить достижение соглашения. Все помнят роль ВКТ в подпольной борьбе против гитлеровских оккупантов и когда стоял вопрос об объединении профсоюзных сил во время второй мировой войны. Не случайно один из членов ВКТ, Луи Сайян, был председателем Национального совета Сопротивления. В этом Совете объединились все течения, сражавшиеся против гитлеровских оккупантов. ВКТ также внесла вклад в единство левых сил и других сил нации, стремящихся к демократическим преобразованиям. Во время майских событий 1968 года ВКТ приложила все усилия для того, чтобы обеспечить сближение и согласие левых политических партий и профсоюзных сил. С тех пор одной из основных задач ВКТ стало единство левых сил, основанное на программе, определя-

ющей масштабы и границы приемлемого для всех соглашения.

— *Можно даже считать, что именно ВКТ выдвинула лозунг совместной программы левых сил в мае 1968 года.*

— Идея совместной программы зародилась задолго до мая 1968 года. Первоначально она была сформулирована Французской коммунистической партией, в частности Вальдеком Роше. В ходе майской забастовки 1968 года мы увидели возможность политической альтернативы. Однако трудно было представить разработку полной программы в огне событий мая 1968 года. В то время мы поддерживали главным образом идею соглашения по конкретным общим целям, позже мы высказались и по программе. На съезде в Ниме в апреле 1972 года мы выдвинули следующее предложение: левые политические партии должны договориться, а ВКТ готова внести свой вклад в разработку программы, сесть за стол переговоров вместе с левыми партиями, даже если другие профсоюзные организации будут продолжать отказываться от участия в них. Три месяца спустя была подписана совместная правительственная программа левых сил. ВКТ приветствовала это событие, а затем включилась в борьбу за создание условий для победы левых сил на основе программы. Это было логичным подтверждением постоянной позиции ВКТ в отношении программы. Некоторые комментаторы заявили, что не следует этому удивляться, что это можно было предвидеть. Верно, что те, кто внимательно следил за деятельностью нашей профсоюзной организации, имели основание так говорить. И все-таки принятие совместной программы, поддержанной крупнейшим национальным профцентром, было довольно необычным явлением в истории нашей страны, было событием поистине выдающимся. С тех пор ВКТ приложила большие усилия для популяризации содержания совместной программы среди трудящихся. Она безраздельно поставила свой авторитет на службу этому делу и отдает ему все свои силы, как в этом можно было убедиться в ходе президентских выборов. Мы приветствовали участие в этой кампании двух других профсоюзных организаций — ФДКТ и ФНО, как шаг вперед на пути профсоюзного сближения,

позволивший поднять на качественно новую ступень единство действий, в том числе по вопросам политического характера. Борьба продолжается, борьба нелегкая.

— *Какое место занимает ВКТ в этой борьбе? Рядом с партиями или вместе с партиями?*

— Может, следовало бы сказать, и это будет точнее, рядом, так как существует различие между ВКТ и партиями: ВКТ не ставит своей целью участие в осуществлении власти. Некоторые разделы совместной программы левых сил не относятся к ее компетенции. Поэтому она не может участвовать в ее реализации в том же качестве, что и партии. Таким образом, ВКТ является профсоюзной организацией, которая обеспечивает программе поддержку значительной массы трудящихся, тех, которых она объединяет, и тех, на которых она оказывает влияние. Именно с этой точки зрения и следует оценивать характер поддержки ВКТ совместной программы и участие конфедерации в битве за быстрейшее воплощение этой программы в экономической, политической и социальной областях.

Возможность победы левых сил является в настоящее время наиболее острым вопросом, стоящим на повестке дня французской политической жизни после президентских выборов. Это самый важный вопрос, касающийся всех. Мы никогда его не рассматривали только под углом зрения выборов. Мы полностью сознаем, что речь идет не о простом завоевании левыми силами большинства голосов избирателей. Мы не забываем, что другие обстоятельства, конечно отличающиеся от нынешних, уже приводили к тому, что левые силы имели большинство. Например, в январе 1956 года. Однако за этим не последовало существенных изменений в экономической, социальной и политической жизни.

Новым фактором в нынешней обстановке, чего не было в прошлом (в том числе во время Народного фронта) и что благоприятствует левым силам, это — содержание союза левых сил. Именно под этим углом зрения нам, активистам профсоюзов, следует оценивать настоящее и выявлять причины трудностей, которые могут возникнуть в будущем. Нельзя говорить о возможности победы левых сил, не учитывая существования совмест-

ной программы и, следовательно, всех предусматриваемых ею реформ, так как мы поддерживаем совместную программу не для того, чтобы помочь левым партиям в предвыборной кампании, а для того, чтобы обеспечить преобразования, глубокие реформы нашего общества, позволяющие удовлетворить основные социальные потребности трудящихся.

— *Вы поддерживаете совместную программу, однако Вам не было предложено принять непосредственное участие в обсуждении этой программы, хотя бы ее социальной части.*

— В период, предшествовавший подписанию программы, у нас было достаточно возможностей встретиться с представителями двух основных левых партий и высказать им все то, что мы хотели бы включить в совместную программу в разделах, касающихся нашей профсоюзной компетенции.

— *Я говорю о непосредственном участии. Вы же высказали пожелания, но не все они были учтены в совместной программе.*

— Но в этом случае совместная программа практически отражала бы всю программу, которую ВКТ разработала на своем XXVIII съезде. В том, что касается основных вопросов, непосредственных требований и даже более отдаленных перспектив, совместная программа в значительной степени отражает цели ВКТ. Таким образом, она не налагает на нас обязательств, но мы поддерживаем ее, исходя из ее классового содержания, предлагаемых ею прогрессивных решений, предполагающих ограничение, а иногда и очень существенное сокращение политического и экономического могущества частных финансовых и промышленных сил, господствующих в нашей стране. Вот почему совместная программа не является каким-то предвыборным соглашением. Она представляет собой инструмент, позволяющий осуществить значительные социальные преобразования в нашем обществе. Хотя речь идет не об установлении социализма, а лишь о реформах в рамках существующей системы, однако о таких реформах, которые могут

со временем открыть перспективы для построения социалистического общества в нашей стране.

— Означает ли это, что Вы рассматриваете программу как возможный этап?

— Слово «этап» несколько слабое. Мы рассматриваем эту программу как значительное, беспрецедентное явление в истории нашей страны, которое может привести к еще более существенным преобразованиям в будущем. В основном совместная программа отвечает потребностям реального преобразования общества, необходимого для обеспечения социального прогресса. Мы отдаем себе отчет в том, что она представляет большую опасность для могущественных частных интересов, контролирующих экономическую и политическую жизнь страны. Вот почему победа левых сил приобретает большое значение не только в масштабе страны, что уже достаточно само по себе для того, чтобы понять ожесточенный характер борьбы, но также и в международном плане. Легко предвидеть отзвук, который будут иметь глубокие экономические и политические преобразования во Франции в европейском капиталистическом сообществе. Господствующие классы ни в одной из крупных капиталистических стран, которые выказывают исключительную солидарность, как только затрагиваются где-либо их интересы и привилегии, не останутся, разумеется, безучастными, когда над их господством нависнет хоть малейшая угроза. Осуществление совместной программы имеет, таким образом, большое национальное, европейское и международное значение. Наивно было бы полагать поэтому, что реакционные силы Франции и всего мира, все экономические и политические силы, стремящиеся к мировому господству, могут пассивно наблюдать за конкретизацией подобной альтернативы во Франции. Все это и объясняет ожесточенность борьбы, ведущейся вокруг совместной программы. Вопрос стоит так: или же сторонники совместной программы возьмут верх над нынешним правительственным большинством, или же правым силам вновь удастся выпутаться с помощью решения, которое могло бы в случае неудачи на выборах или политического кризиса привести к «смене» правительства и обеспечить продолжение прежней политики.

Так в настоящее время стоит вопрос перед трудящимися. От их бдительности, от их действий, от их союза зависит, чтобы завтрашняя Франция стала Францией совместной программы.

— *В любом случае борьба за удовлетворение повседневных требований трудящихся занимает первое место в деятельности ВКТ.*

— Мы перестали бы быть профсоюзом, если бы не вели в первую очередь повседневную борьбу за удовлетворение социальных требований трудового народа.

— *То, что оба вида борьбы переплетаются, — это очевидно, но необходимо делать выбор между первоочередными задачами.*

— Нам никогда не придет в голову сказать трудящимся того или иного предприятия, выдвигающим конкретные требования в связи, например, с загрязнением воздуха в цехе, что до тех пор, пока не будет осуществлена совместная программа, ничего нельзя сделать для них. Трудящиеся нас не поняли бы. Наша профсоюзная деятельность в первую очередь направлена на удовлетворение требований трудящихся. Однако мы отдаем себе отчет в том, что относительно крупных реформ, которые в определенной степени обуславливают социальный прогресс в целом, мы сталкиваемся с политикой, природу которой нужно хорошо понять, чтобы эффективно бороться с ней и продвигаться вперед.

— *Сказанное Вами заставляет меня задать Вам следующий вопрос: до каких пределов может идти ВКТ в деле осуществления и обеспечения успеха совместной программы?*

— Ваш вопрос затрагивает проблему сознательности трудящихся. Мы были бы неправы, если бы переоценили тот факт, что тринадцать миллионов французов и француженок голосовали за Франсуа Миттерана. Следует отметить, что некоторое число этих голосов отражали лишь глубокое стремление к переменам, большое недовольство и желание разгромить правые силы:

неважно кто, неважно что, лишь бы все изменилось. Это показывает, между прочим, что недовольство и стремление к переменам не являются синонимами революционности и политической сознательности. Многие из этих избирателей пока еще не могут объяснить содержание, глубокий смысл и подлинное значение совместной программы. Они еще не видят достаточно ясно, что крупный капитал и крупная буржуазия Франции готовы бороться всеми средствами до конца и не допустить того, что они считают катастрофой. Нужно хорошо понять, что крупная буржуазия находится, впервые в истории, на драматическом перекрестке, поскольку она не располагает запасным ходом, который помог бы ей справиться с кризисной ситуацией и остановить наступление левых сил.

На последних президентских выборах буржуазия практически собрала все свои голоса. Конечно, в подобные кризисные периоды противоречия обостряются, недовольство населения растет и ширится. Власть крупного капитала не может найти ничего другого, как вступить в бой против единства левых сил, и в первую очередь, против их совместной программы, для того чтобы попытаться выхолостить ее реформаторскую суть, ее классовое содержание, очернить предусматриваемые ею реформы, направленные на ограничение могущества крупных капиталистических монополий, в частности путем национализации. Мы являемся свидетелями широкой кампании, направленной на скорейшее создание третьей силы типа левого центра. В случае неудачи на выборах или в условиях политической напряженности крупная буржуазия надеется с помощью третьей силы справиться с положением, не отказываясь от экономического и политического курса, навязанного Франции уже давно, но особенно после 1958 года. В свете заявлений некоторых политических деятелей, как, например, Понятовского, Леканюэ, Дюрафура, Жюбера и представителей других более или менее центристских кругов, мне представляется очевидным, что каждый из них лелеет мечту создать эту третью силу. В нее могла бы войти часть этих деятелей и некоторое число социалистов, у которых, говоря откровенно, никогда не вызывало восторга соглашение о совместной программе, подписанное социалистической партией, коммунистической

партией и левыми радикалами. До успеха подобной попытки довольно далеко, однако смысл затеваемой операции состоит именно в этом. Естественно, что трудящиеся обеспокоены и выступают против подобных попыток, которые восстановили бы в нашей стране режим Четвертой республики (от которого она и погибла), оставивший у трудящихся горькие, тягостные воспоминания.

Все это и объясняет разгул антикоммунизма после президентских выборов, систематическое шельмование совместной программы, утверждение, что она изжила себя, что она не ко времени. Поэтому мы, в ВКТ, считаем, и мы об этом всегда говорили, что наивно и даже безответственно полагать, будто достаточно бурной вспышки энтузиазма на выборах и чаша весов перетянет в сторону левых сил и глубокие преобразования, намеченные совместной программой, осуществляться. В действительности, я думаю, для победы левых сил и для осуществления преобразований, которые они провозглашают, должно быть обязательно два этапа. Мы уже провели большую работу, разъясняя необходимость достижения соглашения о правительственной программе. Это соглашение достигнуто. Сейчас мы находимся на втором этапе, который подразумевает осознание подлинного содержания этой программы и, следовательно, того, что поставлено на карту в борьбе. Новый этап требует также присоединения к совместной программе новых сил, с тем чтобы борьба за перемены стала делом основной массы нашего народа, который бы не только поддерживал программу всем сердцем, но и полностью осознал ее цели. На этом втором этапе мы должны создать условия, необходимые для выполнения совместной программы, — условия, которые наверняка сорвали бы любую попытку правых сил расколоть единство левых сил и похоронить их программу. Необходимо также сорвать любую попытку (напомнить об этом нелишне) реабилитировать старые реформистские иллюзии, основанные на практике классового сотрудничества, которую мы наблюдали в прошлом, в частности когда представители левых сил участвовали в управлении делами капитализма. Шумиха, поднятая вокруг «доклада» Сюдро, показывает, что это идеологическое наступление на службе реформизма ныне является составной

частью широкой кампании крупного капитала против представляемых нами прогрессивных идей.

Совершенно очевидно, что трудящиеся не могут слепо полагаться на договоренность национальных руководств политических партий, даже если к ней присоединятся и профсоюзы. Исторический опыт показывает, что союзы, какими бы положительными они ни были, если они не пользуются массовой и сознательной поддержкой трудящихся и других социальных категорий трудового населения, всегда ненадежны и уязвимы перед действиями противника. Я глубоко убежден, что выполнение совместной программы зависит не только от честности и преданности всех участников союза, даже если предположить, что все останутся честными и преданными до конца. Я продолжаю считать, что оно зависит главным образом от того, как трудящиеся будут следить за выполнением и соблюдением взятых обязательств и участвовать в предлагаемых им преобразованиях. Только так они смогут противостоять любым попыткам уйти от взятых обязательств, любым интригам, к которым противник прибегнет. Для проведения этих преобразований потребуются мобилизация всех сил народа, потребуется его большинство, и не только на выборах. Действительные перемены могут произойти только благодаря твердой народной воле. У всех, кого вдохновляет искреннее желание победить, нет никаких оснований бояться, что трудящиеся возьмут в свои руки дело борьбы за проведение этих преобразований и их закрепление.

— *Это означает: поскольку левые силы не победили на президентских выборах 1974 года, не стоит торопиться, добьемся сначала поддержки широких народных масс.*

— Простая победа на выборах, которая не опиралась бы на широкую сознательную поддержку народа, на твердую решимость добиваться поставленных целей, была бы ненадежной. Это было верно всегда. Конечно, сегодня положение значительно изменилось. Вот почему наша профсоюзная организация, повседневно защищая требования трудящихся, стремится к тому, чтобы в свою очередь поддержка трудящимися совместной про-

граммы была еще более широкой и еще более сознательной. До настоящего времени наша борьба практически покрывалась словом «оппозиция». Мы приближаемся к тому времени, когда нашу деятельность можно будет охарактеризовать как «управление». Нет ничего удивительного в том, что мы уже сейчас стремимся заполучить в наши руки как можно больше козырей с тем, чтобы обеспечить успех нашего управления, чтобы оно полностью отвечало интересам трудящихся, потребностям нашего народа, служило демократическому и прогрессивному будущему Франции.

— *Вы все еще не ответили на мой вопрос: до каких пределов может идти ВКТ в деле обеспечения успеха совместной программы?*

— ВКТ трудно сделать больше того, что она делала до сих пор, например во время кампании, предшествовавшей президентским выборам. ВКТ участвует в борьбе левых сил для того, чтобы в случае победы трудящиеся не полагались исключительно и слепо на тех, кто будет править Францией, а считали, что это также и их дело. В этот момент мы вместе с ними будем следить за выполнением взятых обязательств, за соблюдением партнерами заключенного соглашения, за осуществлением реформ, предусмотренных совместной программой. Конечно, не сразу, но постепенно, уверенно, так, чтобы требования трудящихся, предусмотренные в совместной программе, были действительно удовлетворены.

— *Профсоюзные организации медленно, но уверенно идут по пути к единству. Напротив, политические партии продвигаются слабо (я не скажу «совсем не продвигаются») на этом пути. Может ли успех в объединении профсоюзов способствовать обеспечению единства левых сил?*

— Эволюция вопросов, связанных с единством, профсоюзным или политическим, зависит от осознания этих вопросов трудящимися, от их деятельности и роли, которую сами они играют в решении этой проблемы. Все зависит от масс. Единство действий ВКТ и ФДКТ и инициативы, которые они могут предпринять для моби-

лизации трудящихся в экономической борьбе, положительно отражаются на росте сознательности рабочих, на мобилизации их сил. Они создают благоприятные условия для преодоления трудностей и укрепления единства левых сил.

— *Можно ли пойти дальше и сказать, что единство трудящихся окажется сильнее раскола левых сил, что в конечном счете это единство явится тем оплотом, который позволит избежать раскола левых сил?*

— Основой единства левых сил, объединения всех народных сил явится прежде всего единство рабочего класса, который, по моему мнению, остается исторически самым революционным, самым решительным и самым сознательным классом. Единство осуществится вокруг рабочего класса. Вот почему столь важно, чтобы трудящиеся имели достаточно четкую информацию о природе проблем, обсуждающихся левыми силами, с тем чтобы они могли действовать со знанием дела. Благодаря подобному осознанию проблем трудящимися, их широкому участию в укреплении единства левых сил (а также профсоюзного единства) могут быть решены все вопросы. Это доказывает исторический опыт, причем не только во Франции.

Французский социализм

— Иногда полезно, особенно в такой беседе, как наша, договориться о значении слов. Например, слова «социализм». Сикко Мансхольт* также много говорит о социализме. Он даже выступает за европейский социализм.

— Очень интересно отметить, как много сторонников приобрело слово «социализм» с начала нашего века, с тех пор как Маркс заклеил буржуазию, для которой социализм был худшим из пороков. Сегодня все выступают за социализм. Социалистические идеи и перспективы социалистического общества укрепились за последнее время и завладели умами. К сожалению, это прекрасное слово стало для многих чем-то вроде испанской харчевни, куда каждый может приносить все, что ему вздумается, и не всегда это приносимое хорошего качества. Для меня социализм — это радикальное преобразование капиталистического общества, его коренная перестройка. Социализм означает конец частной собственности на основные средства производства и обмена, передачу власти трудящимся и народу. А социализм, о котором говорит Сикко Мансхольт, скорее, похож на то, что существует в Швеции, где остаются капиталистические структуры. Для того чтобы экономический и обще-

* Сикко Мансхольт — бывший председатель комиссии Европейского экономического сообщества (ЕЭС). — *Прим. ред.*

ственный строй стал социалистическим, недостаточно, чтобы во главе правительства стояли социалисты. Следовательно, то, что существует в Швеции и в других странах, управляемых социал-демократическими партиями, является либеральной демократией, которая продолжает оставаться буржуазной и капиталистической. Нас никогда не заставят принять это за социализм.

— *Вы часто говорите о построении французского социализма.*

— Принимая во внимание национальные особенности, историю нашего рабочего движения, положительные черты нашего народа, а также его недостатки, его культуру, экономические, политические, социальные условия жизни, профсоюзное движение, не только я, но и многие другие полагают, что, действительно, наша страна пойдет по пути социализма, который будет обязательно учитывать наше национальное своеобразие. В противном случае не может быть социалистической перспективы для нашей страны. Социализм нельзя представить во Франции вне союза и согласия между партиями, которые будут управлять ею до построения социализма, то есть коалиции, которая сумеет обеспечить политическую и экономическую демократию. Это в свою очередь должно побудить наш народ выразить желание пойти дальше в деле социальных преобразований в стране. Основываясь на воле народа, силы, которые будут руководить страной, смогут рассмотреть условия вступления нашего общества на путь социализма. Каждый народ, каждое национальное движение должно находить свой путь. Если некоторые принципы построения социализма, особенно в области экономики, универсальны, другие аспекты должны учитывать национальные особенности. Вот почему было бы абсурдно копировать ту или иную модель. Я думаю, что ни один сторонник социализма не может сам, в одиночку определить во всех деталях условия построения социализма в нашей стране. Мы не претендуем на это. Я не думаю, что другие партии или другие представители левых сил могли бы претендовать на это. Поскольку социализм будет обязательно делом всех сил, которые построят экономическую и политическую демократию во Франции, социалистиче-

ское общество будет основываться на совместных поисках наилучших условий для продвижения вперед на каждом этапе, причем каждый внесет в дело строительства социализма свои мысли и свой вклад с учетом прошлого опыта, существующих условий и будущих потребностей. Таким образом, социалистическое общество Франции будет строиться в условиях постоянной адаптации, постоянного творчества, все более углубленного поиска наилучших перспектив. Такой поиск, безусловно, обогатит наш собственный опыт и, конечно, привлечет интерес других народов Европы и мира.

— *Вряд ли возможно теоретически обосновать все это, потому что речь идет о непрерывном движении.*

— В некоторых областях можно разработать теорию, по это должно быть сделано не формально и догматически. Увы, создается впечатление, что не все, кто разглагольствует о социализме, отличаются скромностью.

— *Мы снова, таким образом, возвращаемся к тому, что может вас разделить с ФДКТ.*

— Мы уже несколько раз обсуждали эти вопросы с нашими товарищами из ФДКТ. Должен, однако, заметить, что по сравнению с их концепцией социализма десяти-пятнадцатилетней давности их сегодняшняя позиция по некоторым коренным проблемам, в частности по основным вопросам построения социализма, значительно изменилась: коллективная собственность на средства производства и обмена и принадлежность политической власти тем, кто намеревается построить социализм. Этот этап пройден. Так же обстоит дело и с концепцией управления экономикой в масштабах страны, то есть централизованного планирования. В эпоху, когда естественное экономическое развитие характеризуется концентрацией производства и даже его интернационализацией, невозможно представить распыление производства среди мелких коллективов. В этом отношении не все еще ясно, и не стоит этого скрывать. Некоторые тезисы, например о самоуправлении, нам представляются несколько туманными. Нужно продолжать обсуждение, но не увлекаться академическими бесплодными

дискуссиями, которые отвлекли бы нас от наших непосредственных задач и от борьбы за быстрейший переход от капитализма к социализму, то есть к политической и экономической демократии.

— *В совместной программе записана альтернатива самоуправления.*

— Там есть оба термина: один, приписываемый коммунистической партии, «демократическое управление предприятиями» и другой — «самоуправление», приписываемый социалистической партии. Не следует фетишизировать слова. Если наши политические и профсоюзные союзники хотят называть самоуправлением все то, что касается расширения прав и полномочий трудящихся на предприятиях, демократизации жизни не только на производстве, но и вне его, действительного и сознательного участия трудящихся в организации жизни, в решении ими своей собственной судьбы, лично я не вижу в этом ничего плохого. Главное, чтобы все шло хорошо.

— *Если все зависит от содержания слов, являются ли для вас приемлемыми слова «самоуправление» и «совместное управление»?*

— Что касается совместного управления, могу сказать то же самое. Опыты по совместному управлению в некоторых странах очень далеки от наших концепций и наших принципов. Мне не известен ни один пример совместного управления частного предприятия хозяевами и рабочими. В таких делах всегда кто-то остается в дураках. Я не знаю ни одного случая, чтобы им оказывался хозяин.

— *Но если придерживаться буквального смысла слова, Вы не отклоняете этот термин?*

— В условиях капиталистической системы и частной собственности — это утопия. В условиях социалистической системы, где средства производства являются собственностью народа, трудящиеся и представители органов управления экономикой, администрации управляют совместно.

— *Если отбросить спор о словах и их смысле, можно ли считать, что ВКТ и профсоюзные организации согласны принять участие в дискуссии о социализме?*

— Да, в пределах нашей профсоюзной компетенции. Есть ряд вопросов, которые нам не безразличны, но которые относятся к компетенции политических партий. В любом случае всегда интересно обменяться мнениями о том, каким может быть социалистическое общество в нашей стране. Мы всегда готовы к такому обмену мнениями, мыслями. Только, как я уже сказал выше, дискуссия не должна принимать слишком теоретический характер, который отвлек бы нас от защиты требований трудящихся или от борьбы с силами, которые господствуют в нашей стране и которые завели ее в столь трудное положение.

Поскольку я убежден, что строительство социализма во Франции явится плодом коллективной деятельности всех тех, кто полон решимости построить его, довольно рискованно и даже претенциозно пытаться в нынешних условиях определить его контуры во всех деталях.

Профсоюзы в социалистическом обществе

— *Какое место будут занимать профсоюзы в социалистическом обществе или в обществе передовой демократии, которое ему будет предшествовать?*

— Думаю, что, когда в стране будет осуществлена политическая демократия, то есть когда будет проводиться в жизнь совместная программа, роль профсоюзов коренным образом изменится. Нам уже придется иметь дело не с экономической и финансовой властью крупного капитала, а с властью, которая своим приходом к управлению государственными делами будет обязана в первую очередь трудящимся и которая на деле будет вести переговоры с профсоюзными организациями по крупнейшим проблемам. Думаю, что только тогда и можно будет говорить о подлинном согласии между профсоюзными организациями и правительством и даже об участии профсоюзных организаций в некоторых аспектах управления общественной жизнью и экономикой. Мы могли бы участвовать в разработке государственного плана развития страны, в подготовке всех социальных реформ, в том числе в разработке их законодательных аспектов до того, как их примет парламент. Располагая новыми правами и полномочиями, профсоюзы руководствовались бы в своей работе на предприятиях результатами коллективного обсуждения вопросов, коллективных размышлений, консультаций. На национали-

зированных предприятиях профсоюзы принимали бы самое непосредственное участие в их управлении (совместная ответственность и автономия), не вступая в противоречие с экономическими потребностями всей страны. В государственном секторе благодаря демократизации институтов, предусматриваемой в совместной программе, профсоюзные организации смогут внести действенный вклад в деятельность администрации и общественных служб. В частном секторе, который сохранится еще длительное время во Франции, даже на этапе социалистического строительства, профсоюзы будут располагать такой властью, которая позволит если не полностью, то во многих случаях избегать конфликтов. В самом деле, предприниматели будут обязаны вести переговоры, законодательство обяжет строптивных предпринимателей соблюдать завоеванные трудящимися социальные права. Одним словом, положение изменится настолько, что профсоюзы смогут наконец играть конструктивную роль в управлении и в контроле над всеми аспектами экономической жизни.

Все это позволит раскрепостить труд, придать ему новый смысл, мобилизовать разум трудящихся, чувство ответственности каждого. Тем самым у трудящихся будет воспитываться чувство гражданского долга. Они получат возможность пользоваться более широкими демократическими правами и работать в таких условиях, когда у них будет оставаться больше времени для повышения своего культурного уровня. Все это создаст условия для изменения психологии людей, их поведения в жизни и их отношений.

— В этом и состоит участие профсоюзов в строительстве социализма?

— Да, мы начнем участвовать, даже если речь будет идти только о реформах, предусмотренных совместной программой. Эти изменения произойдут не сразу. Привычки и традиции нельзя изменить так же быстро, как перестроить производство на предприятии. Это гораздо сложнее и требует больше времени. Однако благодаря полномочиям, которыми будут располагать профсоюзные организации, наши возможности значительно расширятся. Мы полны решимости максимально использо-

вать их для защиты интересов трудящихся, не прибегая к таким средствам, как демонстрация, забастовки, прекращение работы, борьба...

— Это другой аспект деятельности профсоюзов в социалистическом обществе или в обществе передовой демократии. Однако постоянно будут возникать новые требования трудящихся, которые необходимо удовлетворять. Могут ли они быть социально справедливыми, а политически нецелесообразными?

— Требования трудящихся в широком смысле являются превосходным двигателем экономики и общества. Потребности людей во всех областях всегда были и останутся главным стимулом социального развития. Человек максимально использует природные ресурсы, все средства, которыми он располагает, чтобы углубить свои знания и поставить силы природы на службу своему благосостоянию и счастью. Таким образом, сами по себе требования являются фактором прогресса, культуры и демократии. Конечно, есть определенные пределы для требований. Вопрос в том виде, как вы его ставите, не может рассматриваться без учета характера строя, в котором действуют профсоюзы и при котором высказываются требования. Вопрос связан также с существующими в стране производственными отношениями. В условиях такой капиталистической системы, как наша, трудящиеся, не несущие никакой ответственности за экономическую политику и управление экономикой, выдвигают свои требования, не слишком-то заботясь о последствиях, которые может повлечь их удовлетворение. Раз трудящиеся не несут такой ответственности за экономическую политику страны и поскольку интересы господствующего класса противоречат их классовым интересам, было бы довольно парадоксально, если бы они считались с подобной политикой. Если их требования и их действия идут вразрез с определенными направлениями политики буржуазии и, следовательно, ущемляют интересы крупного капитала, которому служит эта политика, то они могут только радоваться. Все это не означает, однако, что мы можем выдвигать любые требования без учета обстоятельств. Мы погрязли бы в этом случае в демагогии или в корпоратизме. Это было

бы несерьезно, а мы являемся серьезными и ответственными профсоюзными деятелями. Несерьезный подход к решению серьезных проблем может обернуться тем, что трудящиеся в конце концов не пойдут за нами. Довольно редко предприниматели и государство-хозяин удовлетворяют какое-либо профсоюзное требование на сто процентов. Даже в периоды максимального давления трудящихся, как это было в мае 1968 года, нам не удалось добиться удовлетворения требований на сто процентов. Все всегда завершается компромиссом, основывающимся на соотношении сил между трудящимися и предпринимателями. Вот почему профсоюзное движение во Франции всегда выдвигает довольно высокие требования, надеясь добиться максимума, и стремится создать наилучшие условия для того, чтобы компромисс был по возможности более удовлетворительным для трудового народа.

Но конечно, в тот день, когда левые силы возьмут в свои руки судьбы Франции, мы будем действовать с других позиций. Мы будем изыскивать с представителями правительства, с руководством национальных предприятий и частными предпринимателями наиболее реалистичные социальные меры. Не отказываясь от требований, мы не будем выдвигать неосуществимые, демагогические требования и тем более требования, которые могут помешать развитию страны. И тогда нельзя будет говорить о социально справедливых и политически несвоевременных требованиях: это станет лжепроблемой. Не может быть социально справедливого требования, если оно подрывает политику, направленную на удовлетворение интересов трудящихся. Так замыкается круг. Только на основе совместной оценки положения и имеющихся возможностей мы будем определять социальную политику, направленную на удовлетворение потребностей трудящихся и остальных категорий населения, которые создают богатства страны.

— А это не ограничивает Ваши возможности по удовлетворению требований трудящихся?

— Не думаю, потому что, хотя концепция профсоюзной деятельности значительно изменится по сравнению с нынешней, ответственность, которая будет лежать

на профсоюзах, нисколько не уменьшится. Не будет ослабления или обеднения профсоюзной деятельности. Наоборот, она обогатится, обретет коллективный поиск и ответственность, и все это на гораздо более высоком уровне, чем сегодня, поскольку мы станем работать более эффективно во многих областях.

— *Я имел в виду сужение поля деятельности по удовлетворению требований.*

— Деятельность по удовлетворению требований трудящихся при участии их в управлении экономикой страны осуществляется совершенно иначе. В настоящее время она выражается главным образом в конкретных действиях: в стимулировании борьбы, выступлениях, забастовках, демонстрациях. В других условиях она выразится в более непосредственном, более реальном участии во всех делах общества.

— *По мере продвижения общества вперед естественно, что запросы людей растут.*

— Без этого общество не будет развиваться, и история остановится.

— *Таким образом, требования вечны.*

— Безусловно. Требование жить лучше определяет развитие любого общества. Это можно констатировать на примере развивающихся стран. Их экономическое развитие подстегивается новыми потребностями. В этом вся история человеческого общества. Человек действует не только во имя идей. Он действует, чтобы жить лучше. Впрочем, условия жизни не могут оцениваться независимо от эволюции идей. Эти последние развиваются в зависимости от приобретения людьми новых знаний. Я придаю большое значение изменениям в материальном положении (заработная плата и комфорт), но также и изменениям условий труда и роли человека в производстве и в общественной жизни, что позволит ему удовлетворять свои материальные и духовные потребности, приобретать знания, повышать культурный уровень, а тем самым и иметь новые идеи. В этом также состоит счастье народов.

— *Более справедливое общество изменит характер требований. Но не ликвидирует их объема.*

— Это зависит от того, как рассматривать объем требований. Они характеризуются как количеством, так и качеством. В настоящее время правительство и предприниматели относятся безразлично к требованиям трудящихся. Они прилагают все усилия для того, чтобы помешать развитию общества и лишить большинство граждан доступа к культуре. Демократическое общество позволит удовлетворить часть требований, которые не обязательно носят чисто материальный характер, а способствуют преобразованию жизни, эволюции общества, изменению психологии людей.

— *Как профсоюзы смогут сохранить свое своеобразие и свою независимость, участвуя в строительстве общества передовой демократии?*

— Мне представляется необходимым в интересах всех, чтобы профсоюзное движение могло выполнять свои обязанности сознательно, при полной независимости от кого бы то ни было и чтобы в любых обстоятельствах оно само принимало решения. Оно не должно испытывать никакого давления, на него не должны налагаться никакие принудительные обязательства, и его участие в решении экономических и социальных задач страны должно быть всегда добровольным. Это один из тех вопросов, которые обуславливают будущее демократии. Я считаю, что профсоюзная свобода, расширение прав профсоюзов, их «автономия» в социально-экономической жизни являются важнейшими условиями демократии и — скажу больше — своего рода заслоном от всякой возможности уклонов бюрократического или авторитарного характера. Таким образом, положение, которое займут профсоюзы, будет прекрасным зеркалом для тех, кому будет поручено заниматься государственными делами. Они тем самым смогут избегать ошибок и никогда не отрываться от реальности. Одним словом, профсоюзы явятся средством связи с массами трудящихся, без которых ничего нельзя сделать.

— *Удастся ли профсоюзному движению сохранить свою независимость?*

— Или ему удастся сохранить свою независимость, или же оно потеряет свое лицо и не станет приносить никакой пользы французской демократии.

— *В этом случае не будет социализма.*

— Это может произойти. Вот почему нельзя думать о социализме, не уделяя большого внимания, не проявляя большой заботы, большого такта в отношении деятельности профсоюзов, их полномочий и их независимой роли — независимой не от социализма, а от политических партий, которые возьмут на себя дело его построения, и от государства, которое явится его воплощением.

Заключение

— *Вы мне сказали, что надеетесь на осуществление единства профсоюзов еще до ухода на пенсию. Надеетесь ли Вы быть свидетелем победы союза левых сил?*

— Я просто так выразился. Ведь я же Вам не сказал, в каком возрасте я собираюсь уйти на пенсию...

— *Вы рассчитываете уйти рано?*

— Да! Но в каком возрасте это будет слишком поздно? Пока я еще в форме.

— *Вы надеетесь быть свидетелем победы левых сил?*

— Очень надеюсь.

— *Мало надеяться.*

— Я не только надеюсь, я и борюсь за это. Иначе силы, которые господствуют в нашей стране, но которые не смогут долго продолжать править нынешними методами, навяжут нам еще более авторитарную и еще более реакционную власть. Несмотря на кажущиеся и реальные проблемы, стоящие перед левыми силами, о решении которых трудящиеся и все демократы должны думать, ширится процесс, не только приближающий победу левых сил на выборах, но приближающий и начало преобразования нашего общества. Время, которое мы тратим на подготовку условий для этой победы, не означает отступление. Наоборот, речь идет о новой стадии качественного изменения характера продолжающейся борьбы. Как и мои товарищи, я по натуре оптимист. Я убежден, что в ближайшем будущем мы увидим во Франции преобразования, за которые мы сражались.

Левые силы должны серьезно подготовиться к тому, чтобы взять в свои руки руководство общественными делами.

— *Вы начали Вашу жизнь активиста, сражаясь против гитлеровского фашизма. Потом Вы боролись с капитализмом, с хозяевами. Когда социализм победит, осуществится то, за что Вы боролись, Вы сможете со спокойной совестью подумать о Вашей пенсии.*

— Для революционного борца, который посвятил всю свою жизнь борьбе за справедливость и свободу, приход социализма не может быть побуждением к уходу на пенсию.

— *...Ну, может быть, предвестником...*

— Все зависит от того, сколько времени нас отделяет от этого события. Во всяком случае, когда я говорю об уходе на пенсию, я не имею в виду затворничество, я не имею в виду отказ от жизни активиста. Я всегда буду испытывать потребность участвовать в общественной жизни, насколько мне позволит мое здоровье. Но это не означает сохранения за мной навечно моих нынешних функций, я против. Я полон решимости отдать все свои силы на создание необходимых условий, при которых новые поколения борцов возьмут на себя самые высокие функции. Как мне, так и другим борцам, у которых за спиной треть века боевой жизни, нам будет, конечно, позволено и далее вносить свой вклад в общее дело. Судя по тому уважению и любви, которую молодежь питает к представителям предшествовавших поколений, например к Бенуа Фрашону, думаю, что в определенный момент можно найти новое место в общественной жизни, не занимая самых высоких постов.

— *Можно сказать, что Вы никогда не уйдете. Вы уже мечтаете о другой жизни борца, которая наступит через день, через месяц, через год. А вообще, о чем Вы мечтаете?*

— Чего я желаю? В моей жизни преданность моему классу, любовь к родине и ее народу всегда играли боль-

шую роль. Вначале я включился в борьбу из патриотических побуждений. Думаю, что достаточно хорошо знаю свою родину, чтобы представить, как она сможет жить, когда освободится от всех пут, которые мешают ее народу нормально развиваться и пользоваться ее исключительно благоприятными климатическими и географическими условиями, ее естественными богатствами. В своей жизни профсоюзного активиста я часто имел возможность оценить ум, инициативу, творческий дух трудящихся. И если капиталистам никогда не удавалось получить от трудящихся ничего иного, кроме их мускульной силы, мы, профсоюзная организация, каждый день живем и вдохновляемся умом, творческим духом и инициативой народа. Когда человек убежден, что он борется за победу справедливого дела, с которым связано его будущее и интересы его семьи, тогда раскрываются все его способности. Я вижу все то, что может принести эта огромная сила, каковой является творческая энергия людей нашей страны, ее рабочих, ее интеллигенции, ее трудящегося крестьянства, когда мы покончим со всеми видами отчуждения и когда наш великий народ объединится, чтобы построить общество, где труд каждого будет служить счастьем всех. Именно за это я и боролся всю свою жизнь и намереваюсь продолжать борьбу. При этом я думаю не только о своей семье, но и о всех друзьях, о всех товарищах, которых я знал в своей жизни, о миллионах трудящихся. Они обеспечат Франции ее подлинное место в мире, которого она заслуживает. Во время поездок за границу я видел, какой интерес проявляют народы мира к нашей стране, как хорошо известна революционная история, история нашей культуры. Часто французы не знают, как их воспринимают за границей. Я слышал, с каким большим чувством симпатии, дружбы и уважения говорят об истории нашей страны. Нередко, к сожалению, нашу страну сотрясали события, вызванные силами, не имевшими никакого права выступать от имени Франции. Я убежден, что приближается день, когда Франция сможет вернуть себе престиж, который она заслужила в мире за века своей богатой истории.

Я желаю, чтобы моя родина стала для всего мира великим примером социального прогресса и свободы.

Именной указатель

А

Адам, Жерар 134, 240
Александр, Филипп 128
Арагон, Луи 104

Б

Бальзак, Оноре де 74
Барбюс, Анри 74
Баржоне 128
Белен, Рене 52, 78
Бенуа, Шарль 231
Берже, Марсель 75, 76
Бержерон 128
Браун, Ирвинг 80

В

Виши, правительство 53
Вольтер 74

Г

Ги Молле 109, 110
Гиммлер 68
Голь, Шарль де 77, 97, 109—
112, 114, 117, 126, 138, 218
Гомулка, Владислав 198
Горький, Максим 74

Д

Делор, Жак 136, 137, 147
Декам, Эжен 116, 128
Дидро, Д. 74
Достоевский, Ф. М. 74

Дюамель, Рене 209
Дюкло, Жак 99, 106
Дюмулен, Жорж 78
Дюрафур 258

Ж

Жискар д'Эстэн, Валери 138
Жобер 258
Жолио-Кюри, Фредерик 104
Жуков, Г. К. 75
Жуо, Леон 51, 79, 82

К

Кастро, Фидель 189, 191, 192
Кереку, М. 210
Кразюки, Анри 11, 119
Круаза, Амбруаз 83, 218

Л

Ланьель, Ж. 99
Леап, Ален Ле 99
Лебрен, Пьер 117, 224
Левинсон, Шарль 172
Леканюэ 258
Ленин, В. И. 74, 219, 220
Лефран, Жорж 89
Лион, Анри 55, 56, 58
Лондон, Джек 74
Лоран, Андре 228
Лумумба, Патрис 210
Лушёр, Луи 49

М

Малле, Серж 155
Мансхольт, Сикко 263
Мао Цзэ-дун 199, 201
Маркс, Карл 74, 152
Маркузе, Герберт 159
Мендес-Франс, П. 101
Мессмер 137
Миттеран, Франсуа 117, 164, 257
Мовз, Леон, 103
Мок, Жюль 84, 93
Монмуссо, Гастон 220, 221
Мориак 78
Муано, Жан-Луи 224
Мэр, Эдмонд 250

Н

Нгуаби 213

П

Петен 52, 54
Пинэ, Антуан 144
Плиссонье, Гастон 60
Помпиду, Жорж 114, 128, 129,
130, 132, 136, 138
Понятовский, Мишель 258
Постель, Люсьен 202
Пфистер, Тьерри 228

Р

Рабле, Ф. 74
Рамадье, Поль 90
Риджуэй 94, 95
Роше, Вальдек 253
Рубискуль 50

С

Сайян, Луи 80, 252
Секу Туре, Ахмед 209, 210

Семар, Пьер 51, 55, 56, 75, 220
Сталин, И. В. 52, 74, 75, 193
Сюдро, Пьер 149

Т

Тейлор, Ф. 151
Толстой, Л. Н. 73
Торез, Морис 96, 103, 105, 106,
231
Турен, Ален 155, 159
Турнемен, Раймон 95

Ф

Фажу 58
Франс, Анатолий 74
Фрашон, Бенуа 6
Фридман, Жорж 152
Фурниаль, Жорж 50

Х

Хо Ши Мин 204, 205, 207

Ч

Чжоу Энь-лай 199
Чень И 200

Ш

Шабан-Дельмас, Жак 136, 137
Шейх, Шафи Ахмед эль 207
Ширак, Жак 128

Э

Энгельс, Фридрих 74
Эрнито, Робер 94, 95

Ю

Ювелин, Поль 128

Оглавление

Вступительная статья	5
От автора	25

Введение

Автопортрет	31
-----------------------	----

Часть первая

1. Юность в Тулузе	45
2. Сопротивление, депортация, Маутхаузен	55
3. Жизнь борца. 1945—1949 годы: раскол в ВКТ	72
4. Жизнь борца. 1949—1968 годы: де Голль и генеральный секретариат	97
5. Жизнь борца. 1968—1974 годы: май 1968 года	121

Часть вторая

6. Есть ли будущее у профсоюзов: профсоюзы и предприниматели	141
7. Кризис труда и кризис общества	149
8. Можно ли говорить о новом рабочем классе?	155
9. Профсоюзная борьба вчера и сегодня	163
10. Рабочий класс и положение в мире	172
11. Путевые впечатления: от континента к континенту	188
12. Синдикализм и политика: совмещение мандатов	216
13. Дороги единства	235
14. Когда левые силы придут к власти	252
15. Французский социализм	263
16. Профсоюзы в социалистическом обществе	268

Заключение	275
----------------------	-----

Именной указатель	278
-----------------------------	-----

ИБ № 3419.

Редактор *Г. К. Болгарева*
Художественный редактор *А. И. Купцов*
Технический редактор *Г. Н. Калинин*
Корректор *И. М. Лебедева*

Сдано в набор 19.04.1978 г. Подписано в печать 15.09.1978 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура об. новая. Печать высокая. Условн. печ. л. 14,7. Уч.-изд. л. 13,76. Тираж 13000 экз. Заказ № 504. Цена 85 коп. Изд. № 25493.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, 119021, Zubovskiy bulvar, 17.

Московская типография № 11 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113105, Москва, Нагатинская ул., д. 1.

ЖОРЖ СЕГИ БОРЬБА

GEORGES
SEGUY

LUTTER

«Борьба» — так назвал свою книгу Жорж Сеги — руководитель самого мощного революционного отряда профсоюзного движения Франции.

Жизнь этого человека — члена Политбюро ЦК Французской коммунистической партии, генерального секретаря Всеобщей конфедерации труда — неотделима от борьбы рабочего класса и трудящихся Франции за свои права.

Сын рабочего, Жорж Сеги прошел вместе с трудовым народом своей страны через годы, полные драматических событий: острые схватки с капиталом — в предвоенный период, движение Сопротивления — в годы гитлеровской оккупации, не ослабевающая ни на один день борьба французских профсоюзов и компартии против предпринимателей — в последние десятилетия.

Личные впечатления о многих событиях, образные характеристики простых тружеников, а также известных политических деятелей, живой язык делают книгу Жоржа Сеги важным и убедительным свидетельством боевого пути ВКТ и борьбы компартии Франции за мир, безопасность и социальный прогресс как в своей стране, так и во всем мире.

Цена 85 коп.

БОРЬБА

ЖОРЖ
СЕГИ

ЖОРЖ СЕГИ

БОРЬБА

„Нет ВКТ, которая принадлежит Сеги,
есть ВКТ, которой принадлежу я...“

